ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

5 1998

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

ДИЧЬ УНИЧТОЖАЕТ НЕ ОХОТНИК, А БУЛЬДОЗЕР

ологических наук, академик РАЕН

Охота для грамотных людей, занимающихся неистощительным природопользованием, один из важнейших и действенных приемов охраны природы в современных экологических условиях, как бы это парадоксально ни казалось на первый взгляд и какие бы возражения против этого ни выдвигались противниками охоты.

Такое взаимонепонимание противников и сторонников охоты кроется в поверхностных знаниях законов экологии, в отсутствии у первых различий между понятиями охоты как процесса добывания диких зверей и птиц и охотничьего хозяйства как отрасли природопользования. Противники охоты видят в ней только процесс убийства «бедных братьев наших меньших», не утруждая себя анализом общей современной экологической ситуации. Сразу уместно оговориться, что автор этих строк не охотник, хотя по образованию биолог-охотовед, что и позволило ему подойти к оценке роли охотничьего хозяйства, его значения в современном обществе как с позиций рационального природопользования, так и с позиций экологической ситуации конца XX — начала XXI века.

Охотничьи ресурсы — это звери и птицы, отнесенные в соответствии с законом к объектам охоты. Ресурсы эти существуют в различных экосистемах, начиная с арктических пустынь, тундр, лесопокрытых территорий и кончая степными, сельскохозяйственными угодьями, пустынями и полупустынями. Ни один объект животного мира не может существовать вне среды, вне экосистемы, обеспечивающей ему условия жизни и репродукции. В связи с этим среда обитания должна рассматриваться как неотъемлемый объект заботы охотничьего хозяйства. И вот тут-то и начинаются противоречия, претензии, конфликты с другими отраслями природопользования.

ОХОТА
и охотничье хозяйство 5 1998

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала, Союз обществ охотников и рыболовов РФ.
• Основан в октябре 1955 г.

Охотничье хозяйство оказывается как бы оторванным от земли. Белка — объект охотничьего хозяйства, а ветка, на которой она сидит, и шишка, которую она ест,— ресурс лесного хозяйства. Заяц-русак и серая куропатка — тоже ресурсы охотничьего хозяйства, а поля, по которым они бегают, целенаправленно могут использоваться только сельским хозяйством. Отсюда и вытекают конфликтные ситуации между этими направлениями природопользования. Сельское хозяйство, стремясь к высокой урожайности растительной массы, использует химию, механизмы, монокультуры на больших площадях, что губительно для ресурсов охотничьего хозяйства и их воспроизводства. Основная задача лесохозяйственной отрасли — получение высококачественной древесины. Поэтому лесникам желательно, чтобы лосей было мало, а еще лучше, чтобы их не было вовсе. Для деловой древесины представляется не столь важным, останутся ли в лесу глухари после вырубки токовищ, сохранится ли белая куропатка после осушения заболоченных участков леса, приводящего к повышению бонитета лесообразующих пород. В то же время для охотничьего хозяйства важно не только сохранение видового разнообразия ресурсов, но и их обилие. Конфликт «лось и лес» кроется в несогласованности интересов при эксплуатации разных ресурсов на одной и той же территории (одной и той же экосистемы). Так, может быть, целесообразно было бы объединить лесное и охотничье хозяйства? Но лесному хозяйству «мешают» нефтегазовая добыча, разработка недр, прокладка транспортных путей и линий электропередач — все эти направления хозяйственной деятельности сокращают площади лесного фонда. А кто будет использовать охотничьи ресурсы нелесных территорий: тундр, сельхозугодий, степей, полупустынь? Охотничьи, как и другие биологические ресурсы, их охрана, воспроизводство и рациональное использование имеют специфику, учитывать которую возможно только в рамках самостоятельной отрасли. К сожалению, охотничье хозяйство часто отождествляют с охотой (процессом). А поскольку охотники есть во всех слоях населения, среди специалистов разных отраслей хозяйства, может возникнуть ложное представление, что любой охотник — специалист охотхозяйственной отрасли. Но совершенно понятно, что это не так. Любитель-рыболов — это еще не специалист рыбного хозяйства, человек, любящий лес или поставивший в квартире новогоднюю елку,— это еще не лесовод, а группа нумизматов — это еще не банк.

Какой же выход из конфликтов между разными направлениями природопользования? По-видимому, выход во взаимосогласованных действиях, учитывающих интересы разных отраслей хозяйства и направлений природопользования на одной и той же территории. Сам по себе такой подход будет сдерживать развитие всех отраслей природопользования, заставлять искать новые приемы воспроизводства биологических ресурсов, новые технические и технологические средства, что в итоге будет приводить к повышению себестоимости продукции отраслей природопользования. Задача состоит в том, чтобы скоординировать объемы, сроки и способы изъятия того или иного биоресурса из экосистемы.

Теперь целесообразно вернуться к этической стороне охоты как процесса добывания животных. Вообще, можно ли говорить о гуманном или негуманном убийстве? Убийство (лишение жизни) — категория, к которой всегда в человеческой морали относились и относятся по-разному, в зависимости от обстоятельств. Человек человека убивал на войне, и, хотя в целом это никогда не приветствовалось, тем не менее, если война начиналась, защита Родины всегда считалась священной, благословлялась высшей моралью общества — религией. Не осуждается уничтожение вредителей хозяйства, болезней человека и его паразитов. Большинство людей на планете не считает аморальным умерщвление сельскохозяйственных животных, и уж никто не протестует против лишения жизни растительных организмов для удовлетворения потребностей людей.

Моральная норма «не убей» свойственна общественным отношениям и, как любая общественная норма (этическая, эстетическая, правовая), призвана регулировать отношения между людьми, их отношения к окружающим явлениям, предметам, процессам. Любой закон, или иные нормы общества, не в состоянии изменить естест-

© «Охота и охотничье хозяйство» 1998

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

венные законы функционирования экосистем и биосферы. И каким бы жестоким, с точки зрения человеческого гуманизма, ни представлялось нападение льва на антилопу или кошки на мышку, изменить закономерности трофических цепей и сетей, обеспечивающих круговорот веществ и потоков энергии в биосфере, человечество не в состоянии.

Теперь стоит взглянуть на современные экосистемы планеты. На Земле не осталось ни одного участка, прямо или косвенно не измененного хозяйственной деятельностью человека. Даже в мышцах у пингвинов в Антарктиде обнаружены хлорорганические соединения. Ослабление, а нередко полная невозможность процесса репродукции некоторых видов организмов приводят сначала к сокращению численности, а потом к полному исчезновению вида. Трудно не согласиться с Ж. Дорстом, который писал: «Дичь уничтожает не охотник, а бульдозер». Исчезновение видов на Земле в исторический период произошло в первую очередь из-за нарушений экологической ситуации. Охота способна лишь ускорить процесс. В фундаментальном труде «Анализ популяций позвоночных» (1979) Г. Коли пишет: «В настоящее время за счет охоты снижается численность лишь очень немногих популяций. Основную опасность для популяций позвоночных представляют собой разрушения и видоизменения их источников пищи и местообитаний. С моей точки зрения, примерно 95 % проблем, связанных с охраной популяций, относится к этой категории. Даже в тех случаях, когда на первый взгляд главной причиной убывания численности популяций представляется охота, более тщательное исследование обычно показывает, что помимо этого изменяются убежища, источники воды и пищи».

Представим, что охота как род деятельности перестала существовать на планете. В экосистемах, нарушенных деятельностью людей, где изменены условия обитания и воспроизводства животных, происходят территориальные перераспределения видов, некоторые из них получают преимущества в жизнеобеспечении и интенсивно размножаются, другие, наоборот, лишаются условий обитания и нормальной репродукции, некоторые адаптируются к антропогенным преобразованиям среды обитания, другие медленно или вообще не успевают приспособиться. В такой ситуации естественные механизмы регуляции численности популяций и вида перестают эффективно функционировать. Тут-то и возникает проблема «Лось и лес». И если она возникла и численность лося действительно выше емкости среды, как восстановить равновесие? В нетронутой человеком экосистеме тормозом безудержного размножения лося был хищник — волк. Но волк — враг не только для лося, но и для сельскохозяйственных животных. Если не будет охоты как таковой, то и некому будет его убивать. Волк — эврифаг, его пищевые объекты: от мышей до собак и даже людей. Способен поселяться в непосредственной близости к человеку. Распространяет бешенство. Стало быть, снижать численность лосей разведением волка рискованно. Как же тогда обойтись без охоты? Примеров, подобных приведенному, можно привести великое множество. Даже на особо охраняемых природных территориях иногда вынуждены прибегать к

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

регулированию численности животных, в том числе и путем отстрела.

Пушной промысел в состоянии обеспечить людей теплой и красивой одеждой. А что будет, если закрыть охоту? Популяция любого вида животных имеет определенные пределы численности, превышение которых приводит к массовым перемещениям, часто в несвойственные для вида места обитания, к массовой гибели эмигрантов. Высокая (сверх емкости среды) численность популяции также приводит к массовой гибели животных (от бескормицы, болезней и т. п.), ослаблению воспроизводства, разрушению среды обитания и прочим губительным последствиям. Причем падение численности популяции бывает катастрофическим, вплоть до полного исчезновения вида на локальных участках ареала. Р. Парсон в книге «Природа предъявляет счет» писал: «Недалекие и сентиментальные любители природы часто обвиняют охотников, называя их палачами диких животных. Между тем убийство с помощью смертельного оружия более достойно похвалы, чем убийство, являющееся результатом милосердия».

Среди прекрасного и эффективного в целом движения «Зеленых», крайне необходимого в современной экологической ситуации, есть и вредное, в частности борьба с использованием натуральных мехов. Ведь мех — это не только предмет роскоши. В северных широтах без меховой одежды не перезимовать! Забавно слышать от «зеленых» экологов, что альтернативой натуральным мехам могут служить искусственные. При этом забывают, что искусственные меха содержат вещества, которые чужды естественным продуктам биосферы, не поддаются утилизации (редукции) существующими механизмами экосистем, если и включаются в круговорот веществ в биосфере, то нарушают физиологические функции и генетические структуры живых организмов, являются загрязнителями. И это в век, когда экологическая ситуация характеризуется как «кризис редуцентов». Кроме того, для производства искусственных мехов необходимы большие ресурсные и энергетические затраты. С эколого-экономических позиций неиспользование натуральных мехов (и другой продукции охотничьего промысла) и замена их искусственными мехами и материалами не выдерживают никакой критики.

В нарушенных деятельностью человека экосистемах необходимы усилия общества, направленные на ослабление и компенсацию негативных антропогенных влияний, одним из инструментов которых является охотничье хозяйство. В книге «Охрана природных ресурсов» О. С. Оуэн писал: «... охотоведам не удается проводить в жизнь то, что они считают необходимым, потому что их профессиональные знания в ведении охотничьего хозяйства сталкиваются с противодействием общественных и политических деятелей». Охотничье хозяйство, строящее свою деятельность на научных основах, в современных экологических условиях должно рассматриваться не только как отрасль природопользования, но и как неотъемлемая компонента системы охраны природы. В замечательной книге «До того как умрет природа» (1968) Ж. Дорст писал: «Хотя это может показаться странным на первый взгляд, однако правильно понятые интересы охотников в целом совпадают с интересами «покровителей» природы, особенно когда речь идет о сохранении естественных местообитаний».

Охотничье хозяйство не может существовать и развиваться без охотников. Охотничья страсть — это та движущая сила, которая в состоянии реализовать задачи, стоящие перед охотхозяйственной отраслью по рациональному использованию охотничьих ресурсов, охране природы. Только истинный охотник способен ночью и днем, в жару и стужу, в дождь и метель направляться в охотничьи угодья, и не только для того, чтобы поохотиться, но и для того, чтобы участвовать в охране угодий от браконьеров, устраивать подкормку животным, неся в рюкзаке непомерную тяжесть, сооружать искусственные гнездовья и укрытия, спасать зверей во время половодий и т. п.

Усилия охотничьего хозяйства, предпринимаемые в настоящее время для воспроизводства охотничьих животных, зачастую незаметны и неизвестны широкой общественности. Это, как правило, «невидимые миру слезы». «Проблемы, стоящие перед специалистом по регулированию дикой фауны, часто оказываются гораздо сложнее и несравненно деликатнее тех, с которыми приходится иметь дело при охране почв и вод. И тем не менее, с точки зрения экономических затрат, его усилия оказываются гораздо менее продуктивными, чем усилия специалистов по охране других ресурсов»,— пишет Р. Парсон в книге «Природа предъявляет счет» (1969).

В настоящее время охотничье хозяйство России переживает не лучшие времена. В связи с изменившейся экономической ситуацией почти полностью прекратили существование государственные промысловые охотничьи хозяйства (госпромхозы) и звероохотхозяйства потребкооперации. Развалилась система государственной заготовки пушнины и дичи. Большие финансовые затруднения испытывают общества охотников. Однако затруднения эти безусловно временные. Ресурсы охотничьих зверей и птиц в России богаты и разнообразны, что, безусловно, обеспечит дальнейшее устойчивое развитие охотничьего хозяйства в нашей стране.

Фото Т. Баженова

Новосибирское издательство «ИНФОЛИО-пресс» в конце 1997 г. выпустило в свет книгу известного отечественного натуралиста и ученого Александра Николаевича Формозова. Это третье исправленное и дополненное издание. Книга, по сравнению с предыдущими изданиями (1978, 1985), дополнена тремя очерками и 114 рисунками, издана на великолепной бумаге и в твердой обложке.

Во введении сын А. Н. Формозова — Николай Формозов пишет: «Абсолютный глаз в природе — все равно что абсолютный слух в музыке». Так отозвался об авторе этой книги — экологе, зоологе и зоогеографе Александре Николаевиче Формозове (1899—1973) один из его коллег. Действительно, о наблюдательности Формозова среди его студентов (а он долгое время был профессором кафедры зоологии позвоночных Московского университета) ходили легенды. То Александр Николаевич покажет маленькие, еле заметные ямки и объяснит, указывая на черные крошки, оставшиеся от трапезы зверька, что это белка копала малоизвестный подземный гриб, олений трюфель, то обратит внимание, что под старыми елями по кругу растет подрост молодых рябинок — это дрозды облюбовали нижние сухие сучки для ночевок и из года в год «высевают» там семена этой ягоды. Сам А. Н. любил повторять фразу Дерсу Узала «Глаза есть, а посмотри нету».

Для современного читателя необходимо пояснить, как же столь самозабвенная любовь к природе сочеталась у Формозова с охотой. А охотником А. Н. был страстным. Чтобы понять это, надо вспомнить, что книга эта писалась много лет назад, когда фауна нашей страны была еще изучена крайне плохо. А для того, чтобы полюбить, надо прежде всего знать, абстрактная любовь «к природе вообще» пассивна и потому губительна. Не зная, что спасешь, нельзя ни спасти, ни сохранить.

Мы присоединяемся к этим словам и рекомендуем книгу А. Н. Формозова не только охотникам, но и всем любителям природы.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Г. СУХОМИРОВ,
старший научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН

В условиях интенсификации добычи в 1991—1993 гг. общий объем производства охотничьей продукции, вероятно, возрос, но в последующие годы по причине уменьшения ресурсов ряда животных и резко возросших трудностей с освоением отдаленных угодий из-за роста транспортных расходов он снизился. К сожалению, эти данные в статистике нигде не находят отражения.

Другое положение с организованной закупкой продукции охотничьего хозяйства. В 90-е гг. ее объем почти по всем видам ежегодно резко снижался (табл.). В 1991—1995 гг. по сравнению с 1986—1990 гг. объем заготовок в целом по 13 видам пушнины уменьшился с 56,8 до 24,4 млрд руб., или на 57,1 %. Менее всего он снизился по зайцу-беляку (26,3 %), енотовидной собаке (43,4 %) и колонку (47 %), а в большей степени — по песцу (88,1 %), ондатре (73 %) и лисице (69,1 %). Еще более печальные показатели получаются при сравнении данных за 1986—1990 гг. с 1995 г. Заготовка шкурок зайца-беляка сократилась в 27 раз, песца — в 23, ондатры — в 12, горностая — в 11, норки — в 8 и лисицы — в 7, белки — в 6, рыси и енотовидной собаки — в 5, соболя — в 4 и колонка почти в 3 раза. В целом если среднегодовой объем заготовок пушнины в 1986—1990 гг. принять за 100 %, то в 1991 г. он составил 72,5 %, в 1992 г.— 45,2, в 1993 г.— 39,6, в 1994 г.— 36,6 и в 1995 г. всего 20,4 %. Отметим, что объем заготовок пушнины по Дальнему Востоку в 1995 г. равен среднегодовому объему заготовок пушнины одного Хабаровского края в 1986—1990 гг.

Конечно, в 90-е гг. многие охотничьи предприятия не отчитались, поэтому вышеприведенные данные за 1992—1995 гг. занижены, однако резкое снижение заготовок пушнины бесспорно произошло.

Либерализация цен и отмена государственной монополии на экспорт пушнины и товаров тибетской медицины в условиях низкой культуры и отсутствия должных знаний международной торговли у производителей продукции привели к ненужной конкуренции между товаропроизводителями и снижению экспортных цен на пушнину, а в еще большей степени на медвежью желчь, кабарожью струю и другие товары тибетской медицины.

Заготовка мяса диких животных в 1995 г. по сравнению с уровнем 1986—1990 гг. сократилась с 3694 до 410 т, т. е. в 9 раз. Заготовка пернатой дичи почти повсеместно стала убыточной и с 80 тыс. шт. в 1986—1990 гг. упала в 1991 г. до 35,4, в 1992 г.— до 15, в 1993 г.— до 7,2, в 1994 г.— до 4 и в 1995 г.— до 3 тыс. штук.

В целом по охотничьей продукции следует отметить, что она традиционно была низкорентабельной, а нередко даже убыточной. Так, в госпромхозах Хабаровского края, которые работали в более обжитых районах, чем большинство коопзверопромхозов, а тем более северных совхозов и колхозов, за 1986—1990 гг. уровень рентабельности производства пушнины был равен всего 6,7 %, а мяса диких животных 2,6 %. В 1991 г. в связи со значительным повышением цен реализации данные показатели резко возросли — 44,9 и 23,6 %.

Однако в дальнейшем по причине резкого роста транспортных и других издержек призводства, а также введения платы за природные ресурсы себестоимость охотничьей продукции резко возросла, а рентабельность производства снизилась. В условиях отсутствия должного учета и отчетности в отрасли нам удалось получить данные по рентабельности пушнины и мяса диких животных за 1995 г. только у 10 предприятий Хабаровского края. В целом по этим хозяйствам уровень рентабельности пушнины с отрицательным знаком — 16,3 %, и только по трем из них получена прибыль. Уровень рентабельности у них изменяется от +6,5 до +14,4 %. Уровень рентабельности мяса диких животных, по данным четырех предприятий, равен +30,9 %.

Этим данным нельзя полностью доверять, так как очень большой разрыв в показателях рентабельности производства охотничьей продукции по предприятиям невозможно объяснить различными природными и экономическими условиями хозяйствования. Так, в бывшем П.-Осипенковском КЗПХ уровень рентабельности производства пушнины на 60,2 пункта выше, чем в бывшем Амурском КЗПХ, который расположен в лучших природно-экономических условиях. Этот разрыв может произойти только по двум причинам. Первая — огромная разница в уровне охотхозяйственного производства, что нереально. Вторая — низкое качество экономической работы, неквалифицированный учет издержек производства и определения себестоимости продукции. Очевидно, что вторая причина является если не единственной, то основной, определяющей. К сожалению, качество учета низкое не только в бывшем Амурском КЗПХ, но и в подавляющем большинстве предприятий.

Для ликвидации негативных результатов проводимых реформ, более полного использования ее положительных последствий и перевода охотничьего хозяйства на научно обоснованную систему ведения необходимо решение ряда правовых, организационных, экономических и других вопросов.

Основополагающей проблемой в охотничьем хозяйстве является проблема собственности. Требуется законодательно установить права и обязанности основных и второстепенных пользователей территорий и акваторий, чтобы не допускать одностороннего диктата основного пользователя, что наблюдается в настоящее время со стороны лесного хозяйства.

Важно не командовать «сверху», а предоставить всем охотникам, их коллективам равные права и возможности для развития различных форм собственности. Вероятно, наиболее широкое распространение получат коллективная собственность (включая акционерную и общинную) и развитие охотничьей кооперации, которая в России имеет богатую предысторию в виде артелей прошлых веков и прекрасные результаты в своем развитии в конце 20-х — начале 30-х гг. текущего столетия в сфере производства, снабжения и сбыта таежной продукции. Возможны арендные формы охотничьих предприятий и отдельных коллективов. Будут развиваться семейные и фермерские хозяйства, которые по существу имели широкое распространение и успешно развивались в дореволюционный период, особенно среди малочисленных народов Севера. Возможно создание совместных предприятий с фирмами Японии, Китая и Кореи по использованию биологических ресурсов (включая охотничий и экологический туризм) и переработке сырья в полуфабрикаты и готовую продукцию по передовой технологии.

Следует помочь новым охотничьим предприятиям в определении комплекса отраслей, которые целесообразно развивать в каждом отдельном хозяйстве, чтобы добиться их экологической и экономической устойчивости. Узкоспециализированные охотничьи предприятия, особенно коммерческие, нежизненны, поэтому рассматривать перспективы развития охотничьего хозяйства необходимо в тесной связи с развитием других отраслей, с которыми оно сочетается.

Очевидно, что формы собственности и организационное построение охотничьих предприятий будут весьма различны и обуславливаются различными природными, экономическими, историческими, этническими и други-

---

Окончание. Начало см. в № 3, 98 г.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

ми конкретными условиями района.

Важнейшим мероприятием в охотничьем хозяйстве продолжает оставаться ликвидация обезлички в пользовании охотничьими ресурсами. Она позволит преодолеть отчуждение охотников от природных ресурсов, когда в течение многих десятилетий господствовал взгляд на охотничьих животных как на ничейных. Только полная ликвидация обезлички в пользовании природными ресурсами, наличие конкретного, экономически самостоятельного хозяина охотничьих угодий и животных, который, с одной стороны, будет экономически и морально заинтересован, а с другой — экономически ответствен перед государством за рациональное использование природного ресурса, позволят перестроить охотничье хозяйство на прогрессивный путь развития, в центре внимания которого будет находиться человек с его материальными и духовными потребностями. Только при полной ликвидации обезлички в охотпользовании практически осуществимы охрана и учет численности охотничьих животных на всей территории — в коммерческих и общинных охотничьих предприятиях силами всех охотников-профессионалов, а в любительских хозяйствах — преимущественно егерями.

Целесообразно в ближайшие 2—3 года для всех новых хозяйств составить проекты внутрихозяйственного охотустройства. Такая работа впервые мною была проведена в 1994 г. в ТОО «Тайга» района им. Полины Осипенко Хабаровского края.

При решении вопроса охотпользования в каком-либо районе приоритет следует отдавать малочисленным народам Севера и местным старожилам. К этническому природопользованию надо относиться не как к обычной отрасли экономики, а как к социальному явлению, назначение которого состоит не столько в производстве товарных ценностей, сколько в воспроизводстве этноса как конечного продукта. Целесообразно восстановление таежной триады «охота — рыболовство — собирательство», тундровой триады «оленеводство охота — рыболовство», триады морского побережья «рыболовство — морской зверобойный промысел — охота», а также повсеместное возрождение подсобных производств: выделка пушнины, мехового и кожевенного сырья с изготовлением меховой одежды, обуви и сувениров, — где будут заняты все члены семей охотников и рыболовов.

Интересы отдельных охотничьих предприятий требуют объединения усилий для решения двух очень важных проблем: материально-техническое обеспечение хозяйств и реализация их продукции. Эти задачи, вероятно, целесообразно решать не только каждым краем и областью в отдельности, но и в целом по территории Дальнего Востока. Необходим более организованный и согласованный выход на международный рынок с пушниной, товарами тибетской медицины и в проведении туров для иностранных туристов-охотников. Это должно стабилизировать, а затем и повысить цены на охотничью продукцию и туристические услуги, что положительно скажется на экономическом состоянии отрасли и валютных поступлениях в бюджет страны.

Положительный опыт такой работы есть. Организованное в 1992 г. АО «Восток-пушнина» уже принимает пушнину почти по всему Дальневосточному региону. С начала 1995 г. работает учрежденный этим обществом специализированный оружейный салон «Витязь». Принимаются меры по завозу не только ружей, патронов, боеприпасов, но и портативных раций, снегоходов «Буран», лодочных моторов «Вихрь» и других товаров для охотников и их предприятий. К концу 1997 г. планируется начать выделку пушнины, а это значит, что найдут сбыт и на экспортные виды пушнины.

В перспективе с организацией в крае охотничьей кооперации или ассоциации охотников их основной задачей будет обеспечение охотничьих предприятий специализированными товарами и содействием им в реализации всех видов производимой продукции.

Лимиты добычи наиболее ценных охотничьих животных целесообразно уже сейчас утверждать не в федеральных органах государственной власти, в Москве, как практикуется в настоящее время, а непосредственно в администрациях субъектов Российской Федерации, которые с учетом местных данных научно-исследовательских институтов и учебных заведений располагают более полной и объективной информацией по природным ресурсам своих регионов и их использованию.

Современная тяжелая обстановка с охраной охотничьих ресурсов требует значительного улучшения природоохранной работы государственных органов, прежде всего республиканских, краевых, областных и окружных управлений охотничьего хозяйства, усиления контроля за соблюдением охотничьего законодательства и правил охоты, укрепления кадрами и материально-техническими средствами службы охотничьего надзора и резкого повышения ответственности браконьеров за нарушение нормативных актов.

Целесообразно запретить охоту в охотничьих угодьях резервного фонда, усилить их охрану, чтобы они могли выполнять функции воспроизводственных участков. Кроме того, в связи с резким снижением численности копытных зверей требуется повсеместно на Дальнем Востоке запретить охоту на 2—3 сезона на кабана, изюбра и косулю. Необходимо сократить численность волков, для чего возобновить выплату премий за их добычу. Учитывая огромный вред, наносимый природе различными туристическими группами, надо запретить их пребывание в охотничьих угодьях без сопровождения специально подготовленных гидов. Лучшими гидами могут быть работники лесного и охотничьего хозяйства, которые здесь трудятся и отвечают за охрану растительного и животного мира.

Следует упорядочить учет в отрасли. Прежде всего надо организовать учет всех видов получаемой продукции и оказываемых услуг. Как показывает заграничный опыт, сведения о продукции, которая остается у охотников для личного потребления, можно получить при регистрации охотников и оформлении ими документов на право охоты. Подобно основным отраслям сельского хозяйства, по охотничьему хозяйству основные показатели по ресурсам и производственно-финансовой деятельности предприятий должны найти отражение в статистической отчетности. Это позволит определить истинное положение охотничьего хозяйства в экономике отдельных регионов и страны в целом.

ДИНАМИКА ЗАГОТОВОК ПУШНИНЫ ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ ЗА 1986—1995 гг., тыс, шт.[2]

Вид пушнины	В среднем за 1986—1990 гг.	1991	1992	1993	1994	1995	В среднем за 1991—1995 гг.	1991—1995 гг. к 1986—1990 гг., %
Белка	587,7	391,8	187,1	267,9	248,6	102,6	239,6	40,8
Волк	0,96	0,51	0,21	0,17	0,16	0,46	0,30	31,3
Выдра	0,97	0,65	0,45	0,41	0,24	0,13	0,38	39,2
Горностай	63,6	35,2	26,5	34,8	19,3	5,8	24,3	38,2
Енот	7,3	7,3	6,0	4,0	1,9	1,5	4,1	56,7
Заяц-беляк	190,5	226,2	91,4	326,6	50,5	7,0	140,3	73,7
Колонок	67,9	56,5	40,6	30,0	26,6	26,3	36,0	53,0
Лисица	5,7	2,4	2,9	1,6	1,0	0,9	1,8	30,9
Норка	18,3	8,8	7,6	8,6	5,7	2,3	6,6	36,1
Ондатра	556,9	289,2	132,4	162,3	122,4	44,6	150,2	27,0
Песец	15,6	5,5	0,88	1,0	1,2	0,66	1,8	11,5
Рысь	0,51	0,35	0,25	0,11	0,09	0,10	0,18	35,3
Соболь	126,0	98,1	64,0	48,7	50,9	29,6	58,3	46,2
Итого: млрд руб.	56,80	41,2	25,7	22,5	20,8	11,6		42,9

Источник. Закупки пушнины и мехового сырья по видам зверя и заготовительным организациям за 1986—1995 гг. (Госкомстат России, ЦСУ РСФСР).
Примечание. Сумма дана в ценах реализации за 1995 г.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

НЕУСЛЫШАННАЯ ПРАВДА

Хачатур (Христофор) Георгиевич ШАПОШНИКОВ
(1872—1938)

Деятель охраны природы и заповедного дела. Организатор и первый директор Кавказского заповедника. Был репрессирован и расстрелян.

Публикуемые материалы из дневника Х. Г. Шапошникова любезно предоставлены его сыном.

«В 1917 г., после Февральской революции, масса лесников разбежалась, рассеялись и княжеские егеря, и истребление дичи приняло колоссальные размеры. Мне известны случаи, когда убивали по нескольку зубров... Тем не менее по моему предложению на съезде лесничих и лесных техников 10 октября 1917 г., созданном в Краснодаре Краевым Кубанским правительством, был поставлен на очередь доклад «Учреждение заповедника в нагорной полосе для охраны памятников природы в растительном и животном мире». Мысль о создании заповедника встретила горячие возражения и резкие нападки со стороны лесничих,— в результате ничего реального Краевым правительством не было предпринято. Таким образом, моя попытка «государственным» путем охранить горную область успехом не увенчалась».

3 декабря 1920 г. Кубано-Черноморский Ревком утвердил Постановление № 408 о создании Кубанского высокогорного заповедника.

Годы спустя Х. Г. Шапошников писал: «...нежит глаз покрытый молочной дымкой-туманом вид на снеговые горы на юге. Ведь больше полувека я любуюсь ими! Дорогие сердцу, уму, родные! И одно приятное чувство: для вас, милые горы, я сделал многое! Всю радость, вами данную, все познанное мной в ваших трущобах, с ваших вершин, я сжал в одну большую идею и есть теперь заповедник!»

Александр Николаевич ФОРМОЗОВ
(1899—1973)

Известный советский зоолог, деятель охраны природы и заповедного дела. Публикуемая выдержка из его выступления на заседании в Министерстве сельского хозяйства СССР от 14 декабря 1969 г. дает характерную картину отношения официального общественного мнения к заповедникам. Материал любезно предоставлен семьей А. Н. Формозова.

«Председатель: Слово имеет проф. Формозов.

Проф. Формозов: В романе «Скудный материк», опубликованном в первом номере журнала «Москва», имеется такой абзац: «Там, в Кедрачах, был филиал заповедника, небольшой форпост науки. В филиале числилось по штату человек десять, помимо объездчиков и сторожей на кордонах. Десять старичков и старушек, пять симпатичных супружеских пар. Старички были старшими научными сотрудниками, а старушки — младшими. Они там жили уже по многу лет и писали диссертации на свежем воздухе.

В заповедных лесах водились соболя и куницы, бобры и лоси, тетерева и глухари, а в заповедных речках нерестились таймень и семга. Сама научная работа заключалась в том, что старички поутру выходили с ружьишком в лес либо с удочкой на речку и старались промыслить кое-какой дичины и рыбки. А поскольку никому больше в заповеднике промышлять не разрешалось и вся живность там была непуганая и сама лезла в руки, то старички возвращались домой с богатыми трофеями. Старушки по всем правилам потрошили добычу, попутно исследуя желудки тетеревов и тайменей, а потом записывали в тетрадки —что там в желудках у них обнаружено. Эти ежедневные систематические данные представляли интерес для науки. А потому, чтобы не выбрасывать добро, тех глухарей и семг они жарили, парили, солили и употребляли в пищу».

И еще один абзац: «Поздней весной, когда унялся паводок на Печоре, в райком приехали старичок и старушка, научные сотрудники, доктор и кандидат биологических наук,— приехали тайком, инкогнито. Они добились приема у первого секретаря и рассказали следующее: «В праздник Первого мая секретарь территориальной парторганизации Василий Михайлович Шишкин собственноручно вынес из красного уголка фанерную трибуну, поставил на улице, взошел на нее, а старичков и старушек, все эти пять супружеских пар, заставил ходить строем по двое в ряд мимо трибуны с флагом — туда и сюда, взад-вперед. При этом он провозглашал разные лозунги и здравицы, а демонстранты в ответ кричали «Ура».

Это грубейшая клевета на сотрудников заповедника. И это повторяется не только в нашей печати, но и на телевидении — гнуснейший спектакль телевидения производства Сергея

Четвертый слева сидит Х. Г. Шапошников

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

А. Н. Формозов

Михалкова. Он пошел по пути, подсказанному Хрущевым, и издевался над сотрудниками заповедника.

А ведь там героические люди работают! Работают, часто рискуя жизнью. Сколько их утонуло, сколько погибло! И сейчас стоит памятник директору Судзухинского заповедника — он убит браконьером(...)

Несколько лет тому назад в газете «Сельская жизнь» появился фельетон, который назывался «Короче заячьего хвоста». Одному корреспонденту, страшно невежественному, было поручено разобрать тематику маленького совещания. Название «Короче заячьего хвоста» появилось потому, что там был доклад о зайцах, и доклад очень ценный...

Я написал очень злой и откровенный документ, который послал в ЦК партии. Через некоторое время меня вызвали в ЦК, и оказалось, что меня принимал человек, который был виновником этого фельетона.

Конференция была не такая, не представительная, был делегат из Москвы. Это была интересная, совершенно деловая конференция. А дух этого фельетона был такой, что давал возможность натравливать население на ученых.

И вот в первом номере журнала «Москва» опять такая отрыжка! Тот документ, который я послал, привел к тому, что всякие нападки на зоолога кончились, угрожавшее увольнение не состоялось, а меня пригласили в редакцию «Сельской жизни».

«Сельская жизнь» дурную услугу оказала нашей науке, она занимается натравливанием людей на наших ученых.

Вот это маленькое отступление по тем критическим заметкам, которые я хотел бы сделать.

По части этого романа я предлагаю такой ход: нельзя молчать! Надо резко ответить. Только тогда можно добиться нормального отношения к заповедникам».

Материал подготовлен
В. БОРЕЙКО

ШЕРЕМЕТЕВЫ

Граф В. Шереметев

Издревле в России существовали охотничьи династии, и любовь к русской охоте передавалась из поколения в поколение. К такому охотничьему роду относятся графы Шереметевы. Завзятыми охотниками были фельдмаршал Б. П. Шереметев — герой Полтавской баталии, меценат граф Н. П. Шереметев, а также известные псовые и ружейные охотники: В. А. Шереметев, А. Д. Шереметев и Д. С. Шереметев. Им всем прочили светское восхождение к вершинам славы, но страсть к охоте была безграничной, и они прожили всю жизнь в родной природе, в отъезжих полях среди охотничьих собак.

Одним из самых завзятых псовых охотников был граф Василий Алексеевич Шереметев, владелец прекрасных русских псовых борзых. По его инициативе в 1873 г. в Москве было основано Императорское общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. Его имя навечно внесено в летопись славной русской охоты.

С 1877 г. В. А. Шереметев являлся первым вице-президентом Императорского общества. В 1874 г. он организовал первую выставку охотничьих собак и лошадей в Москве на Манеже, где лично возглавил комиссию по экспертизе лучших псовых борзых. Он вырастил много прекрасных собак, достаточно назвать его Подара и Резвого. Однажды в Англии на испытаниях борзых на резвость его псовый кобель Резвый обскакал всех английских собак, а борзой кобель Мальчик на садках в Москве в одиночку взял матерого волка. После кончины Василия Алексеевича в 1885 г. Императорское общество учредило приз в его честь.

Рубрику ведет Б. МАРКОВ

Граф В. Шереметев (слева) и граф В. Гудович с английской борзой Мальчиком

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Фото А. Севастьянова.

ОХОТА НА ВАЛЬДШНЕПА

М. ХАЛЕЕВ

Вальдшнеп — единственный представитель многочисленного отряда куликов, вся жизнь которого протекает в лесу. Именно по этой причине его и назвали в переводе с двух слов с немецкого языка: «вальд» — лес и «шнеп» — кулик. Представляет он собой достаточно высоконогую птицу с длинным клювом весом около 400 граммов. Оперение плотное, окрашено в бурые тона со светлыми пестринами различной величины, на удивление совпадающими с расцветкой опавшей осенней листвы, так что высмотреть затаившуюся птицу бывает до чрезвычайности трудно. Самец и самка окрашены одинаково и по внешнему виду неразличимы.

Вальдшнеп никогда и нигде не считался промысловой птицей, и не потому, что он чем-то нехорош по своим вкусовым качествам и не отвечает изысканным требованиям гурманов, а потому, что он везде и всегда является исключительно спортивно-охотничьей дичью, добыча которой возможна только теми охотниками, которые могут считать себя весьма искусными стрелками. Стремительно взлетая с земли, искусно лавируя между деревьями, он в мгновение ока оказывается вне поля зрения охотника. Поэтому добыть большое количество птиц, необходимое при промысле, невозможно. К тому же охота на вальдшнепа обычно невозможна без хорошо работающей собаки.

Весной, как только появятся первые проталины на полях, по южным склонам возвышенностей и оврагов и на лесных полянках, прилетает вальдшнеп. В средней полосе России это случается в последних числах марта или в самых первых апреля. Прилетев на родину, самцы, побуждаемые инстинктом продолжения рода, в поисках самок начинают летать, то есть тянуть чуть выше деревьев над лесом.

Вальдшнеп — сумеречно-ночная птица. Вследствие этого тяга начинается обычно в сумерках, через некоторое время после захода солнца. Как только начнет смеркаться и почти умолкнут певчие птицы, с земли взлетают самцы вальдшнепов и начинают летать над опушками лесных полян, над просеками, лесными дорогами, мочажинами, над берегами речек и ручьев. Во время полета вальдшнеп довольно часто, чтобы привлечь самок, цвиркает и своеобразно хоркает. Эту его токовую песню в тихую погоду слышно довольно далеко и можно приготовиться к выстрелу.

Между прочим, довольно часто тянут не только самцы, но и самки, которые, однако, не хоркают, а только цвиркают. Большинство самок сидит на земле, и только изредка, стремительно взлетев, они тут же опускаются на землю. Тянущий над лесом самец, заметив взлет и место посадки самки, прерывает свой полет и подсаживается к ней. Эту особенность поведения птиц используют многие охотники. Если токующий вальдшнеп пролетает стороною, вне выстрела, охотник подбрасывает головной убор или небольшой кусочек чулка с грузиком, имитируя взлет и посадку самки. Редко случается, что самец, заметив это, не подлетит к охотнику на верный выстрел.

Характер и интенсивность тяги в значительной степени зависят от погоды. В холодный светлый вечер, когда солнце не село за тучу, вальдшнеп тянет высоко над деревьями, полет его более стремительный, он редко хоркает и цвиркает. В пасмурную тихую и теплую погоду, а еще лучше с редким моросящим дождичком, вальдшнеп летит лениво над самыми верхушками деревьев, часто хоркает и цвиркает. Да и сама тяга по времени в такую погоду начинается раньше, чем в ясную погоду.

Однако не везде вальдшнепы начинают тянуть через некоторое время после захода солнца. Например, в северной части страны, где ночи короткие, тяга начинается, когда солнце еще ярко светит, и кончается перед утром, то есть продолжается всю ночь.

Итак, вы выбрались весной на охоту по вальдшнепу на тяге на то место, которое либо заранее сами присмотрели, либо пришли или приехали сюда по рекомендации друзей. Устройтесь около невысокой березы или елки еще до того, как сядет солнце, и наслаждайтесь концертом певчих птиц. Летящий вальдшнеп будет лучше виден на фоне зари. На этой охоте нужен надежно работающий электрический фонарик, и лучше, если он будет с широким рефлектором. С помощью такого фонарика вы быстро найдете сбитую птицу.

В настоящее время почти повсеместно в нашей стране разрешается использование собак легавых пород и спаниелей при охоте на вальдшнепов на тяге. Поэтому, если у вас или у вашего товарища есть такая возможность, возьмите вашего четвероногого друга с собой на охоту. Но во избежание возможных неприятностей с егерской службой, а главным образом, чтобы собака не мешала вам, привяжите ее рядом и отпускайте только для поиска подранка.

Наконец умолк последний дрозд. Наступила тишина. И только где-то высоко над вами, в бездонном небе, токует всегда одинокий бекас. Вдруг вдалеке вы услышали дуплет, а через некоторое время чуть в стороне еще один выстрел. Тяга началась, вокруг вас стреляют, а мимо вас, и даже поблизости, еще не протянул ни один вальдшнеп. У вас закралось сомнение в правильности выбранного места. Не спешите ругать себя. И вот наконец вдалеке ваше настороженное ухо уловило долгожданное, и к тому же приближающееся, цвирканье вперемежку с хорканьем... Тянет вальдшнеп. Подпустите птицу на верное расстояние, стреляйте чуть перед ней — и вальдшнеп упадет перед вашими ногами. Старые охотники такой выстрел называют королевским. Если же это первая птица и пролетает недалеко от вашего места, но не в полную меру дальности стрельбы, не стреляйте: очень может быть, что именно она же, делая облет, вторично пролетит точно над вами. Если же по той «дороге», где она пролетела, пролетят еще два-три вальдшнепа подряд, можно переместиться, однако то и дело менять свое место не следует, так как в таком случае вы будете метаться в пределах одной лесной полянки и наверняка останетесь без единого выстрела.

Когда на фоне неба еще можно различить силуэт птицы, а на земле в двух-трех метрах от вас уже ничего не видно, на вас может налететь последний вальдшнеп, который после выстрела упадет явно подранком. Вот тут-то и поможет ваша собака. Посланная на место падения птицы, она мгновенно ее обнаружит и либо сделает по ней стойку, либо, что чаще всего бывает, прижмет лапами к земле и, может быть, даже прикусит. Именно так поступают многие хорошо натасканные собаки, которые при охоте в светлое время суток после выстрела и падения птицы никогда не берут ее в пасть.

Охота на тяге коротка по времени, главным образом по условиям видимости. И если вам удалось добыть две-

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

три птицы, считайте, что охота удалась. По возвращении к своей машине, на охотничью базу или домой вы обязательно услышите, но почти никогда не увидите тянущих вальдшнепов, которые будут пролетать почти всю ночь до утра.

Весенняя охота на самцов охотничьих птиц повсеместно разрешена на короткое время, в пределах от десяти дней до двух недель. А ведь вальдшнеп тянет весь май, июнь. Автору довелось наблюдать тягу в Ленинградской области в первых числах июля.

В настоящее время в европейской части России, можно сказать, повсеместно разрешена летне-осенняя охота на пернатых с середины августа. К этому времени подрастают молодые птицы и приобретают трофейную ценность, однако выводки еще не распались, и птицы хорошо выдерживают стойку собак. Охотясь в лесу по тетеревам, в это время вы будете изредка встречать и вальдшнепов. Тетерева держатся на полянках и по их опушкам, а вальдшнепы любят сырые темные участки леса. Практически охота на вальдшнепов в это время носит случайный характер и ничем не отличается от охот на другие виды пернатых, обитающих в лесу.

оказывается на стойке перед птицей, а посланная «вперед» подчас поднимает не одну, а две, а то и три птицы сразу. Такое случается, но редко, и автору это неоднократно приходилось наблюдать в Трегуляевском лесничестве под Тамбовом. Это значит, идет самый разгар пролета, и упустить или хотя бы частично пропустить это золотое время никак нельзя, потому что более интересной и увлекательной охоты в лесу, чем охота с собакой на вальдшнепа, на наш взгляд, нет и быть не может.

Сам процесс охоты на вальдшнепа с собакой в лесу схож с охотой по тетереву, но, по нашему опыту, при охоте на вальдшнепа удобнее работать с одной собакой и вдвоем с надежным, хорошо стреляющим приятелем. Послав собаку в поиск против ветра, обследуйте на полянах каждый куст. Как только собака, причуяв, сделает стойку, ваш приятель пусть займет место чуть в стороне, сбоку. Вальдшнеп всегда взлетит от посланной для его подъема собаки с противоположной стороны куста и будет хорошо виден вашему спутнику. А вам, находящемуся около собаки, возможно, представится редкий случай рассмотреть в кусте буквально распластавшуюся на

Когда же посланная вами собака, как говорят охотники, «нажмет на вальдшнепа», он очень часто, как мышь, пробегает к противоположному краю куста, стремительно взлетает и, лавируя между деревьями, пытается улететь от опасности. Сбить эту чудо-птицу даже опытному охотнику с собакой очень трудно.

При охоте на вальдшнепа могут быть случаи, когда опасен азарт. Посланная командой «вперед» собака подняла сразу двух вальдшнепов: один после выстрела упал в соседний куст, а второй, недалеко отлетев, сел. У охотника нет времени. Он спешит достать убитую птицу и как можно скорее сработать другую. А собака подавать птицу в руки не приучена. Охотник видит птицу, но дотянуться до нее рукой не может. И тогда вместо того, чтобы достать птицу палкой, выломанной из этого же куста, он пускает в ход ружье. Взявшись за стволы, он пытается достать птицу ложей, зацепляет спусковыми крючками за сучок... И что при этом может произойти, даже писать не хочется. В нашей необъятной стране с более чем трехмиллионной армией охотников эта трагическая ситуация случается почти ежегодно.

Еще одно, от чего мне хотелось бы вас уберечь: никогда, ни при каких условиях в присутствии своей собаки не ловите подранков. Как только вы бросите ловить прыгающего и перепархивающего с места на место вальдшнепа, ваша собака сделает то же самое и, как правило, окажется над птицей раньше вас. Птицу-то вы не потеряли, однако своей собаке позволили самостоятельно ловить птицу. Привыкнув к таким действиям, однажды она без вашей команды со стойки бросится на птицу, а при ее подъеме на крыло погонится за ней в надежде поймать. У собаки выработается навык гоньбы, от которого отучить ее не удастся, несмотря на усилия владельцев...

Если у вас случится такое на охоте, стрельните еще раз — избавьте птицу от страданий и на виду уложенной вашей командой собаки подойдите к птице, нагнитесь и возьмите ее, а собаку похвалите и обязательно погладьте по голове или хотя бы дотроньтесь до головы — это один из самых приятных элементов ласки.

Только что мы говорили о том, что с одной собакой при охоте на вальдшнепов удобнее охотиться вдвоем. Однако при этом надо обоим охотникам принять все меры к тому, чтобы один из них не оказался в секторе стрельбы второго. У птицы, как говорится, сто дорог, и обязательно она взлетит от собаки с противоположной стороны куста. Бывают случаи, когда птица поднимается прямо свечкой вверх или через куст в любом другом направлении, и поэтому у охотников должно быть достаточно выдержки, чтобы не стрелять в сторону напарника.

Фото В. Смирнова. Фотоконкурс «Охота и природа, 1996»

Однако время идет, птица растет, и к последним числам сентября тетеревята становятся столь сторожкими, что перестают выдерживать стойку собаки. Охота на тетеревов с собакой теряет свою прелесть.

Приходит осень, по словам А. С. Пушкина, «унылая пора! Очей очарованье!..» и «... пышное природы увяданье, в багрец и золото одетые леса...».

Наступил сезон охоты на вальдшнепа с легавой. С каждым днем лес все более теряет листву и все удобнее стрелять через ветви. Подваливает улетающий с родины на зимовку вальдшнеп. Местами образуются так называемые высыпки, то есть скопление птиц на небольшой площади, в пределах которой собака то и дело

земле птицу. За многие годы охоты автору неоднократно приходилось видеть затаившегося вальдшнепа, причем никогда в сидячей позе. И если вам где-то в литературе встретится снимок сидящего вальдшнепа и под ним будет подпись «вальдшнеп затаился», не верьте подписи — убитому вальдшнепу придали сидячую позу и сфотографировали. Затаившийся вальдшнеп лежит, плотно прижавшись всем телом к земле. При этом к земле бывает прижата не только сама тушка, но и шея, и голова. Рассмотреть птицу в такой позе среди опавшей листвы бывает до чрезвычайности трудно и возможно только с вежливой, хорошо поставленной собакой, не напирающей на нее самостоятельно без вашей команды.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

ФОТО А. ДИГИЛЕВИЧА

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

НА ГУСЕЙ

Чтобы успешно поохотиться весной на гусей, нужно определить маршруты их перелетов на зорях, их кормовые места на дневках, и тогда можно расставить приманивающие их гусиные профили. Вблизи профилей можно построить шалаш или даже земляной скрадок. Но можно и просто встать за кустами где-нибудь недалеко от ночевки гусей, в начале их маршрута, направленного к кормовым полям или лугам. Охота эта отличается особой напряженностью и неповторимыми переживаниями.

Сначала на рассвете с дальнего болота или из призатопленных ивняков доносится ровное и гулкое гоготанье. Гуси разговаривают. Может быть, обсуждают события минувших суток, а может быть, решают, когда и куда лететь дальше. Наверное, временами разговор перерастает в споры. Гогот усиливается, ослабевает, и вдруг, словно прорывается плотина, гусиный гомон ошеломляет. Значит, гуси поднялись на крыло и расслышать в это время других птиц почти невозможно, да и до них ли, когда волна гусиного гомона стремительно накатывается на охотника. Проходят мгновения напряженного ожидания, и вот он, гусиный клин тупым углом на небольшой высоте выплывает в пасмурном небе из-за кустов. Слышен посвист сильных крыльев и гортанный гомон несмолкаемого гусиного разговора.

Гуси над вами. И в этот миг в целом мире есть только вы и они. Стреляйте с небольшим упреждением, зависящим от высоты полета птиц... И да порадует вас шипение воздуха, рассекаемого падающей добычей, и громкий шлепок тяжелой птицы, упавшей на влажную весеннюю землю.

Пройдет два-три дня, и гуси улетят туда, где среди бескрайних низовых болот и озер они вырастят новое поколение подобных себе. И меньше их, очевидно, не станет, как не становится меньше все последние годы.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Н. РУКОВСКИЙ

ПО СЛЕДАМ КУНИЦЫ

На левом берегу реки Вонгуды, почти в середине Онежского полуострова, среди матерого елового леса, у маленького родничка стоит охотничья избушка промыслового охотника Матвеича.

По приглашению хозяина я не раз посещал прекрасные охотничьи места в этом тихом, далеком от городской суеты крае. Здесь можно было вволю поохотиться на рябчиков и глухарей, половить хариуса и щуку, а длинными вечерами в натопленной избушке за пахнущим дымком чаем после охотничьего дня с наслаждением слушать рассказы Матвеича о старине, о фантастических, выдуманных им зверях и птицах, о невероятных случаях на охоте, которых в наши дни уже не бывает.

С наступлением зимы, после первых же снегопадов, самым увлекательным для меня занятием было тропление зверей. Если удавалось по свежей пороше побродить по звериным тропам, я получал большое удовольствие. Идешь по белой пелене и узнаешь все, что происходило в лесу под покровом ночи. Цепочка звериного следа раскрывает такие тайны, такие интимные подробности скрытной жизни зверя, о которых не узнаешь никаким другим путем.

В прошлом году я смог приехать в Онегу только в январе. Матвеич уже вернулся домой после двухмесячной охоты: по глубокоснежью он уже давно не ходит в тайге. Таким образом, на этот раз я стал полным хозяином охотничьей избушки.

Имеющиеся в моем распоряжении две недели я решил посвятить тропленню куницы. По времени это очень немного, если учесть, что здесь, на Севере, зимний день особенно короток. При пасмурной погоде только с девяти утра до трех дня различаешь следы на снегу и передвигаешься по лесу без риска выколоть себе глаза.

По первозимку, когда еще можно ходить без лыж, для тропления времени больше, но, пока снег не покроет кустики черники с головой, тропить можно только крупного зверя, например лося или, на худой конец, росомаху, рысь или даже лисицу, а вот следы куницы по «пестрой» тропе разбирать трудно. Идеальное время для тропления — март, когда день длинный, снег осел и уплотнился, а поверх наста порой выпадает свежая пороша. Но это уже конец промыслового сезона.

И вот я в лесу. Морозно. Вокруг сумрачный заснеженный мир склонившихся под тяжестью снега еловых лап и окутанного белыми одеждами подлеска. Слышно лишь попискиванье синицы-гаички, стук дятла на сухой лесине и гортанный голос пролетающего ворона, похожий на далекое взлаивание собаки. Иногда щелкнет от мороза сучок, и опять все замирает. Снежная навись — кухта — глушит все звуки. Лес кажется мертвым. В эту пору редко встретишь его диких обитателей.

Недалеко от избушки я пересек следы двух лосей. В это время года они здесь редки: еще по первым снегам лоси отошли на сотню километров южнее, где от ветра на вырубках снег плотнее, да и не так глубок. В лесу же эти грузные звери тонут почти до земли, глубоко бороздят снег при ходьбе и быстро устают.

Развлекают меня беличьи следочки. В этом году на ели нет урожая и оставшаяся белка добывает семена только из кислой шишки, сбитой ветром или клестами еще в прошлом году. Потому-то под толстыми елями то тут то там видишь покопки этого грызуна, а возле них кучки чешуек и стержни разобранной шишки.

С завистью смотрю на следы зайца-беляка. Зверек весит всего два-три килограмма, а следы оставляет внушительные, крупнее волчьих. На таких лыжах-снегоступах, как у него, можно бегать почти по поверхности снега, а я на широких охотничьих лыжах при каждом шаге утопаю без малого вполколена.

Но снега я не боюсь: давно износил лучшую зимнюю охотничью обувь — дальневосточные ичиги — и теперь пользуюсь местной. Охотники здесь обрезают у валенок голенища и вместо них пришивают длинные голенища, сшитые из шинельного сукна, которые крепят петлей к поясу и охватывают сыромятным ремешком у колена. В такой обуви при ходьбе на лыжах нога не устает и снег никогда за голенища не попадает, даже если провалишься, как говорят, по самые «развилки».

Опять встречаю следы той же пары лосей, опять белки, зайцы... Но мне нужна куница. И вот только около полудня, обходя нагромождение заснеженного бурелома, я наткнулся на куний след. Зверек вынырнул из-под завала, метнулся вправо-влево, а затем цепочка его следов потянулась ровной двойной строкой. Густоопушенные лапы куницы на сухом перемороженном снегу оставляют размытые, нечеткие следы. Ни подушечек пальцев, ни коготков рассмотреть нельзя. Такие подробности можно заметить только в оттепель, когда на сыром снегу след бывает печатный.

По всем признакам встреченный мною след, или, по выражению местных охотников, наслед, оставил крупный зверек и, скорее всего, не куница, а кун, то есть самец. Ямку от пары его лап едва можно было прикрыть снятой с руки рукавицей; длина прыжка, промеренная лыжной палкой, на которую я всегда наношу деления, равнялась то 60, то 70 сантиметрам. Через две-три сотни шагов, когда зверек оставил на следу свою «визитную карточку», мое предположение подтвердилось. Желто-оранжевое пятно мочи, ярко выделяющееся на фоне снега, было не между продолговатыми отпечатками задних лап, как это бывает на следу самки, а сбоку от отпечатков на какой-то ветке, торчащей из-под снега.

Аллюр «двухчетка», при котором наслед представляет собой парные отпечатки, чередующиеся с прыжками, характерен не только для куницы, но и для большинства ее родственников. Все они, длиннотелые и коротконогие, пользуются этим аллюром, облегчая передвижение по рыхлому снегу. При прыжке задние, толчковые лапы зверек опускает точно в отпечатки передних, где снег уже немного уплотнен, а значит, зверьку легче оттолкнуться для очередного прыжка.

След долго вел меня по густому ельнику. Пробираться приходилось осторожно, стараясь не задевать ветвей, отягощенных пухлым нарядом. Однако это не всегда удавалось, и временами каскады снега обрушивались на голову и плечи. От таких каскадов нужно особенно оберегать стволы ружья, и при тропленнии я надеваю на них глубокий колпачок, сшитый из кожи. Но не дай бог в горячке выстрелить из ружья, не сняв этого колпачка...

В ельнике след куна был очень извилист. Зверек все время менял на-

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

правление, бежал от одного заснеженного бурелома к другому и неизменно нырял в темную пустоту под завалы. Мне приходилось обходить буреломник кругом в поисках выходного следа. Проследить путь зверька под завалами я мог только мысленно и представлял себе, что там в глубине, где под защитой сугроба особый микроклимат, кун разыскивает свой основной корм — лесных полевок. Однако иногда куницам удается поживиться и мелкими птицами: в сильные морозы зимующие в тайге синицы-гаички, дятлы, сойки и кукши нередко забираются на ночь в эти теплые укрытия и становятся легкой добычей хищников.

Но вот в какой-то момент кун вдруг изменил аллюр: вместо очередного прыжка он как-то осел на задние лапы, потоптался на месте и направился вперед, крадучись мелкими осторожными прыжками. Следы от его лап были уже не парные и тянулись не по одной прямой линии, а почти лепились один к другому, располагаясь зигзагом, в «елочку». А дальше... три больших прыжка, последний чуть не в метр,— и глубокая пещерка, в которой кучка птичьего помета, росчерк крыльев на поверхности снега и большие беспорядочные скачки куна то в одну, то в другую сторону. Оказалось, что это было неудачное нападение куна на рябчика. Судя по следам, еще за десяток шагов кун учуял, а может быть, услышал шевеление укрывшегося под снегом рябчика, но ошибся в броске, и добыча упорхнула. Несколько пепельно-серых с черной каймой хвостовых перьев рябчика были вмяты хищником в снег. В трех—пяти шагах впереди слева и справа я насчитал с десяток лунок рябчиков. Здесь, в тайге Онежского полуострова, рябчики на зиму собираются в стаи так же, как у нас в средней полосе тетерева. Вот на ночевку такой стаи и наскочил кун, но... сплоховал. Видимо, не так-то просто достается добыча даже такому ловкому хищнику, как куница. И опять от одного завала к другому потянулась однообразная двухчетка куньего следа.

Вдруг след моего куна пересек такой же след. Что это? Кун сделал петлю на своем поисковом ходу или это след другого зверька? Внимательный осмотр показал, что ямки поперечного следа поменьше и прыжки покороче. По-видимому, здесь прошла самочка, живущая на участке моего куна. Ее след казался более свежим, наверное она прошла здесь перед самым рассветом и, может быть, где-то близко устроилась на дневку. Хотелось проверить, но, памятуя старую пословицу, что за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь, я двинулся по следу куна.

Впереди посветлело, след вывел меня из сумрачного ельника в редкостойный сосновый бор на окраину мохового болота. Бурелома здесь незаметно. По характеру корневой системы сосна сильно отличается от ели: при ветровале дерево не поднимает большой пласт почвы, ствол его не остается на весу, как у ели, а плотно ложится на землю и зимой скрыт снегом. Зверек здесь не находит завалов, под которыми можно промыслить полевку, и потому строчка его следов прямее, прыжки крупнее, чем в ельнике. Длина прыжка вообще зависит от скорости хода и состояния снега, а в редколесье на просторе он плотнее, приглажен ветром,— легче бежать кунице, легче и мне ступать на лыжах.

Здесь я столкнулся с новым поведением куна. Он, как бы играя, с ходу заскакивал по стволу отдельно стоящего дерева на два-три метра и тут же спрыгивал в снег. Зачем такие прыжки? Может быть, это помогает зверьку ориентироваться? В этих угодьях, где и полевку не добудешь, а рябчик редок, кун мог рассчитывать на встречу с ночевкой тетеревов, белых куропаток или глухаря, но, чтобы разыскать лунки этих птиц, нужно пройти большое расстояние.

Фото Ю. Терновской. Фотоконкурс «Охота и природа, 97»

Внезапно, пересекая небольшое моховое болото, кун, как бы вспомнив что-то, резко повернул в сторону и большими скачками направился к торчащему из-под снега пню. Возле него чернела в снегу нора, кун залезал в нее, но тут же вылез и покатил дальше. Когда-то я раскапывал подобную нору, чтобы узнать, что делал там зверек. Под метровым слоем снега обнаружились кости с сухожилиями, хвостовые и маховые перья глухаря, добытого куницей, может быть, еще до снега. Промороженные остатки, конечно, несъедобны и бесполезны для зверька, но хищник любит посещать места прежних успешных охот и, по-видимому, хорошо их помнит.

Немного дальше на краю болота мой кун встретился с рысью. Оба следа были свежими, но кто из них раньше здесь прошел, определить не удалось. Во всяком случае, тот, кто шел вторым, не удостоил вниманием след, оставленный первым,— просто пути хищников пересеклись, и каждый пошел дальше по своим делам.

На исходе светового дня след куна провел меня краем болота, заставил дважды перебраться через небольшую гривку и опять вернул в густой ельник. Здесь у большого выворота, за которым под снегом была погребена старая ель, сломавшаяся при падении еще нескольких деревьев, кун нырнул под завал и скрылся в путанице сучков и корней. Я обошел завал и... все: выходного следа нет. Где-то здесь, в глубине, на моховом ложе под толстой снежной крышей, кун нашел место для отдыха.

Считается, что куница ведет полудревесный образ жизни и обитает в дуплах перестойных деревьев. В начале охотничьего сезона это именно так. Тогда выгнать куницу из дупла или беличьего гайна ударом топора по стволу или при помощи колота не составляет труда. Но во второй половине зимы, когда дупла промерзнут, куница днюет в наземных укрытиях — под кучами хвороста, в прикомлевых дуплах, в пустотах под буреломом, где тепло и безопасно.

Но что мне предпринять? Более неудобное место для охоты без собаки и в одиночку трудно было бы найти, а кроме того, вот-вот начнет смеркаться. Выгнать зверька из-под завала я мог легко, но он наверняка ушел бы незамеченным. В Сибири на промысле соболя в таких случаях применяют обмет, но в здешних местах он не нашел широкого распространения, и я посчитал целесообразным зря не пугать зверька и продолжить тропление утром.

Приняв такое решение, я сразу расслабился, ощутил, что угасающий день стал еще морознее. Холодно! Согреться можно только на ходу, и я спешу до темноты выбраться на просеку, по которой можно идти до избы и без дневного света. К сумеркам в лесу стало особенно тихо...

Рисунок А. Комарова

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Полвека на тетеревиных токах

Фото А. САВЧЕНКО. «Фотоконкурс «Охота и природа», 1997

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Весну 1944 года я встречал на севере Западной Сибири, близ городка Березово, известного тем, что некогда в него был сослан сподвижник Петра Великого — А. Меншиков.

Дом, в котором я жил, стоял на высоком берегу реки Северной Сосьвы. В противоположной от реки стороне, за домом, простирались небольшие поля сельскохозяйственной опытной станции, за полями — обширная, зарастающая брусничником и молодыми 2—3-метровыми кедрами старая гарь, а за гарью — тайга.

В конце апреля под ослепительным солнцем стал быстро таять снег, обнажились большие темные проталины и на всем пространстве бывшей гари забуйствовали, забурлили по утрам тетеревиные тока. Звуки их были так сильны, что я слышал их через бревенчатые стены нашего дома. Казалось, это сама земля, просыпаясь от зимней стужи и оттаивая, фонтанирует многочисленными гейзерами: то шипит и чуфыкает, выпуская пар, то клокочет кипящей водой. С тех пор и до сего времени гул тетеревиных токов я воспринимаю как самую чарующую песню весны, в которой сливаются воедино голоса земли и молитвы язычников, поклонявшихся богам природы.

Мне было тогда всего 13 лет. Были у меня доставшаяся от ушедшего на фронт старшего брата ижевская одностволка 12-го калибра и всепоглощающая охотничья страсть.

Я не помню теперь, сколько токов было в округе. Их было много, и на каждом токовище было не менее 25 петухов. В Березове их называли косачами, польниками, чернышами — кому как нравилось. Но не было опытных охотников: все взрослые мужчины ушли на фронт, охотой занимались только мои сверстники или немногочисленные допризывники, и потому учить меня было некому, я охотился как умел.

Сначала я пытался подкрадываться к токующим птицам. Я шел, согнувшись, издалека изображая четвероногое животное. Потом полз по-пластунски по снегу и мочажинам и, случалось, подползал довольно близко, но, утомленному долгим скрадыванием, мне казалось, что птицы были все еще вне досягаемости. Они шумно взлетали, и только тогда, поднявшись во весь рост, я понимал, что был совсем близко от них.

Убедившись, что подкрасться к тетеревам слишком трудно, я с вечера построил на токовище шалаш, рассыпал вокруг него овес и, чтобы приманка была заметнее, добавил к овсу размолотые черные угли из печки. На такую приманку в начале зимы мы ловили в петли из конского волоса деликатесно-вкусных пуночек.

В шалаш я пришел еще затемно и стал терпеливо ждать... В сером предрассветном сумраке прямо на меня над самыми кедрами черными силуэтами вылетела небольшая стайка тетеревов. Мгновение я ликовал. Но птицы с недоверием отнеслись к моим ухищрениям и, стремительно взмыв над шалашом, повернули влево от меня и улетели токовать в другое место.

Стыдно вспомнить, но в ту весну я так и не добыл ни одного тетерева. Потом мое внимание переключилось на валовой пролет водоплавающих. Стрелять уток и куликов было значительно проще, а мясо семье было необходимо.

Помню, зимой 1944/45 года в какой-то книжке из библиотечки брата я прочел о том, как правильно охотиться на тетеревов, и с нетерпением стал ждать весну... И долгожданная весна пришла. Ночные морозы еще укрывали снег прочным настом, но уже прилетели первые вестники северной весны — вороны, заискрилась под сосульками капель, во дворе стали обтаивать щепки, и первые тетерева забормотали на таежных опушках.

С прошлой весны я помнил, где были ближние к моему дому тока. Пользуясь прочным настом, однажды я без лыж обошел почти всю гарь и, увидев кое-где тетеревиные следы, наметил постройку трех шалашей. Для их строительства использовал все те же молодые кедры, обрубив их нижние ветви или совсем вырубив лишние маломощные стволики там, где они росли целым пучком. Под шалашами почти до земли, точнее, до брусничника я разгреб снег. В качестве опоры для крышки использовал живые кедровые ветви на высоте до полутора метров. Внутренний слой укрытия выстлал сеном, закрепив стенки веревками. На следующий день во все три шалаша привез на санках березовые чурки для сидений, установив их так, чтобы стволы кедров служили опорой для спины. В общем, потрудился на славу.

Тем временем каждый день весны приносил радостные новости. На реке появились наледи. В поле и кое-где между кедрами и на болотцах темными пятнами стали разрастаться проталины. На концах кедровых ветвей жемчугами засветились ароматные прозрачные капли смолы.

Тетерева уже вовсю буянили на токах. Терпение мое иссякло, и как-то в конце ночи я забрался в ближний к моему дому шалаш. Долго ждать не пришлось. Как и прошлой весной, в сумраке раннего утра появилось несколько тетеревов, и не успел я вздохнуть, как они шумно приземлились прямо перед шалашом. Я затаился, а они, помолчав и потоптавшись несколько секунд, забормотали и зачуфыкали. Мне еще плохо было их видно, но ликующие их песни заполнили все пространство вокруг меня. Проснулась земля, я слышал ближних тетеревов, и кипением соседних токов бурлила вся гарь. Меня колотила дрожь азарта. «Нет! Нет! — уговаривал я себя,— в таком состоянии стрелять нельзя, да и темно еще».

Между тем подлетело еще несколько тетеревов. Упруго качнулся ствол кедра за моей спиной, и по шуму над головой я понял, что тетерев сел на вершинку моего кедра.

Я затаил дыхание. Страшно было вспугнуть молчащую надо мною птицу. А тетерева перед шалашом неистовствовали. Время от времени то одна, то другая птица, захлебываясь от избытка чувств, в середине песни вдруг выкрикивала нечто гортанное и картавое, похожее на имя «Ка-р-л!». И снова бурным весенним потоком лилось языческое колдовское бормотание, прерываемое то ударами крыльев, то грозным чуфыканьем.

Светлело. Я уже более ясно различал метущихся птиц и их белые подхвостья. Терпеть больше не было сил. С величайшей осторожностью я просунул в окошко ружейный ствол и прицелился в ближнего петуха.

И грянул гром! И еще не рассеялся дым, как я, разворотив шалаш, ястребом бросился к добыче. И, конечно, все тетерева мгновенно улетели.

Фиолетово-розовая заря охватила полнеба. Преисполненный гордостью, под аккомпанемент гудящих токов, с тетеревом на руках я вошел на территорию опытной станции и встретил старика-конюха, который, как оказалось, когда-то был охотником, а мне страсть как хотелось кому-нибудь похвалиться своим трофеем.

— Ты что же, паря? — спросил он,— стрельнул и — сразу его за шею?

— Угу,— ответил я, возмущенный ироническим вопросом.

— Ну и дурак! — сказал конюх.— Посидел бы, полюбовался бы, еще бы парочку взял.

И мне стало стыдно... Снова затемно я пришел в тот же шалаш, но тетерева не прилетели.

Расстроенный своею ошибкой, я перешел в другой шалаш. Но у него не было тока. Перешел в третий и в нем пересидел все тетеревиное представление из трех актов до конца. В первом акте, до зари, я временами закрывал глаза, чтобы только слушать. И порою казалось мне, что тетеревиные песни омывали и растворяли меня настолько, что я становился центром всего весеннего ликования.

Во втором акте, когда совсем развиднелось, после относительно небольшого затишья, прилетели тетерки и токование стало особенно ярым. Теперь я видел каждого тетерева до последнего перышка, видел бусины их глаз, алые брови, иссиня-черные косицы. Они приспустили крылья, цепляли ими за брусничник, время от времени вспархивали вверх, подпрыгивали, наскакивая друг на друга, но при этом каждая птица придерживалась какого-то своего незримого круга, а боевые схватки петухов проходили на границах их круговых площадок. Правда, иногда некоторые из них совершали небольшие перелеты и тогда захватывали и обороняли другую площадку. Еще больше меня удивило то, что некоторые петухи, рассевшись на

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

кедрах, любовались происходившим и преимущественно помалкивали.

Значительно позже я узнал, что это была молодежь, а старики воевали в центре тока. Впрочем, жертв не было. (Вот бы у кого взять пример рыцарства.)

Я мог бы уже несколько раз выстрелить, и время от времени меня подхватывала волна охотничьей страсти, но побеждали любопытство и соучастие в происходившем. Мне самому хотелось токовать, прыгать, размахивать руками-крыльями, упиваться грудным квохтаньем тетерок, лететь вслед за теми петухом и курочкой, которые, сблизившись, вдруг поднялись на крыло и улетели к ближней опушке.

Из-за тайги огненным шаром выплывало солнце. Словно поняв торжественность этих мгновений, снова тетерева несколько поутихли, а потом, когда убедились, что светило взошло, разразились таким буйством, как будто хлебнули хмельного. Я не стрелял. Околдованный, оглушенный, я досидел до тех пор, пока не стали затихать тока. Я дождался отлета последних птиц, опьяненный весной, вернулся домой, согрелся чаем и спустился к реке, чтобы поохотиться на уток.

На следующее утро я снова был на том же токовище, но на этот раз, не торопясь и не выскакивая до окончания тока из шалаша, добыл трех косачей. С этих памятных дней охота на тетеревиных токах всегда манила меня более других весенних охот.

Я сам научился чуфыкать и хлопать ладонями по сапогам, подражая хлопанью тетеревиных крыльев, и косачи подлетали ко мне. Правда, хорошо бормотать по-тетеревиному я так и не научился, а вот мой покойный дядя умел это делать так, что ни один тетерев не мог отличить его от собрата. Его язык вибрировал с большой скоростью между полураскрытыми, сложенными трубочкой, губами, и бормотание получалось чистым и звонким.

В 1946 г. я вернулся в Москву. Учился в школе, потом в МГУ на биофаке и, конечно, используя любую возможность, ездил на охоту. Любимой оставалась охота на тетеревов. У моего дяди был курцхаар Пантелей, с которым мы с большим успехом охотились по тетеревиным выводкам в районе Головково, под Солнечногорском, и за Волоколамском. В тех же местах, а позже в Завидове, я охотился и на токах... Но шли годы, в сельском хозяйстве все более неразумно, небрежно, а порою даже преступно использовали ядохимикаты. Биологи, охотоведы и просто охотники находили десятки погибших от ядохимикатов гусей, тетеревов, глухарей... Количество тетеревов стало резко снижаться. Уже в 60-х гг. во всем Подмосковье и за его пределами токовали лишь отдельные петухи. Нашлись, конечно, люди, которые во всем обвиняли охотников. Однако перемены, происшедшие в экономике, и хозяйственная разруха расставили все по своим местам. Прекратили использовать ядохимикаты, и год от года стала расти численность тетеревов во всей лесной зоне России, разумеется, за исключением районов с интенсивными дачными застройками.

Разные тока видел я в жизни, большие и маленькие, и теперь думаю, что те памятные мне тока на гари в Западной Сибири по существу были одним гигантским током, лишь разделенным на отдельные близкие токовища. Ведь в окрестной тайге обитала единая популяция тетеревов, и в этом меня убедила севшая однажды поздней осенью на поле перед нашим домом тетеревиная стая, в которой я насчитал более 500 птиц и сбился со счета.

По-разному токуют тетерева, в зависимости от погоды и собственного настроения. Токуют даже осенью. Однажды поздней солнечной и сравнительно теплой осенью в Завидове я добыл тетерева из небольшой группы петухов, токовавших преимущественно на деревьях.

Затяжная и холодная весна 1997 года разочаровала охотников плохими вальдшнепиными тягами, растянутым перелетом водоплавающих и вялыми, а во время дождей и снегопадов совсем отсутствующими тетеревиными токами. Как-то меньше обычного токовали даже могучие глухари, которые за древнюю свою историю, казалось бы, должны были вполне адаптироваться к капризам российской погоды.

Тетерева, как и я сам,— солнцепоклонники. Тихим солнечным и слегка морозным весенним утром их бормотание доносится за несколько километров, и стоит мне услышать их волшебную, похожую на журчанье бурных ручьев, песню, как тревожно начинает биться сердце и хочется скорее добежать, долететь до той поляны, до того болотца или опушки, где иссиня-черные краснобровые птицы с белыми веерами подхвостьев топчутся, бегают, прыгают, танцуют и дерутся, празднуя приход весны и любви.

Р. ДОРМИДОНТОВ

Критика и библиография

Эта книга издательства «Золотой век» долго готовилась к печати. В ее выходных данных указаны 1996 и 1997 годы, но фактически она появилась только в 1998 г., хотя в связи с продолжающимся ростом численности волков потребность в такой литературе вполне очевидна. Крупнейший специалист России по изучению волка М. П. Павлов дал такую высокую оценку книге: «... сведения авторов о волках Подмосковья в полном смысле являются первыми для данного региона феноменальными сведениями. Изложенные в контексте с известными научными положениями о природе волков, они обогащают наши познания о жизнеспособности этого зверя, о ее особенностях при обитании в густонаселенном регионе.

В этой же связи привлекают внимание и суждения авторов об отношении к волку в условиях существования бродячих и одичалых собак, породившего ныне как экологическую, так и социальную проблему.

Не меньшую ценность в изложении авторов представляет раздел об охоте на волков, где помимо грамотного описания приемов этого дела помещены сообщения опытных охотников-волчатников подмосковного региона.

Отмеченное выше позволяет считать, что публикуемый труд А. М. Михайлова и Н. К. Клюкина может служить отличным пособием для обучения и повышения квалификации охотников-волчатников».

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

АЗИАТСКИЙ ЛЕВ И АЗИАТСКИЙ ГЕПАРД

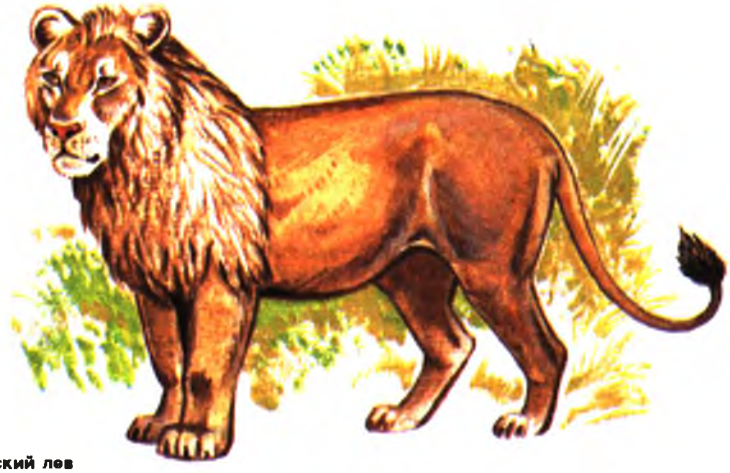
Н. РУКОВСКИЙ

Рисунки В. Симонова

Эти два представителя семейства кошачьих в настоящее время находятся на грани полного исчезновения.

Азиатский лев (Panthera leo persica) по ряду признаков отличается от своего африканского сородича. Когда-то он заселял обширное пространство от Закавказья и Малой Азии до Индии включительно, но в наши дни сохранился только в виде небольшой популяции в единственном резервате Гирский лес, расположенном в штате Гуджарат на западе Индии. Здесь на территории 1400 км², по учету 1990 г., насчитывалось 284 особи этого вида.

В последние годы охрана азиатского льва осложнилась в связи с конфликтами между хищником и местным населением, участились случаи похищения львами домашних животных и нападения на людей.



Азиатский лев

У границ резервата на специальных подкормочных площадках выкладывались туши телят буйволов с целью привлечения львов для показа их туристам. Это мероприятие, стимулирующее хищников нападать на домашний скот и приучающее их поедать пищу в присутствии человека, было прекращено в 1988 г. Прекращение подкормки совпало с сильнейшей засухой 1987/88 г., широко охватившей район и вызвавшей массовую гибель диких копытных и домашнего скота. Нехватка естественных кормов заставила хищников выходить за пределы резервата, удаляясь от его границ на 70—80 км. Нападения львов на домашний скот участились, особенно много их было в деревнях, окружающих резерват, и в местах, где раньше проводилась подкормка. Уровень правительственной компенсации за потраву был низкий, не покрывал расходы на приобретение нового животного, получение компенсации осложнено удаленностью мест от представителей администрации и отсутствием транспорта.

Львы стали посещать деревни, они перескакивали через изгороди, проникали во дворы и даже врывались в дома. Это вызвало увеличение числа контактов хищника с человеком, возросло количество случаев нападения на людей.

С 1978 г. в Гуджарате зарегистрировано 193 случая нападения львов на людей, 28 из которых имели смертельный исход. Особенно агрессивными львы стали после засухи, когда из 20 случаев со смертельным исходом в семи львы поедали своих жертв, чего до засухи не происходило.

Нападения были наиболее частыми в сезон дождей (июль — сентябрь), когда хищники под прикрытием густой растительности оставались активными и в дневные часы. Для регулирования поступления воды на посевы в течение ночи жителям приходилось для безопасности выходить на эту работу не по одному, а группой.

Замечено, что среди нападавших хищников чаще встречались молодые львы-субадультусы: видимо, не находя свободных участков внутри резервата, они были вынуждены покидать охраняемую территорию.

Подобная же вспышка нападений львов на человека была отмечена после засухи 1899/1900 г., когда в штате Гуджарат от львов погибло 66 человек.

Современная стратегия решения проблемы предусматривает прекращение выкладывания подкормки, укрепление границ резервата, улучшение компенсаций за потраву скота, снижение популяции за счет отлова бродячих особей и переселение их в пределах прежнего ареала, выбраковки львов путем платного спортивного отстрела. Целесообразно создание чистокровных клеточных популяций азиатского льва вместо содержащихся в зоопарках гибридов.

Если азиатский лев еще сохранился в природе в количестве нескольких сотен, то на существование азиатского гепарда (Acinonyx jubatus venaticus) надежды невелики. Этот вид исчез давно в Индии, затем в Афганистане и Пакистане, перестал встречаться в Среднеазиатских республиках, временами доходили глухие слухи о его единичных встречах на территории Ирана. Доктор Махмуд Карами представил свежие доказательства существования этого вида в Иране. Он и его сотрудники из Департамента окружающей среды лично встречали гепарда и его следы в провинциях Маркази, Фарс и Хорасан. Неопровержимым доказательством современного существования этого зверя может служить детеныш-самец, продававшийся на базаре и попавший в зоопарк Машад. Однопометник этого самца погиб. Если в Иране и остались единичные особи азиатского гепарда, то, по словам М. Карами, будущее их безотрадно.

Азиатский гепард

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

«ДО ЧЕГО НАСЕЛЕН И ОЗВУЧЕН МИР!»

Юрий Нагибин о природе и охоте

«...Еще спасительнее для меня всегда была и есть природа, поэтому ее немало в дневнике, но она никогда не предстает чисто пейзажной живописью, всегда связана с фигурой, оживляющей пейзаж, то есть со мной».

«По моему дневнику видно, что природа, узкий круг близких людей, охота, рыбалка, собаки были для меня значительнее и важнее иных эпохальных событий».

«Прекрасный сюжет. Добрый охотник — золотое сердце — идет по лесу и встречает старую женщину. Он дает ей милостыню — все, что у него есть. И в награду за его доброту старая женщина, оказавшаяся феей, открывает охотнику способ мгновенно по-царски разбогатеть. Надо ему пройти шагов двести в сторону солнца. Он увидит большое раскидистое дерево, а на нем множество птичек. Пусть он выстрелит из своего верного ружьеца, и когда одна упадет, он вскроет ей грудку, там найдет золотую горошину, проглотит ее, и каждый день будет находить у себя под подушкой сотню талеров.

— Спасибо, старая женщина...

Добрый охотник быстро отсчитал двести шагов в сторону солнца, увидел раскидистое дерево с множеством птичек на ветвях, вскинул свое верное ружьецо и... промахнулся. Птички вспорхнули и улетели...

Ведь бывают же неудачи».

«В один день голые деревья покрылись нежным желто-зеленым цыплячьим пухом».

«Природу воспринимаешь по-настоящему глубоко не когда наблюдаешь, а когда трудишься в ней — охотишься, ловишь рыбу, хотя бы собираешь грибы. Я в эту поездку больше узнал о природе, чем за многие годы. Различные явления представали для меня в их взаимосвязи: ветер, ход и таяние льда на озере; крики чаек и клев рыбы, и многое другое впервые связались для меня в одну цельную картину природной жизни.

Я понял, что я чудовищно темен и некультурен со своим Прустом и Селином, и насколько же Игорь Чуркин более образованный человек, чем я. Я слышал хруст льдинок и сравнивал его с перезвоном стеклянных висюлек люстры, а Игорь за этим хрустом видит озеро и берега, со всем, что их населяет, какими они станут через несколько часов. Я слышу странный стрекозиный стрекот на озере и, бессильный его объяснить, рисую себе нечто высокопоэтическое с оттенком мистики. А Игорь говорит: «Это ледянка трется о прибрежную траву, видно, скоро пойдет нереститься в реку».

И, ей-богу, это куда лучшая поэзия, чем та, какую я могу сочинить от неведения».

«Прорвав темную наволочь неба, возникли рваные силуэты диких уток».

«На рассвете я сидел в шалашике, дрожа от холода, и до боли в глазах пялился на темную, неуютную воду, на которой кочкой темнела подсадная и вертелись чучела... Подсадная казалась искусственной, так была она недвижима, зато деревянные и резиновые чучела резвились, как живые, и все время сбивали меня с толку. Затем возле подсадной возник еще один утиный силуэт, но это было так неожиданно и странно, что, конечно, я не признал в нем желанной цели и опоздал с выстрелом.

Потом, после часов мучительного ожидания, когда за спиной все ширилась желтая полоса зари, воды коснулся чирок и тут же понесся в сторону. Я выстрелил в пустоту, и отдача этого бессмысленного, жалкого выстрела была не только в плечо, но и в сердце. Всей остротой ощутил я свою жалкость, обобранность, никчемность.

Когда мы, наконец, отплыли домой, возле причала и случилось чудо. Высоко впереди возникли две кряквы, или, как тут говорят, матерки. Они шли над кромкой берега и вдруг, невесть с чего, повернули прямо на нас. Я прицелился, нажал на спусковой крючок, но, конечно, забыл спустить предохранитель. Птицы метнулись в сторону, я неуклюже повернулся, скрутив болью спину, и наугад выстрелил. Не прекращая работать крыльями, одна из крякв косо пошла к воде и не села, а как-то плюхнулась на волну.

— Есть! — сказал одноногий егерь, и, хотя он принадлежал к породе ничему не удивляющихся людей, в голосе его прозвучало нечто вроде удивления».

«Вчера... пошел в ближний лес на тягу. Лес в полном смысле звенел. Я плохо знаю голоса птиц. Я узнавал лишь тонкий, острый свист синиц, странное клацанье дроздов, гортанные, тревожные переклики сорок; другие, самые нежные, самые мелодичные голоса оставались мне неведомы, хотя порой я видел исполнителей. Стройная изящная птичка сидела на верхушке молодой ели, на светлом, вертикальном молодом побеге, и заливалась так самозабвенно, что подпустила меня вплотную. А когда наконец заметила, то перелетела на соседнюю елочку, опять на самую маковку, и продолжала с той же ноты, на которой я ее прервал. Жаль, что я не знаю, что это за птичка.

Когда я шел к заветному месту, солнце достигло горизонта. Всю свою последнюю силу оно отдавало земле, покрыв ее горячим розовым золотом. А небо, по-дневному голубое, в чистых, белых, прозрачных облачках, питалось каким-то своим светом. Когда я уже стал в засаде, солнце село, земля накрылась спокойной, тихой тенью, а облака загорелись золотым и малиновым от невидимого уже солнца.

Я постоял немного, потом переменил место, миновав по пути глубокую балку, наполненную будто лиловым дымом. То был растворенный в низинном, вечерне-влажном воздухе отсвет лиловатых веточек ольшаника, усеянных набухшими почками. Из чащобы кустов, крывших дно балки, вырвались и прошли низом два витютня, с такими обтекаемыми, стремительными телами, что они казались не живыми созданиями, а крошечными реактивными самолетами».

«Я пошел туда, вспугнув двух-трех жирных дроздов, и стал под березками. Минут через пять, не поверив собственным ушам, услышал такое отчетливое, громкое, такое буквальное «хорх», будто его произносил человек.

Оглянулся и сразу увидел вальдшнепа. Как и все куликовые, он казался в полете куда больше, чем на самом деле, и летел он быстрее, чем я ожидал. Плохо прицелившись, я выстрелил. Он продолжал лететь и скрылся за деревьями. Но все, что может дать охота, я испытал».

«В конце апреля — начале мая был на охоте. До смерти не забуду, как рядом с моими ярко-разукрашенными чучелами вдруг оказался некто, с долгой красной

Юрий Нагибин. Дневник. М.: «Книжный сад», 1995.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

шеей и красной головой, с коричневыми крыльями и белым телом, живой, гордо и медленно плывущий в сторону подсадной. «Шупшан» — красноголовый нырок в своем брачном наряде. Я так волновался, что добыл его лишь шестым выстрелом. На всех остальных селезней мне довольно было и одного выстрела.

Озеро имеет совсем иной вид, нежели в привычное для меня летне-осеннее время. Оно какое-то голое, не убранное зеленью. Сухие тощие камыши, сквозная мертвая сита. Шалаши сложены из еловых лап, вверху плотная крыша, чтобы не стрелять влет,— можно подстрелить самку. А как выглядят мои серенькие знакомцы! Жалкий свистунок расцвечен, как павлин: головка коричневая, грудь белая, зеленые перышки в крыльях сверкают и перламутятся. У свиязи красно-коричневая головка, у матерок — зеленая в прочернь голова, медная шея, светлые брюшко и грудь и яркая пестрядь на крыльях; лишь трескунок почти не изменился, только на голове белая полоска, видимо, трескунячьи дамы не любят пижонов».

«Ведь я, в сущности, не знаю ни охоты, ни деревенского быта, ни природы».

«Как все прекрасно и трогательно в мире природы, как все грязно и мерзко в мире людей!»

«Я молодец — вопреки семейному здравомыслию съездил на рыбалку и охоту. Наловил порядочно рыбы, застрелил семь селезней (один, правда, ушел в заросли, и мы его не нашли). Было прекрасно. Немного сложно из-за той неуверенности в своих внутренностях, какую я теперь постоянно испытываю, от непрекращающейся ядовито-жгучей изжоги, от неуклюжести моего безобразно расположившего тела. Ну и неловок же я стал; я — прежде такой ловкий, гибкий, безошибочный в движениях. Я залезаю в лодку с повадкой пожилой, жирной, к тому же еще беременной бабы. Все это было бы совсем грустно, если бы не то странное смирение и готовность принять худшее, которые мною сейчас владеют. Быть может, так и положено после инфаркта, но у меня ощущение, будто я дисквалифицировался по всем статьям. Но опять же я не слишком этим огорчен. Есть даже что-то уютное в отрешенности и равнодушии моих последних дней. И удобство в этом есть, я был необычно терпелив в шалаше, спокоен, когда не клевало».

«Зачем охотники так трудолюбиво, настырно и утомительно похабничают? Я этого не замечал прежде на осенней охоте. Неужели все дело в том, что весна, что селезни летят наизготове, высунув свои бедные трубы, что совокупление царит в природе? Это и свобода от жен, и запах пороха, дарующий лихость, и водочка трижды в день, и мужская компания создают атмосферу удручающей низкопробности, так не идущей к прекрасной весенней природе и бедным милым птицам».

«Кончай с суетой. До чего дошел: увидел паутинку на дереве, услышал шмеля в полете и прямо обалдел: до чего населен и озвучен мир! А раньше ты его видел и слышал непрестанно. Но ведь для кино не нужна действительность, не нужны ни шумы, ни краски, ни запахи окружающего мира, вот ты и лишился почти всех пяти чувств!»

«Был на прекрасной охоте в Калининской области. Надо ехать до Кимр, затем пятьдесят километров в сторону до Красных выселок. Здесь находятся база показательного охотхозяйства Росохотсоюза, гостиница, утиный заказник, загон с дикими кабанами, другой — с оленями, гараж и разные хозяйственные постройки. Отсюда мы двинулись грузовиком-вездеходом по чудовищным колдобинам и лужам до Лугино, где находится что-то вроде перевалочного пункта. Дальше шли пешком по мягкой, проминающейся земле вдоль узкой, заиленной, заросшей протоки километра два до канала. Отсюда — лодкой на моторе, а где и с помощью шеста, еще километров восемь. Одолели плотину, построенную бобрами; возле плотины, за лозняком, здоровенная бобриная изба. Старые бобры построили эту избу и отдали молодым, а себе начали строить новую.

Плыли мы ночью, высвечивая себе дорогу карманными фонариками...»

«Был на охоте. Привез четырнадцать уток... у меня был очень плотный шалаш, я наблюдал уток по их отражению в чистой, недвижной, будто туго натянутый шелк, озерной воде».

«Сегодня гулял по запахшему сентябрем, осенью лесу и заходился от счастья и печали. Бросив пить (надолго ли?), я удивительно остро стал чувствовать жизнь. Даст ли это что-нибудь для творчества?»

Фото А. Севастьянова

«Съездил на охоту, которая открылась четырнадцатого августа. В этом году охота началась утренней, а не вечерней зорькой, как прежде.

Взял одного чирка... в то время как остальные охотники взяли по пять-шесть штук...

Устарела моя охота по всем статьям. Нельзя ездить ни с таким ружьем, ни с такими патронами, ни с таким снаряжением, не говоря уже о егере. Уток стало мало, охотников много. У всех карабины, патроны собственной набивки, удобная маскировочная одежда. Пора мне кончать с кустарщиной и переходить в сегодняшний день. Да и стреляют они лучше меня, тренируются на стендах.

Вернулся с охоты подавленный. Неужели и это минует, как минули былые дружбы, привязанности, как минули Псков и Усолье, как почти минуло Михайловское. Чем тогда жить?..»

«Не надо бояться октября (речь идет не о месяце, а о символе), октябрь прекрасен, может быть, прекраснее всех месяцев года, даже мая. Май мучает надеждой, обещаниями, которые никогда не сбываются, октябрь ничего не обещает, не дает и тени надежды, он весь в себе. А за ним — тьма, холод, слякоть, мокрый снег, огромная ночь, конец. Но как красиво сейчас! Какое золото! Какая медь! И как чудесна зелень елей в лесу и лоз над рекой! И до чего же зелена совсем не увядшая трава. А над всем — чистое голубое небо, тверда под ногой, будто кована, дорога, лужи подернуты уже не сахаристым, тающим ледком, а темным, непрозрачным и твердым. И великая пустота тихого, просквоженного от опушки к опушке леса: ни птицы, ни зверька, ни насекомого, ни шороха, ни писка, ни свиста. Сегодня я не выдержал и начал орать в лесу от непонятного счастья...»

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Петр Петрович Глебов рассказывает внуку Петру о былых охотах

Фото С. Гоголева

ОХОТА — ЭТО ВОСПИТАНИЕ ДУШИ

Беседа с Народным артистом СССР Петром ГЛЕБОВЫМ нашего корреспондента Сергея ГОГОЛЕВА

Охота — это воспитание души. Так считает Народный артист СССР, Лауреат Государственной премии, почетный генерал-майор казачьих войск Петр Глебов, он же — бравый казак Григорий Мелехов из «Тихого Дона». Наверное, мало кто знает, что у народного артиста вторым сильным увлечением, после театра и кино, было и остается занятие охотой, к которой он пристрастился с юных лет.

Мы встретились в Подмосковье, в тихой Салтыковке, где Петр Петрович снимает дачу. Я слушал легкоузнаваемый мелеховский баритон и видел все тот же прищур глаз, не хватало только чуба, буйно торчавшего когда-то из-под козырька казацкой фуражки с зеленым околышем. Хотя и условились говорить только об охоте, потому что за сорок лет пересказывать съемки «Тихого Дона» ему порядком поднадоело, все же...

— Петр Петрович, хотелось бы начать наш разговор с вопроса: Где вы родились? Потому что у меня и многих моих знакомых на этот счет самые разные предположения: кто говорит, что вы из потомственных казаков, а кто, глядя на ваш греческий профиль, в фильме «Тихий Дон» говорит, что вы вообще не из России.

— Сразу хочу вас разочаровать, ни вы и никто другой не угадали. Я — стопроцентный россиянин, москвич. Фамилия Глебовых в начале века была в Москве очень звучной: здесь покупали шерсть только глебовских мануфактур, французское вино пили только «от Глебова», и многие, игравшие на бегах, ставили только на глебовских рысаков.

А по поводу греческого профиля, то вся штука в том, что история казачества довольно сложна: казаки служили то туркам, то полякам, а персонаж Григория Мелехова как раз происходил от турок и был горбоносым. И мне надо было быть похожим на литературный прообраз, а у меня нос немного другой. Но Алексей Смирнов — был на студии такой замечательный гример — на моем примере доказал, что не только в театре, но и в кино можно играть с накладным гримом. Он сварил специальный эластичный гуммоз и каждый день перед съемкой полтора-два часа лепил мне мелеховский нос. Но однажды с носом возникла большая проблема.

— Что, он отклеился в кадре?

— Нет, он пропал. После каждой съемки я скатывал его в шарик и хранил на подоконнике хаты, в которой мы с семьей жили во время съемок. Дочка Лена, которая теперь тоже актриса, была совсем маленькой, только начинала ходить, и мы решили, что пропажа — ее ручек дело. Стали спрашивать про шарик, а она отвечает: «Ляля ням, ням». Пришлось гримеру новый гуммоз заказывать.

— Насколько я знаю, ваше увлечение охотой идет из далекого детства, расскажите, пожалуйста, об этом.

— Родился я за три года до революции в дворянской семье. Сколько себя помню, наш дом был всегда полон клетками со снегирями, синицами, дроздами и прочей поющей мелочью. Отец у меня был заядлый охотник, и не было для нас с братом Федором времени счастливее того, когда он брал нас с собой на тягу. Я хорошо запомнил, как мы бегали по хлюпающей от весенней распутицы земле, продирались по кустам, подбирая сбитых отцом вальдшнепов. В 1922 году отца не стало, и вскоре нам «посоветовали» освободить родовое имение. Мы поселились в деревянном домике неподалеку, и все стало как у всех — полуголодное, босоногое детство. Думаю, в это время и родился во мне настоящий охотник, это ремесло стало для меня не забавой, а средством выжить.

В лесу мы стреляли с братом Федором белок, а шкурки сдавали в конто-

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

ру заготсырья в обмен на продукты. А недалеко от дома, в овраге, ловили черных дроздов и возили с Федором продавать их на Арбатский птичий рынок, где сейчас находится станция метро «Боровицкая». Торговал брат, чей интеллигентный вид вселял уверенность покупателю, что его не надуют. Если кто-то сомневался, то тут же подбегал я и с крайней степенью удивления выражался примерно так: «Ба, да это же говорящие дрозды! Почему так дешево?» — и просил оставить парочку, пока сбегаю к мамке за деньгами. Действовало безотказно.

— Петр Петрович, интересно было бы узнать, что за ружья у вас были и с чем вы ходили на охоту?

— Очень интересный вопрос. Вскоре после смерти отца ружей у нас не стало. Сейчас точно не помню, но, скорее всего, мама их продала, потому что надо было на что-то жить. А ходили мы с братом на охоту с самодельным ружьем, если его можно было называть таковым. Это была обыкновенная «поджига» — стальная трубка, заклепанная и запаянная с одного конца, прикрученная к деревянному прикладу. Когда подкрадывались к зверю, то Федор целился, а я поджигал порох на «приступочке». Иногда и попадали, а иногда и разрывало от непомерных зарядов.

Но вскоре мне выпала редкая удача. Я нашел облигацию крестьянского займа и, с разрешения матери, на вырученные от продажи деньги купил свое первое в жизни ружье — берданку «фроловку». Вот тогда-то и начали мы охотиться по-настоящему.

Помнится, к нам на обед, когда мы с братом настреляли осенних грачей, приходил великий Станиславский с актерами вахтанговского театра. Мы жили с ним рядом, и то было просто соседское знакомство.

— Почти невероятно, Станиславский и грачи. По-моему, это все равно что готовить обед из ворон?!

— Что вы! Осенний грач ест зерно и червяков. Мясо грача идеальное. Мы еще соек любили. А вот сову однажды варили, она так и не сварилась. Я понял, что сову есть нельзя.

— Петр Петрович, как вы «заболели» театром, действительно ли учились у самого Станиславского?

— Как я уже сказал, мы с Константином Сергеевичем были знакомы, когда жили по соседству в Дарьино. Мой старший брат Григорий Кристи (он был у мамы от первого мужа) с детства был влюблен в театр, делал дома декорации и ставил с нами и детьми наших соседей спектакли. Я тоже принимал в них участие, играл комические роли и высмеивал жителей наших дач. На одну из таких репетиций в овраге, гуляя, забрел Станиславский и стал нам кое-что подсказывать. Моему брату Феде, игравшему короля в «Трех апельсинах», он говорил: «Федя, что такое король? Вот ты сидишь какой-то горбатенький, жалкий. А в пяти километрах отсюда станция «Жаворонки», распрямись и постарайся через лес, через овраги ее увидеть». Федор так старался распрямиться, что опрокинулся вместе с креслом. Впоследствии я поступил на курс к Константину Сергеевичу. Наш курс был его последним, который он не успел довести до конца.

— Петр Петрович, скажите, пожалуйста, а правда ли, что Никита Михалков приходится вам племянником?

— Моя мама — урожденная Михалкова, а ее брат — отец Сергея Владимировича Михалкова, нашего знаменитого детского писателя. Соответственно он является моим двоюродным братом, а Андрон и Никита — племянниками. Никиту я учил и искусству, и жизни, и охоте. Охотником он стал не только заядлым, но и искусным. Как-то собрались с ним на лосей в костромские леса, поехали. По дороге церкви попадаются, а Никита, глядя на них, крестится. На охоте же в одном из загонов с двух выстрелов завалил двух лосей — королевский дуплет. Я только головой покачал от восхищения, а он говорит мне: «Вот так-то, дядька, креститься надо»...

А с его отцом Сергеем Владимировичем тоже был случай: не поехал на какое-то важное совещание в Ленинград из-за того, чтобы остаться с нами на охоте. А на следующий день уснул под елкой, на номере, и надо же такому случиться, что лось вышел прямо на него. Посмотрел он на спящего писателя и спокойно прошел мимо, не потревожив его сладкого сна... Это мы после по следам установили, хотя он и говорил, что не спал и не видел никакого лося.

В роду Глебовых все были охотниками. Знаменитая сцена травли волков в романе «Война и мир» написана классиком с моего деда Петра Михайловича Глебова, который держал стаю отменных русских гончих и борзых. Любовь к охоте у нас семейная. Даже моя бабушка, княгиня Трубецкая, травила борзыми лисиц, волков, не слезая с коня. Кстати говоря, Лев Николаевич Толстой ухаживал за моей бабушкой и впоследствии присвоил образу Наташи Ростовой некоторые ее черты.

Народный артист СССР Петр Глебов за чисткой ружья

— В свое время много говорилось и писалось на весьма популярную в светских кругах тему: «Черномырдин и медведи». Как вы отнеслись к этому известию?

— Я был очень возмущен этой беспочвенно раздутой темой. И очень пожалел, что Виктор Степанович не нашелся должным образом ответить Евгению Киселеву на вопрос, зачем он убил медвежат? Во-первых, это глупая постановка вопроса, а во-вторых, это были уже не медвежата, а «пестуны» весом до 80 кг. Не сделай он этого, зимой они непременно бы погибли. Кстати, правилами охоты это оговорено, но в погоне за сенсацией прессой надуманно была вызвана очередная шумиха.

Вообще, я считаю, что людям такого ранга просто необходима разрядка, и нужно отдать им должное, что они еще умудряются находить время для занятия охотой. Я вспоминаю, как в свое время Никита Сергеевич Хрущев требовал от всего состава Политбюро в выходные дни выезжать на охоту. Из рассказов егеря, с которым я охотился много лет, узнал, что Председатель Совета Министров Косыгин, будучи уже в возрасте, обучался стрелять глухаря. Недовольный и сердитый, он поднимался за полночь и обреченно уходил с ружьем на токовище...

— Петр Петрович, не хотелось бы говорить о прожитых годах, но как вам удалось сохранить бодрость и силы? Помогает ли вам в этом охота?

— Зависит это не только от увлечения охотой. Заряд силы и здоровья идет от работы в саду и на огороде, от моей искренней сердечной доброты к людям, от умения радоваться жизни. Я ведь когда-то и косил, и пахал, и крестьянскую жизнь знаю не понаслышке. Не пропускаю ни одного открытия охоты. Часто выезжаю на охоту и в обычные дни со своими внуками Петром и Федором. Рад, что для них это тоже настоящий праздник. Конечно, иногда с грустью смотрю на ружье как на символ безвозвратно уходящего времени, но ни о чем не жалею. Охотничья страсть — это состояние души! Разве можно забыть ни с чем не сравнимую тягу? Весенний обволакивающий дурман лесных звуков и запахов, полет токующего вальдшнепа и приятная тяжесть ружья в руках.

— Были ли среди ваших знакомых артистов такие же заядлые охотники и приходилось ли вам с ними охотиться?

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

— Безусловно, среди моих друзей артистов были настоящие охотники. Это Вацлав Дворжецкий и Петр Кадочников. С последним, где бы мы ни встречались, говорили только об охоте, спорили, радовались, смеялись по-доброму над охотничьими неудачами. Своим закадычным друзьям Петру Алейникову, Борису Андрееву, Ване Переверзеву я часто рассказывал о лесных приключениях, но, к сожалению, так и не смог привить им любовь к охоте. А у Николая Крючкова уже была страсть — рыбалка. Охоту он не переносил. «Да что это за процесс? — шутил он.— Бегаешь, как сохатый, целый день, ни выпить ладом, ни закусить. А тут — насадишь червячка, закинешь в речку удочку и культурно отдыхаешь»...

— А как вы относитесь к спиртному?

— Я не аскет, ни в коем разе не отказываю себе в этом удовольствии, но только в меру и вовремя. Терпеть не могу, когда иные горе-стрелки прикладываются на номерах к горлышку, а потом либо ружья теряют, либо палят в белый свет, как в копеечку. Поэтому далекие от леса люди уверены, что охота — это та же пирушка, только в резиновых сапогах. Лично меня охота спасла в какой-то мере от печальной участи моих друзей, известных артистов. Жить бы им да жить, если бы не подкосила сильно распространенная болезнь среди артистов — пристрастие к спиртному. У нас ведь как? Куда бы ни приехал, везде находятся поклонники с пол-литрой. И причем каждый считает, что с ним ты просто обязан выпить. Никогда не забуду, как мы с Женей Урбанским прятались от таких поклонников на гастролях. Спуститься пообедать из номера гостиницы было просто невозможно. Бывало, что по пожарным лестницам спускались, чтобы найти другое кафе или ресторан. Урбанскому особенно доставалось после фильма «Коммунист», а мне — после «Тихого Дона».

Когда мы привезли картину Шолохову в станицу Вешенскую, то в клубе сутками крутили пленку. Люди ждали, когда закончится очередной сеанс, чтобы тут же заполнить зал. Мы в это время сидели и выпивали у Шолохова, нас водили из хаты в хату, угощали и угощали. Потом мы шли в зал на сцену и что-то говорили. Шолохов был добрейший, демократичнейший человек. Казалось бы, что я ему? Утром, после нашей великолепной разгульной ночи, будит меня — несет две бутылки шампанского (опохмелиться!) и двух лещей. Вот уж ему я не мог отказать.

— Успех фильма как-то повлиял на вашу жизнь?

— Удалось из комнатушки в коммуналке, где мы жили с женой, няней и дочкой, перебраться в отдельную квартиру. Меня тогда родня надоумила сказать Хрущеву: дескать, трудно мне работать над третьей серией «Тихого Дона», живя в таких условиях. Никита Сергеевич выдал мне квартиру за одни сутки. А много лет спустя «Тихий Дон» посмотрел Брежнев. Оказывается, он до этого картины не видел. Прослезился, спрашивает: «Кто такой этот Глебов?» Ему говорят — «заслуженный артист».— «Дать сегодня же народного!» Потом посмотрел мои документы: «Оказывается, Глебов Москву защищал, а у него только медали. Дать ему еще и орден Ленина!» Ему отвечают: «Леонид Ильич, нельзя на одно лицо два указа Верховного Совета в один день издавать. Не было такого в истории страны».— «Ну,— говорит,— сделайте в виде исключения. Орден Ленина от меня»...

— Петр Петрович, в одной из телепередач я видел, как вы искусно подражали голосам птиц. Где вы научились этому?

— Искусству подражания я нигде специально не учился, а то, что умею, так это из далекого детства. Навыки приобретались с ловлей птиц или охотой на них. Сейчас, конечно, уже не могу просвистеть соловьем, но «проскрипеть» дергачом или «пробалобанить» тетеревом еще умею.

В связи с этим припоминается интересный случай. Стою как-то весной на тяге, на опушке небольшого березового подроста. Представьте себе: ранняя весна, в лесу снега еще по колено, а ручьи вовсю уже его подмывают. Птичий гвалт такой, что не разберешь, кто и что поет. И вот, в этом птичьем гомоне слышу, как тетерев «забуткал» где-то на озимых. Время для тяги еще раннее, и решил я поиграть с ним — тетеркой отозваться. Раз, другой, третий. Стал он мне отвечать, а сам все ближе и ближе ко мне подлетает. Вдруг я заметил, как со стороны деревни ко мне двое подкрадываются, с ружьями наперевес. Меня не видят, понял я, что на голос тетерки идут. Когда совсем близко подошли, я вышел из-за укрытия, и надо было видеть выражение их лиц. Редко кому удалось бы так сыграть, будь то в театре или кино. Конечно, я им сказал от души, что про них думал, правда, не успел немного, они спохватились и бежать, только их и видели... Я же подманивал не ради охоты, а ради интереса.

— Петр Петрович, и все же что для вас охота?

— Охота для меня — это жизнь. Другая жизнь, совсем не та, что в душном и суетливом городе. Это наслаждение одиночеством, ощущением себя частью природы. И как сказал поэт:

В охоте мне нужна не шкура,
Не видеть кровь стремлюся я,
А благородная натура
В поля и лес влечет меня.

Хотелось бы пожелать читателям журнала активней заниматься охотой. Она подарит вам радость, здоровье и долголетие...

■

В. ГРЕКОВ
кандидат биологических наук, почетный член УООР

После окончания Московского Пушно-мехового института (МПМИ) судьба занесла меня на юго-восток Каспия, где я работал (в 1953—1955 гг.) в качестве зам. директора по научной части Гасан-Кулийского орнитологического заповедника.

При обилии дичи местные жители промышляли ее различными способами.

Сразу оговорюсь, меня поразило то, что всю птицу, в том числе и кур, поджаривали на постном масле. В первый раз я с неудовольствием подумал, что курица, приготовленная на растительном масле, будет, мягко говоря, так себе. Но каково было мое удивление, когда я попробовал конечный продукт,— курица оказалась превосходной.

Несмотря на обилие дичи, в питании местных жителей преобладал кашкалдак (лысуха).

Ощипанная лысуха в средней полосе представляет собой нечто ужасное — мохнато-серо-черное, а окончательно опаленная — это к тому же черновато-колючее, как лицо зарастающего брюнета. Кашкалдак, обработанный женщинами Каспия,— произведение искусства, чистая, залитая жиром, беловато-желтоватая тушка! Любо-дорого посмотреть!

Не скрою, над моей обработкой в меру посмеялись и быстро научили, как именно надо делать. Прежде всего начерно удаляется контурное перо, после этого тушка птицы остается покрытой густой шубой черного пуха, который нельзя выщипывать местами (важный момент). Если теперь этот пух опалить, то часть его обгорает, а другая засаливается и прилипает к коже, и чем больше стараешься опаливать, тем труднее и невозможнее сделать это. В конце концов тушка становится колючей из-за обгоревших очинов пухового пера и грязной от сажи и прилипшего засаленного пуха. Некоторые охотники, отчаявшись, сдирают шкуру вместе с подкожным жиром, но как можно допустить, чтобы высоковитаминный и калорийный продукт пропал зря?

Итак, на Каспии обработанную вчерне тушку смачивают водой в каком-либо месте (чаще начинают с груди), затем подносят к огню и держат до тех пор, пока вода не «закипит» в прогреваемом месте и не появятся ее пары. Окончание этой весьма важной процедуры определяется тем, как легко под действием пальцев начинает скатываться в валик пух и отходить от кожи. Через несколько минут умелец справляется с этой задачей и тушка чистая — приятно посмотреть,— но на ней остаются, как и на всякой птице, волосики, вот их-то и надо опаливать на легком огне, чтобы не вытопился

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СПОСОБЫ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ДИЧИ

жир. Еще раз подчеркну, у птиц опаливаются не пух и не контурное перо, а только волосики, которые больше никак не удалить, разве что побрить.

Надеюсь, всем ясно, что здесь предлагается местный способ, дошедший до нас из прошлого.

Лысухи в средней полосе, на Украине, в Западной Сибири к осени жиреют, но наивысшей упитанности достигают на зимовках, где их мало беспокоят. Так, по данным А. Г. Дюнина, жир лысух, потерявших способность к полету, составляет более трети общего веса тела. Но такие особи чаще встречаются на Большом заливе Кызыл-Агачского заповедника среди огромных зимующих стай. Спасаясь, такая птица нырнет два-три раза и распластается в изнеможении на воде, раскрыв клюв в задышке.

В связи с тем что большей части охотников приходится иметь дело с птицами средней и низкой упитанности, рассмотрим сначала этапы приготовления такой дичи. Итак, ощипанная и опаленная птица разрезается на куски, моется, помещается в казан и заливается на $^1/_3$—$^1/_4$ постным маслом; приготавливается на умеренном огне. Через некоторое время мясо даст воду, в которой оно первоначально тушилось. Естественно, его время от времени надо перемешивать.

В конце первой стадии процесса приготовления наблюдатель Курбанберды Чарыев закатывал глаза кверху и, подняв палец выше головы, говорил: «Слышишь, бащлык (начальник), как масло кричал?» После чего он открывал крышку казана, и, действительно, вода уже выпарилась и масло потрескивало. Теперь можно было зарумянить куски дичи, но ни в коем случае нельзя продолжать жарить до готовности, так как мясо высохнет и будет жестким. Затем он заливал почти полностью дичь водой и тотчас закрывал крышкой. Этот этап длился также до полного выпаривания воды, затем в кипящем масле куски зарумяниваются (если эту операцию не сделали ранее) и в жаркое бросают мелко нарезанный лук, за которым, непрестанно помешивая, надо очень внимательно следить. И как только лук слегка порозовеет, необходимо тотчас снять казан с огня, иначе он в момент почернеет и превратится в угольки.

Итак, дичь готова! Остается ее выложить вместе с луком и в оставшейся смеси жиров нужно подрумянить нарезанный картофель и все вместе подать к столу. Надо сказать, что такое приготовление дичи было одобрено всеми, кто отведал это блюдо.

Если дичь жирна, то вытапливают внутренний и отчасти подкожный жир, а затем продолжают готовить без каких-либо добавлений растительного масла. Очень жирную птицу достаточно нарезать кусками, и из нее вытопится столько жира, что его придется в конечном счете отбавлять. На Западном Каспии в позднеосенних мигрирующих стаях шилохвости бывали настолько жирными, что при ударе о землю у них вдоль туловища трескалась кожа. Из двух таких птиц приходилось сливать до пол-литра жира. В общем, слишком жирную дичь лучше готовить в плове по общепринятым правилам, тогда ничего сливать не придется.

Теперь следует сказать несколько слов о рыбоядных птицах. Дело в том, что их приготовление имеет свои особенности, и многие их не знают. Этим птицам присущ рыбный запах, и жаркое из них представляет собой, что называется, ни рыбу, ни мясо! Пеганок часто жарят вместе с кислой капустой, но и это малоприемлемо. Как-то раз я убил только серую цаплю, ее поджарили, и мясо буквально плавало в жире, но, несмотря на голодное послевоенное время, съели ее с трудом.

Однажды на полевых работах в Гасан-Кули я попросил наблюдателей, Курбанберды Чарыева и Ораза Абашева, добыть что-нибудь на обед, и каково было мое удивление, когда они принесли серебристых чаек и морских голубков. «Не бойся, бащлык!» — заверили они. И действительно, жаркое получилось, вопреки ожиданиям, неплохое.

Итак, чтобы приготовить рыбоядную птицу, необходимо удалить из нее жир, который и является носителем неприятного запаха. Обычно для этого вполне достаточно снять кожу, на которой располагаются основные энергетические ресурсы птиц. Если требуется более тщательная обработка, то с тушки снимают остатки жира, в том числе и из брюшной полости. Ну а очень чутьистым гурманам можно порекомендовать слегка прокипятить очищенную тушку и слить всплывший жир вместе с водой. Далее приготовление мяса идет обычным или предложенным здесь способом.

Благоприобретенные знания нередко меня выручали: сперва на Каспии, а затем и в Причерноморье, где успешно кормил студентов-практикантов «ни рыбой, ни мясом». Конечно, голодные студенты — не показатель: они съедят все, а вот мнение любительницы готовить и большой гурманки матери, несомненно, более объективно в отношении рыбоядных птиц.

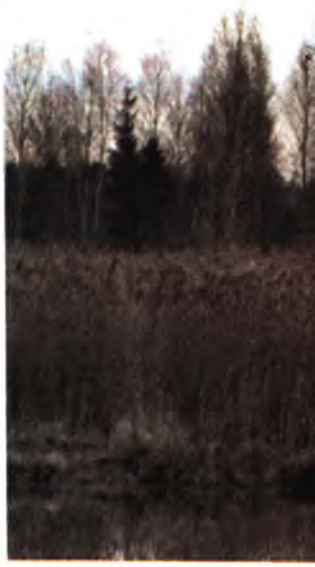
После моего переезда из Гасан-Кули, что в сухих субтропиках, на полуостров Сара, что на другой стороне Каспия, во влажных субтропиках и почти у сказочной Ленкорани, которую, базируясь тогда на острове Сара, разгромил Стенька Разин и увез оттуда, так сказать, «персидскую княжну», моя мать не удержалась и, преодолев пропускной режим, приехала посмотреть на заморские края и выяснить, не влип ли я в еще худшую «дыру», чем Гасан-Кули, в которую бесшабашно (по ее мнению) отправился, отказавшись от Тбилиси.

Мы с коллегой (В. И. Заболоцким) изо всех сил старались блеснуть экзотикой влажных субтропиков, но фрукты, по сравнению с одесскими, оказались так себе. Для рыбы был не сезон, а дежурные сазаны, и особенно жирные осетровые, вскоре приелись. Но самое главное — водоплавающая дичь была на подлете.

В конечном итоге положение спасли большие бакланы, которых я, к удовольствию рыбаков, через день добывал по 3—4 штуки на шестах ставников и кормил сразу две семьи. Должен заметить, что никаких нареканий не было, а лишь одни благодарности за вкусную и неприедающуюся снедь.

В заключение следует подчеркнуть, что обработать и мастерски приготовить дичь — это тоже искусство, которое требует специфических знаний и умения. Таким образом, добыть птицу — лишь треть дела, а вот сохранить и умело приготовить ее по праву занимают остальные две трети. Лишь в итоге можно получить истинное удовольствие от высококачественного продукта. В связи с чем вспоминается мне, как в юношестве меня угощали перепревшей в русской печи картофельной похлебкой с зайцем или щами с уткой, и становится жаль загубленных деликатесов и людей, которые, в большинстве случаев имея все необходимое, кроме знаний, не смогли довести дело до ума!

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru



НА ВЕСЕННИХ РАЗЛИВАХ

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ

Только сел в шалаш, а над головой уже шварканье селезня. Подсадная еще не успела почистить перышки, приседая, набрасывала на себя воду. Шипение упругих крыльев, торопливо гасящих скорость, всплеск распахнутой воды... Выстрел — и на темной поверхности белеет в рассветных сумерках перевернувшийся селезень.

Клубы тумана лениво отрывались от воды. Стали заметны прошлогодние тростники у другого берега. Между березок поднимался багряный круг солнца, заставляя розоветь тающие пятна тумана...

Утка работала хорошо, но селезни больше не спешили подлетать.

В разлившейся по лесу воде гуляла рыба. Толстый, лобастый язь, спереди чем-то похожий на молодого бычка, выплыл на мелководье. Круто развернулся, качнув воду, и пропал в зеленоватой мгле.

На золотых сережках подтопленного куста ивы гудели шмели. Чайка скользила в голубой вышине на белых, просвеченных солнцем крыльях.

Пора бы подсесть еще какому-нибудь селезню. Но они то пролетали парами с утками, то отворачивали к дальним шалашам, откуда потом доносились выстрелы.

Подсадная старалась, временами давала осадку, но возле шалаша по-прежнему — никого.

Шалаш хороший. Стены из прошитых тростниковых матов.

Такие же шалаши были в охотхозяйстве в Мещерском крае, где довелось когда-то работать... Вспомнился егерь — Митя. Удачей считалось у охотников попасть в его шалаши. В лесу и на речке он бывал больше, чем дома. Одежда от дождей и солнца давно потеряла первоначальный цвет, сливалась с тонами леса и маскировала его лучше замысловатых камуфляжных пятен. В любую весну, многоводную или не очень, он точно знал, где будут селезни, и ставил там шалаши.

С первой полыньей готовил уток к охоте, приучал после зимы к настоящей воде.

К уткам у него отношение особое. Считал: лучшие подсадные из тех уток, которые строят гнезда не в сарае, а прячут где-нибудь в потаенных местах. Поэтому весной у

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Я отвлекся на эти воспоминания и просмотрел селезня. Почти с лета он оказался на подсадной. Сделал что надо, сорвался с воды и под салют неудачного дуплета, с пятнадцати метров, просвистел крыльями мимо шалаша.

Даже утка после этого, казалось, кричала не «кря-кря-кря», а «ха-ха-ха».

Но ничего, и один селезень — тоже неплохо. А вечером можно сходить на тягу.

Фото автора

него во дворе можно было видеть то старые доски, составленные маленьким чумом, захватившим половину смородинного куста, то поломанные корзины, перевернутые вверх дном и покрытые ржавыми вывесками или кусками шифера. Это он укрывал от дождей и ворон найденные гнезда.

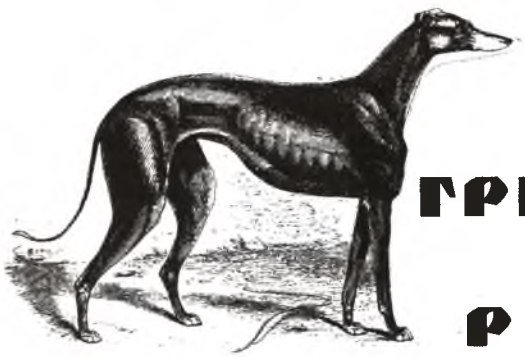
Конечно, и охота у него всегда хорошая. Если только сам охотник не оплошает. А случаи были.

Как-то два приятеля перепутали патронташи. И оказалось, когда уже расселись по шалашам, — ружье двенадцатого калибра, патроны — шестнадцатого. И наоборот... Селезни чуть не задавили. От такого невезения одного из охотников озноб бить начал. Вот он и решил руки погреть над маленьким огоньком... Пришлось прыгать в воду — вспыхнул тростниковый шалаш. Один остов остался.

Егерь плывет и видит: охотник на жердочке как мокрая курица сидит, нахохлился. А рядом чурбачок плавает из шалаша.

«Хорошо хоть «мебель» успел выбросить», — сказал Митя. Дал охотнику свою куртку и рассказал в утешение, что весной тоже купался здесь. «Строил шалаш, а льдина сзади как боднет — шалаш кверху ногами, и я в воде. Тогда холоднее было, а ничего, даже не чихнул»...

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru



ГРЕЙХАУНД В РОССИИ

О. ЮНГ, эксперт-кинолог

«...Он должен иметь голову, как у змеи, и шею, как у дракона, спину коромыслом, бока, как у леща, лапы, как у кошки, и хвост, как у крысы» («Книга св. Альбана, 1486 год, Баронесса Юлиана Бернес»). Это одно из наиболее образных описаний самой быстрой собаки в мире — грейхаунда.

Глядя на современного грейхаунда, являющего собой удивительно гармоничное сочетание благородства, резвости, азарта и силы, трудно поверить, что своими корнями эти собаки уходят в далекие века до нашей эры. Происхождение грейхаунда спорно, однозначного мнения нет. Правду не знает никто. Что мы знаем о них? Эти собаки, обладающие острым зрением и пристальным взглядом, отличались от двух древнейших борзых того времени — слюгги и тезема — утонченностью и элегантностью, сухой длинной узкой головой, маленькими, плотно прилегающими к голове ушами, резко подтянутым животом.

Первые изображения собак типа грейхаунда обнаружены (6000 лет до нашей эры) на рисунках храма на юго-западе Турции (в древнем городе Кетл-Хьюик). Приблизительно за 4000 лет до н. э. на территории современного Ирана была захоронена ваза, украшенная изображением грейхаунда.

Собаки быстроходного типа высоко ценились в Древнем Египте. А когда умирала борзая, в семье ее хозяина устраивали траур: с воплями оплакивали, брили головы, устраивали голодовку. Собаки, имевшие тип грейхаунда, были награждены высокими титулами, мумифицированы и захоронены вместе со своими знатными владельцами. Со своими собаками были похоронены фараоны Тутанхамон, Аменхотеб II, Тутмос III и царицы Хатшебсут и Клеопатра.

Из районов Древнего Египта с путешественниками и исследователями эти собаки попали в Древнюю Грецию, где популярность их выросла так высоко, что даже Александр Македонский приобрел грейхаунда, названного Перитас, за баснословную цену.

Долгий путь прошел грейхаунд, прежде чем появился на Британских островах, примерно в VIII в. Своры этих собак были у любителя охоты с борзыми герцога Элфика, Эдварда Исповедальника. Английский парламент принял указ, разрешающий содержать грейхаунда только свободным людям, т. е. знати. К концу XVI в. в Англии в результате близкородственного спаривания сформировался определенный тип грейхаунда: небольшого роста, беднокостный, с утрированной злобой. Порода начала вырождаться. И в середине 1700-х гг. лорд Орфорд открыл новую страницу в разведении грейхаунда. В своем питомнике, имевшем около 100 собак, он повязал кобеля бульдога с сукой грейхаунда. В результате он хотел получить гладкошерстную отважную собаку с крепким костяком. Так появился кобель Хальф-И-Хальф, который стал родоначальником линии современных грейхаундов. Наличие тигрового окраса у грейхаунда, возможно, подтверждается этой вязкой.

В настоящее время грейхаунда считают главным прародителем почти всех современных пород борзых. С вливанием его кровей в Англии выведены: ирландский волкодав, дирхаунд и малая английская борзая — уиппет, а также шедевры мировой кинологии — доберман и дог.

Интересен факт происхождения названия «грейхаунд». Многие специалисты выдвигают гипотезы о логическом происхождении названия, но самой достоверной считается версия происхождения названия от староанглийского слова «григхаунд», со временем изменившего написание и произношение на «грейхаунд». «Григхаунд» был сформирован из слов: «григ» — сверчок, кузнечик и «хунд» — собака. Образно собака-кузнечик, по аналогии строений кузнечика и собаки: сильные ноги, длинный хвост, мощные прыжки. Кто держал грейхаунда, знает, как он прыгает, когда радуется.

Внутри породы отчетливо выделяются три типа грейхаундов: выставочный, курсинговый (охотничий) и беговой.

Выставочные собаки — элегантные, крупные, ростом выше 71—76 см, с массивным костяком, глубокой (ребра опущены до локотков и ниже) грудной клеткой и ярким, резким подрывом. Обладают грациозными, легкими движениями, но в беге уступают резвостью беговому и курсинговому типам.

Курсинговый (охотничий) тип — крепкие, недостаточно элегантные, с богатырским корпусом: широкой, распахнутой объемной грудью, с широчайшей поясницей и мощным крупом, с ярко выраженной рельефной мускулатурой. К примеру, один из участников Кубка Ватерлоо 90-х гг. кобель грейхаунд по кличке Биг Сэм при сравнительно небольшом росте 74 см имел вес 52 кг. Собаки резвы, выносливы, злобны и ловки на охоте.

Беговой (для скачек на треке) тип — с сухим костяком, ростом приблизительно 63—71 см. Идеальный вес, по мнению лучших беговых тренеров Ирландии, Америки и Австралии, 31,5—34,5 кг. Собаки этого типа часто с недостаточно глубокой, но всегда объемной грудной клеткой, не ярко выраженной линией низа. Многие известные беговые линии Ирландии и Америки имеют недостаточно выраженные углы задних конечностей, что, как ни парадоксально, не отражается на резвости. Отбор собак для разведения идет по показателям резвости, азарта и по длительному сохранению собакой своей лучшей беговой кондиции.

Бега борзых за искусственным зайцем возникли в Англии на рубеже XVIII и XIX вв., как система тренинга охотника и его борзых собак. К началу XX в. бега борзых превратились в самостоятельный вид соревнований, распространенный сегодня в большинстве западных стран.

Однако самое главное для породы — псовая охота. Она была известна с давних времен в Англии. Еще по приказу королевы Елизаветы I герцогом Норфолкским были разработаны и установлены правила, гарантировавшие честность испытаний и равные возможности для всех собак, а также и для зверя. Создание правил дало импульс развитию и созданию охот-

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

ничьих клубов. Одним из первых был клуб, созданный в 1776 г. лордом Орфордом Сваахфамским, который существует и поныне. Лорд Орфорд был заводчиком знаменитой Зарины, выигравшей 47 садочных испытаний. В 1825 г. было создано знаменитое Альткарское общество, которое проводит испытания на Кубок Ватерлоо, самые ответственные и известные по сей день. Садочные испытания в Англии — это национальная традиция и гордость и часть английского образа жизни. Сейчас за дни проведения Кубка Ватерлоо это испытание посещают до 3000 зрителей.

В Россию первые грейхаунды были привезены в середине 80-х гг. Это были импортированные из Польши в Москву Абигайль Черна Малина (вл. Жукова), Дельта з Алабастрового Огроду (вл. Свеженцева), Империя Комплемент (вл. Никифорова) и Идол Скиерди (вл. Артюк). Эти четыре собаки стали основой для начала племенной работы с грейхаундами в России. В это же время на Украину из Германии были привезены грейхаунды из питомника «фон Мэрхенленд»: Геральдин (вл. Лучанко), Ангелдрим, Фиделио (вл. Гук) и из Венгрии — Тапиогьенджи Блоод Ульмер (вл. Лучанко). В 1989—90 гг. в Москву привезены из польских питомников грейхаунды: Канон и Циганерия (вл. Селиверстова) и Луна, Лора и Ювита; из Чехословакии: Астон од Длоухехо Хонзи (вл. Ботвинина) и Фантомас Риуна (вл. Несмелова), а также собаки из известного чехословацкого питомника «Сансет» Троль и Руна (вл. Колчанов), Уотокеттер (вл. Мазуркевич), Топаз и Титания . В 1990 г. из США, из бегового питомника, был привезен Уолкин Кермит (вл. Ковалев) и собака канадского разведения — Гровер (вл. Волкова).

Первый помет грейхаундов был получен от вязки с голландским производителем Фестусом Абигайль Черна Малина. Фестус имел в родословной крови выдающихся английских и ирландских беговых собак, поэтому собаки из этого помета, как и другие, привезенные позднее, дети Фестуса (Канон и Циганерия), лидировали на многих беговых соревнованиях. Позднее Абигайль была повязана с Идолом Скиерди, и получились неплохие собаки выставочного класса.

Далее разведение пошло по смешанному типу, стали вязать собак выставочного типа с беговым. Некоторые пометы были неудачными как в выставочном, так и в беговом отношении. Иные пометы получались довольно удачными, особенно по рабочим качествам.

В середине 80-х гг. в России стали проводиться бега борзых. Энтузиастами-борзятниками были разработаны первые беговые установки и передвижное оборудование кинодрома. Бега стали излюбленным зрелищем на выставках собак и массовых народных праздниках. В 1989 г. был создан беговой клуб «Дромос», который проводил систематические тренировки и показательные выступления борзых в гастрольных поездках по городам России, а также бывшего Союза.

В начале 90-х гг. грейхаунды, заставившие волноваться и переживать сотни зрителей и владельцев своей профессиональной скачкой, были однопометниками: Канон и Циганерия (вл. Селиверстова), Браудо (вл. Петров), Аврора (вл. Бочаров), Антей (вл. Хабибулина), однопометницы: Аделина (вл. Тырин) и Агнес (вл. Пименова), Фантомас (вл. Несмелова). На первых чемпионатах России наши грейхаунды показали высокие результаты резвости. Финальные забеги отделяли соперников друг от друга на сотые доли секунды. Многие владельцы использовали тренировки на кинодроме как подготовку своих собак к охотничьим испытаниям. Бега за механическим зайцем удовлетворяют в период межсезонья естественную потребность борзой собаки в движении, ее жажду быстрого бега, дарят ей хотя бы иллюзию охотничьей травли, инстинкт, который у истинной борзой так силен, что даже искусственная приманка вызывает неистовый азарт преследования.

Но вскоре хорошее начало было прикрыто, и грейхаунды снова улеглись на диваны. Тогда энтузиасты породы организовали в 1995 г. при Межрегиональном клубе охотничьего собаководства Военно-охотничьего общества секцию любителей грейхаундов, которая и по сей день объединяет все основное поголовье этих собак в России.

С 1995 г. началась серьезная работа по тренировкам грейхаундов на кинодроме и проведению чемпионатов, а также организация и проведение ежегодных испытаний по вольному зверю. Так появились универсальные греи, победители чемпионатов и соревнований по бегам за механическим зайцем, и великолепные охотничьи собаки. Это грейхаунды: многократный победитель и финалист чемпионатов и соревнований, чемпион России и Евразии-94 — Аделина (1013/95, 3—11), абсолютный чемпион по бегам 1995/96 г.— Эвридика (вл. Елисеева, 2—111), чемпион России-96 по бегам, чемп. ВОО по бегам-95, 96 — Таллахасси (вл. Качальникова, 2—11) и другие.

В 1996 г. межрегиональный клуб ВОО разработал и подготовил совместно с другими кинологическими организациями проекты документов, включающие в себя правила проведения бегов и испытаний борзых собак за механическим зайцем на территории России, Устав Российской беговой организации, Положения об экспертах и судьях по бегам, о порядке регистрации беговых собак в Племенной книге; разработал комплексный диплом для всех беговых борзых. В 1997 г. был создан Российский союз по бегам и испытаниям борзых, утвержденный ассоциацией «Росохотрыболовсоюз». Намечены совместные перспективные планы по организации и проведению соревнований и испытаний различного уровня со всеми борзыми на 1998/99 г. с национальными клубами в России, Финляндии и других зарубежных стран, а также проведение полевых испытаний и Всероссийских состязаний по вольному зверю.

Отдых у камина

Жизнь истинного борзятника не останавливается круглый год: весной и летом беговые тренировки и соревнования, осенью жизнь закипает новыми страстями. Начинается сезон испытаний по вольному зверю на охотничьих просторах России и Ближнего зарубежья.

Осенью, когда после первых несмелых утренников устанавливается задумчиво-короткое бабье лето с голубооким небом и русоволосыми скирдами соломы, начинается пора охоты и испытаний с борзыми. И так из века

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

в век, из поколения в поколение. Ведь никогда не сможет человек смотреть с мертвым сердцем на красоту стремительной скачки борзой за зверем, на самое изначальное ремесло борзой, прошагавшее с ней всю историю: от античных времен до наших дней. Так и в нынешний полевой сезон случилось московским борзятникам Военно-охотничьего общества охотиться в Брянской области со своими борзыми — грейхаундами и хортыми.

Остановилась наша команда в деревушке Комарического района. Любо-дорого поглядеть, какая русская деревня. Хаты белые, окошки протертые, плетни новенькие... Словно хозяева расхаживают гусаки и по-стариковски ворчат вслед нашим вежливым собачкам.

Большие испытания скупы на отдых, и мы с первыми петухами быстро и молча шли на восток, навстречу рассвету, пяля глаза в невиданные дали. Поле затаилось в глухой осенней неподвижности. Крепко, свежо пахло похолодавшей соломой...

В ровняжке у нас было шесть номеров: четыре номера с грейхаундами и два с хортыми. Собачки наши почти все были первопольными. А как красиво выглядели наши грейхаунды со своей атласно-гладкой псовиной на фоне золотого поля!

Вторым номером шла свора из трех смолисто-вороных сук грейхаундов (старинное английское название черного с белым окрасом, «ворон с серебром»). Различить их невозможно: они словно «трое из ларца, одинаковы с лица», и только яркие пестрые ошейники подсказывают, кто из них кто. Коренник (в ярко-красном ошейнике) — опытная мастерица — мать, а по бокам — две первопольные дочери. Блесткая и мощная, с чеканной мускулатурой, второй осени сука (в белом ошейнике) и восьмимесячная красивая, элегантная, легкая, шустрая дочь из другого помета (с салатовым ошейником, «молодо-зелено»). До предела вытянув свои конистые шеи, устремив орлиный взгляд вдаль, пытаясь уловить каждое невидимое движение, натянув свору и таща ведущего словно на буксире, наши греи почувствовали родную стихию и ждали момента, когда они смогут встретиться с настоящим зверем.

Впереди ярко заискрилась изумрудная полоска озимого поля. Справа вдали, окруженный мраком, словно задумавшись, стоял вековой лес. Вдруг случилось невообразимое. Из леса донесся вопль и смолк, потом с еще большей силой вопль повторился. Волшебные звуки гона разбудили тишину уснувшего леса. Мы все замерли в оцепенении.

— Чьи-то гончие в лесу доборят, натекли на жировые следы, — пояснил нам эксперт. Для нас это было впервые, и мы, не сговариваясь, решили послушать концерт гончих. Вдруг раздался душераздирающий вопль, будто гончие напоролись на что-то и безумно орали. Лес весь дрожал и гудел. Минутой позже к воплю присоединился заунывный плач. Чарующие звуки слились воедино, закипел дружный и вязкий гон.

— Побудили зверя, — сказал нам главный. Гончие страстно, ярко, без умолку голосили. Иногда плачущий голос срывался на стоне, но в то же мгновение, словно обезумев от счастья, он вновь подхватывался жуткими жалостливыми всхлипами. Гончие заварили такой яркий и пристальный гон, что верно «шапка лезла с головы». Мы были потрясены. Повеяло духом прошлого. Проснулась живая память о далекой и милой нашему сердцу охотничьей старине. Борзые наши в ожидании весело переминались с ноги на ногу, поставив уши «конем» и накручивая правилами. Казалось, в них проснулся голос предков и они ощущали себя стоящими на лазу, а мы вместе с ними вот-вот унесемся в былое отъезжее поле... Слезы радости потекли у некоторых по щекам. Через некоторое время гон сошел со слуха и будто по команде мы тронулись дальше полем топтать русака.

В следующую минуту что-то рыжее метрах в семидесяти от ровняжки покатилось по озимому полю. На первый номер с наглым и размашистым шагом вырулил матерый русачина. Не знаю, то ли гончие его взбудили, то ли мы его подшумели.

— Заяц, заяц! — кричала ведущая первого номера. И, словно загипнотизированная, намертво намотав на руку сворку, бежала вслед буксируемым ее хортым.

— Пускай же! Пускай! — кричали эксперт и стажеры. Но хозяйка, видимо, решила основательно пощекотать нервы всем борзятникам и их питомцам, неожиданно встала как вкопанная и наблюдала, как русак начинает махать ей цветком.

В цепи борзых тем временем стояла такая какофония звуков, визга, писка и рыка, что обезумевший заяц пошел полными ногами вдоль озими в сторону посадки. Не выдержало сердце ведущего второго номера с грейхаундами: «Ату! Ату!!» — и он отдал свору... И сразу в один миг, как спущенных три стрелы с одной тетивы, греи заложились за зверем. Русак прилично отрос, но спеющие ухо в ухо греи молниеносно сократили дистанцию. Не успели и ахнуть, как поравнялась с зайцем опытная, шести осеней черная грейка в ярко-красном ошейнике. Достает... Вот сейчас возьмет! Раз! Русак увернул резко влево. Вихрем собаки пронеслись мимо. Справившись с угонкой, греи снова насели на русака. Скачку повела мощная второосенница с белым ошейником. Две другие отстали на один-два корпуса. Заяц буквально летел на крыльях, а греи за ним словно ядра снарядов. Достав русака, грейка отбила его круто вправо. Тут же насела молодая, щенячьей осени борзушка. Она уже в пазанках у русака, и вдруг, словно ужаленный, русак взвивается вверх и падает камнем. Собаки проносятся юзом. Развернувшись, они снова жадно устремляются за зверем, который отрос метров на двадцать и целится уйти в посадку. Греи спеют за ним, чередуясь в первенстве друг с другом. Почти у посадки молодая в зеленом ошейнике грейка круто разворачивает русака вправо, тут же себя доносит опытная грейка-мать и вшибает зверя в землю. Остальные грейки мигом в него влепились и растянули. Вся скачка составила примерно триста метров. Сделав работу, собаки спокойно стояли возле добычи и ждали ведущего, который в порыве охотничьей страсти, добежав до своих питомцев, сгреб всех троих в охапку и закружил их, ликуя от счастья. Да, после такой работы можно было понять этот порыв!

С добычей

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Л. ГИБЕТ,
эксперт-кинолог
Всесоюзной категории

Герта-пойнтер появилась в Дании в 1864 г., и до сих пор она сохраняется, а численность ее продолжает увеличиваться. Эта порода возникла в результате скрещивания бездомной суки, которую звали Герта, с английским пойнтером. Герта несла в себе тип подружейной короткошерстной собаки, но ее нельзя было отнести к английским пойнтерам. Ее потомки более крепкого, атлетического сложения, характерного для пойнтера, но от него отличаются более сглаженными линиями. Порода пока не признана на

международном уровне, но любители добиваются ее официального признания. В России неизвестна.

Эта собака выше среднего роста (58—60 см, вес 21—27 кг), спокойного, уравновешенного поведения. Для нее характерна короткая шерсть насыщенного красно-оранжевого окраса с белыми отметинами на морде, шее, груди, хвосте и ногах.

Герта-пойнтер ценится датскими охотниками за выдающиеся рабочие качества и хорошую способность к обучению. Она идеально приспосабливается к домашним условиям и после охоты стремится находиться в помещении среди близких ей людей.

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем в сезоне 1997—1998 г.
за наличный и безналичный расчет
шкурки и хвосты беличьи, колонковые
Цены договорные

610004, г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
Факс: (8332) 62=29=57 Телетайп: 172339 «Карат»
Контактные телефоны: (8332) 62=94=27 или 69=03=22

Вниманию охотников!

Все необходимое для успешной и приятной охоты
Вам предлагает фирма **«Байкал»**
Для Вас всегда в продаже:
- ружья и карабины охотничьи (отечественные и импортные)
- боеприпасы для нарезного и гладкоствольного охотничьего оружия (пуля, картечь, дробь),
- прицелы - наборы для чистки ружей - одежда летняя и зимняя
- чехлы и кейсы, ремни и патронташи

Кроме того служебные пистолеты и револьверы, газовое и пневматическое оружие
Оптовая и розничная продажа по ценам предприятий=изготовителей и фирм=дистрибьюторов!

Звоните: отдел сбыта **(3412)37-95-05** - для частных лиц **(3412) 37-95-98**
"Baikal" Тел/факс **(3412) 37-94-33, 37-64-51**
Возможна доставка спецсвязью
Адрес: 426072, г.Ижевск, ул.40 лет Победы, 118

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Н. В. ТУРКИН

Использование лося

Остается теперь рассмотреть ценность и употребление продуктов, доставляемых лосем. Продукты эти весьма разнообразны: кроме кожи, мяса и сала, в дело идет шерсть, рога и в Соликамском уезде даже брюшина, которая не так давно еще заменяла дорогое стекло.

Сырая лосиная шкура, пишет Сабанеев, весит иногда до 3-х пудов и обыкновенно выделывается на замшу, которая бывает наилучшего качества позднею осенью и зимою; летние шкуры, покрытые большим количеством дыр или оспин, почти не идут в продажу, а оставляются для домашнего употребления. Шкуры, выделанные вместе с шерстью, идут также в большом количестве на так называемые в Богословске «яги» и «дахи» — шерстью вверх, которые бывают тем прочнее и легче, чем короче шерсть; впрочем, эти шубы всегда гораздо тяжелее и далеко не так теплы, как козлиные или оленьи; первые употребляются исключительно в южном, вторые — в северном Урале, предпочтительно перед лосиными; исключение составляет западный склон Урала и Соликамский уезд в особенности, где оленей гораздо менее, чем лосей, и потому соликамцы приготовляют из лосиных шкур почти всю свою зимнюю одежду, шьют из них «совики» — тоже дыхи, «малица», т. е. шерстью вниз, шапки — вверх или вниз шерстью, сапоги и «кеньги», т. е. сапоги без голенищ. Большая часть таких шкур, годных на выделку хорошей замши,— а лосиная замша, надо заметить, всегда бывает гораздо лучше оленьей,— скупается местными или приезжими купцами: в одном Богословске одни тамошние торговцы каждогодно скупают не менее двухсот шкур, а кроме того, еще большее количество шкур идет для местного употребления — на шубы, ремни, штаны и обувь, которая отличается своей необыкновенною прочностью; подошвы сапогов делаются обыкновенно из толстой кожи на шее самца, убитого во время течки*. Сбритая шерсть идет в большом количестве на набивку матрацев и мебели и по своей упругости составляет самый лучший материал для последней, почему ценится довольно дорого.

В Богословском Урале и вообще на севере Пермской губернии, где скота держат очень мало, мясо лося имеет весьма большое потребление и продается довольно дорого, именно около рубля серебром (Тагил); ценность его, впрочем, много зависит от времени, когда убит лось, и в посты бывает значительно дешевле. Мясо самца, убитого во время течки — в сентябре и октябре,— имеет весьма неприятный вкус, дурно пахнет и скоро портится, почему очень редко употребляется в пищу; мясо самки никогда не имеет этого неприятного вкуса и запаха, но следует заметить, что «сохатина», хотя вообще здорова и питательна, но несколько отзывается пихтою (серою) и хороша только, когда недавно добыта: иначе она истекает и делается очень сухою и дряблою. Молодые телята имеют очень вкусное и сочное мясо, которое и ценится несколько дороже, но всего вкуснее верхняя губа сохатого, из которой в Соликамском уезде делают студень; в Богословске покупают ее по 50—80 к. с., маринуют в уксусе с пряностями и подают для закуски; также очень вкусен мозг лося, который в Соликамском уезде Пермской губ. обыкновенно жарят на сковороде с приправой из яиц и пшеничной муки. Губа лося считается и у вогул за лакомый кусочек: ее они запасают для свадьбы, подавая молодым, как лакомство, имеющее свойство возбуждать похотливые желания, как и жареный молодой рог оленя. Из рогов вогулы делают наконечники для «хорея», шеста, которым управляют оленями, и кое-что к упряжи, по хозяйству, в роде ручки, ножа и пр. Шкуры скупщики доставляют в г. Ирбит на ярмарку, для замши, или отвозят в Семипалатинск для одежды киргиз, бухарцев и солдат армии. Мясо лося разрубают на 10 частей: 1) голову; 2) шею; 3) кострец; 4) задние холки; 5) зад между стегнами; 6) середину спинной кости; 7) переднее стегно; 8) ноги; 9) передние лопатки; 10) грудину; внутренности, кроме печени, отдаются собакам, и конечно лось свежуется в лесу. Соликамские звероловы нередко употребляют в пищу испорченное мясо или мясо лося, издохшего в яме, но в таком случае высушенное в печи. Лось дает большею частию около 15 пудов говядины, иногда до 25 и в весьма редких случаях (в Богословске и Соликамском уезде) до 30 пудов. Самая лучшая добыча сохатого на мясо и самое жирное мясо бывает перед течкой — в начале августа: тогда с большого зверя снимается до 2-х пудов сала, которое идет в пищу или продается около 3 р. с. за пуд; сало это очень бело и крепко и несколько похоже на стеарин.

Рога лося, достигающие до сорока, а в исключительных случаях до пятидесяти фунтов, иногда бросаются охотниками, но большею частью идут на разные домашние поделки, напр., на черенки к ножам и т. п., или продаются особым скупщикам от 10 до 50 к. с. за пару. Рога идут в большом количестве в Устюг, на выделку разнообразных костяных изделий, или перепродаются в аптеки, где из них приготовляют летучий спирт и студень, весьма полезный для чахоточных.

Н. В. Туркин, К. А. Сатунин. Звери России. Том I. Вып. I. 1900.

* Кожа, снятая с ног, идет на ремни и обивку лыж.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

СТАРЕЙШИЕ КИНОЛОГИ МООиР

На фотографии — эксперты Всесоюзной категории МООиР, чьим трудом создавались породы охотничьих собак. В первом ряду (справа налево): А. П. Мазовер, автор многих кинологических книг; всеми уважаемая И. А. Еремина; известный каждому собаководу талантливый кинолог, любитель лаек В. В. Григорьев; пойнтерист А. В. Гусев; наставник экспертов, писавший книги по охотничьему собаководству Э. И. Шерешевский. Среди присутствующих известная лаечница Л. В. Ушакова, автор статей по гончим Н. В. Жаров, ленинградский эксперт, знаток гончих Е. К. Чекулаев, талантливые заводчики и эксперты-кинологи: А. А. Мейдман, С. М. Пашков и В. А. Попов. МООиР, 1975 г.

С ПОЛЕМ!

На снимке старинные русские охотники после удачного полеванья. Справа — талантливый эксперт-кинолог и заводчик знаменитых на всю Россию пойнтеров, профессор медицины Николай Иванович Лунин.

Его любимицы, пойнтера-чемпионы Рекс, Веста, Инга, Слава известны не только в нашей стране, но и за ее пределами. Редчайший случай в практике судейства: Н. И. Лунин проводил экспертизу легавых в Швеции. Он автор многих статей и очерков, опубликованных в журнале «Охотник» и «Охотничьей газете». Умер Н. И. Лунин на охоте 18 июля 1937 г. на 84-м году жизни.

Рубрику ведет
Б. МАРКОВ

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ КАМЫНИН

Это талантливый заводчик старинных русских гончих И. Н. Камынин. Его любимцы — Трубач, Камертон, Шумишка — экспонировались на выставках Императорского общества правильной охоты и Московского общества охоты имени Императора Александра II. И. Н. Камынину мы во многом обязаны тем, что сейчас у нас есть прекрасные гонцы. Он предъявлял очень высокие требования к экстерьеру русской гончей и регулярно публиковал в журнале «Охотник» статьи о ведении породы и воспитании щенков. По отзывам знавшего его Н. П. Пахомова, Иван Николаевич Камынин был прекрасным человеком.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Помповое ружье «Бекас»

ОХОТНИЧЬИ РУЖЬЯ СЕРИИ «БЕКАС»

Помповое ружье «Бекас-2»

М. БЛЮМ

В 1997 году появилось новое ружье «Бекас» 16-го калибра, разработанное на Вятско-Полянском машиностроительном заводе «Молот» (Кировская область). Это помповое ружье с подствольным трубчатым магазином на 6 патронов. Седьмой патрон досылается в патронник. Патронник рассчитан на применение патронов с гильзой длиной 70 мм.

Имеются три модификации этого ружья: «Бекас» (длина ствола 717 мм, вес образца 3,2 кг), «Бекас-1» (длина ствола 572 мм, вес ружья 2,8 кг) и «Бекас-2» (длина образца 850 мм, вес 2,7 кг, а ствол имеет ту же длину, что в модели «Бекас-1»). Усилие перемещения цевья у всех образцов равно 7 кгс, а усилие спуска — 2 кгс. Ружье «Бекас-2» отличается от остальных модификаций тем, что не имеет приклада и удерживается при стрельбе только за пистолетную рукоятку и перемещающееся цевье. Модель «Бекас-3» имеет приклад, пистолетную рукоятку и два ствола разной длины. По сути дела, это сочетание двух модификаций: «Бекаса» и «Бекаса-2». Приклад, цевье и пистолетная рукоятка изготавливаются из ореха или бука. Приклад имеет резиновый затыльник, который смягчает отдачу в плечо стрелка.

Запирание канала ствола происходит за счет поворота личинки, клин которой заходит в паз хвостовика ствола. Ударно-спусковой механизм куркового типа со спиральной боевой пружиной. Ударник расположен в затворе и подпружинен, что исключает инерционный накол капсюля патрона при подаче его из магазина в патронник. Ударно-спусковой механизм имеет перехватыватель для предотвращения случайного выстрела при срыве курка с шептала без нажатия на спусковой крючок. Флажковый предохранитель блокирует спусковой крючок. Съемное основание ударно-спускового механизма и ствольная коробка изготавливаются из алюминиевого сплава, что уменьшает вес оружия. Во время заполнения магазина патронами подающий лоток фиксируется в верхнем положении отсекателем, что ускоряет заряжание. Для чистки внутренности магазина пружина с подавателем патронов легко вынимается из трубчатого корпуса магазина. В направляющий паз передней части ствольной коробки вставляется ствол, который фиксируется наворачивающейся на переднюю часть корпуса магазина крышкой. На дульной части ствола предусмотрена возможность навинчивания дульных насадок с различными сужениями. Прицельные приспособления ружья состоят из мушки у дула и отрезка прицельной планки на верхней части корпуса ствольной коробки. Если ствол короткий, то мушка располагается на муфте ствола, которая соединяет ствол с передней частью магазина. Подача очередного патрона в патронник ствола осуществляется за счет перемещения цевья, которое соединено двумя симметрично расположенными тягами с затворной рамой. При перемещении цевья назад затвор отводится назад, а при подаче цевья вперед затвор захватывает очередной патрон и подает его в патронник ствола. Это единственная модель отечественного помпового ружья, которая имеет две тяги, а значит, более надежный механизм перезаряжания.

Промышленность правильно расценила «голод» отечественных охотников на оружие 16-го калибра. Оно лишь чуть-чуть уступает по эффективности стрельбы ружьям 12-го калибра. Зато оно легче, а значит, не так утомляет охотника при ходьбе. Отдача меньше утомляет стрелка при стрельбе во время тренировок и охоты. Меньше расход дроби и пороха. Все это положительные качества 16-го калибра, который незаслуженно забыт нашими производителями оружия.

Завод «Молот» не собирается останавливаться на достигнутом и начнет производство самозарядных ружей 12 и 16-го калибров «Бекас-автомат».

Б. ДЕЙНЕРТ

Из книги «Искусство стрельбы дробью». Москва, 1931

ДАЛЬНИЕ И БЛИЗКИЕ ВЫСТРЕЛЫ

Многие стрелки очень хорошо знают, что они могут надеяться на удачный выстрел на дистанции, превышающие их обычную, только при очень большом расходе патронов; они также хорошо знают, что убить дичь в этих случаях можно только тогда, когда какая-нибудь дробинка попадет особенно удачно в убойные места.

Есть также охотники, которые дают промахи благодаря своей неподготовленности и недостатку упражнений, главным образом в отношении правильного определения расстояний и вследствие незнания боя своего ружья.

Для тех, кто имеет привычку стрелять, в особенности на облавах, на очень большие дистанции, надеясь на бой своего ружья, следует твердо напомнить, что рядом опытов в течение многих лет установлено, что дистанция в 60 м является предельной для самого лучшего стрелка, вооруженного первоклассным ружьем.

Тот стрелок, который рассчитывает иметь успех на этих дистанциях, должен делать в два раза меньше ошибок при прицеливании и спуске курка, чем стрелок, ограничивающий дальность своих выстрелов 30 метрами.

Чтобы окончательно разрешить вопрос о допустимой предельной дальности выстрела дробью, испытательная станция в Галензее произвела испытания ряда доставленных ей для отзыва ружей и сравнила результаты этих испытаний по кучности и резкости с боем великолепного, служащего образцом ствола. Резкость при этих испытаниях измерялась числом пробитых листов картона толщиной в 0,8—0,9 мм, гильзы были 65 мм длиной, дробь, обычная для зайцев, в 3 $^1/_2$ мм диаметром. Что же дали эти испытания?

Если взять изображение зайца сбоку в натуральную величину с отрезанными задними ногами и наложить его на стодольную мишень в 75 см, оно займет прямоугольник величиною 36x14 см, площадь которого равна 504 см^2, то есть соответствует площади круга А. Если при серии выстрелов в

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

этот прямоугольник каждый раз будет попадать не меньше четырех дробинок, тогда можно будет допустить, что результаты выстрела достаточно действительны, чтобы свалить зайца, особенно если принять во внимание, что натянутая на бегу шкура облегчает проникновение дробинок в тело зайца. Затем нужно переместить эту фигуру зайца на верхний край мишени, затем на нижний и также подсчитать число полученных ею пробоин; это важно потому, что на таких дистанциях охотник легко может повысить или понизить на 27,5 см.

Боковые отклонения выстрела такого большого значения не имеют, потому что длина тела зайца, достигающая до 36 см, умаляет значение небольших ошибок при прицеливании, которые поэтому можно не принимать в расчет.

Левый ствол образцового ружья, взятый для испытаний, давал очень однообразный и постоянный бой и такое небольшое рассеивание на самые большие дистанции, что переносить полученные при этом результаты на другие ружья было бы основательно лишь в исключительно редких случаях. Результаты испытаний этого ствола с точки зрения его пригодности для дальней стрельбы должны быть признаны необычайно высокими. В то время как большинство ружей давало при стрельбе дробью в 3,5 мм минимальную норму для поражения (4—5 дробин в фигуру зайца) на дистанции в 40—50 м и только в исключительных случаях до 60 м, это образцовое ружье давало эти же результаты на дистанции в 70 м, причем ошибки в прицеливании и направлении не превышали 27,5 см.

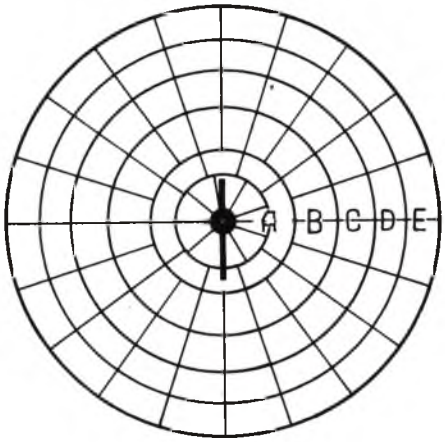
В большинстве стволов получаемая на нормальные (35 м) дистанции скученность* начинает с увеличением дистанции очень быстро падать и превращается — в особенности у сильных чоков — в совершенно противоположное — в пустоту на мишени; в том же стволе, который на испытании дал такие блестящие результаты, скученность на 35 м, несмотря на сильный чок (1,04 мм), не была чрезмерно велика и достигала только отношения 1:3 $^1/_2$, постепенно понижаясь с увеличением расстояния до 1:2 на дистанции в 55 м.

Далее скученность падала очень медленно, так что на дистанциях в 65—70 м еще оставалось 1:1 $^1/_2$. Только из такого ружья, которое обеспечивает настолько равномерную осыпь по всей мишени на самых далеких дистанциях, при которой разница между центром мишени и краями постепенно сглаживается, и возможно стрелять на дистанции в 60—70 м, причем, само собою разумеется, и стрелок должен обладать прекрасным искусством и опытом.

Для сравнения интересно привести результаты испытаний других ружей. Два садочных ружья, одно с патронниками в 65 мм, другое с патронниками в 70 мм (порох один и тот же), достигли границы предельной дальности (5 пробоин в круг А) — первое на 60 м, второе на 57,5 м.

Если, как это часто бывает, осыпь ружья недостаточно равномерна и на мишени имеются большие пустые места, то ясно, что о каких-либо хороших результатах на дистанции свыше 40 м не может быть и речи, особенно если погода сырая и дробовые ранки закупориваются шерстью зайца, так что он может скрыться с глаз как будто непораженный.

Пробивная скорость дробинок 3,5 мм на дистанциях в 60 м равняется $^2/_3$ их пробивной способности на 35 м, что можно считать еще совершенно достаточным. Если бы для стрельбы на 70 м взять дробь в 3,25 мм, она пробила бы только 30 листов картона (0,8—0,9 мм), т. е. резкость была бы немногим более $^1/_2$ резкости дроби 3,5 мм на (35 м). Достаточно ли этого для всех случаев — можно очень сомневаться.



Круглая стодольная мишень германской испытательной станции в Галензее

Отсюда ясно, что распространенный раньше обычай — применять на большие дистанции более мелкие номера дроби — вел в этом случае к неправильным результатам, так как стремление получить возможно большее число попаданий осуществлялось без достаточного учета их резкости. Впрочем, и это применялось только в пределах до 50 м.

Если бы пришлось определять границы по дальности выстрела с точки зрения резкости дробинок, то тогда пришлось бы производить испытания, именно увеличивая диаметр дробинок (обычный 3,5 мм). Это так и должно быть, потому что более тяжелые дробинки значительно дольше сохраняют свою скорость и резкость.

Но это преимущество можно было бы использовать только тогда, когда удалось бы добиться сверловки, которая обеспечивала бы на больших дистанциях достаточное число попаданий этих крупных дробинок в фигуру зайца.

Как уже указывалось, испытательная станция в Галензее приняла, после долголетних испытаний, за норму при определении предела дальности ружья минимум в пять дробин в круг А стодольной мишени. Предельной дистанцией при этих условиях является дистанция в 55—57,25 м, и ружья, которые бьют дальше до 60 м, являются редким исключением. Обычно же бой даже очень кучных ружей ограничивается 50—55 м. Совершенно очевидно, что такие ружья могут принести пользу только в руках превосходного стрелка.

Недавно испытательная станция в Галензее произвела ряд испытаний для определения боя дробовых ружей на близкие дистанции, причем для сравнения были взяты два ствола различной сверловки.

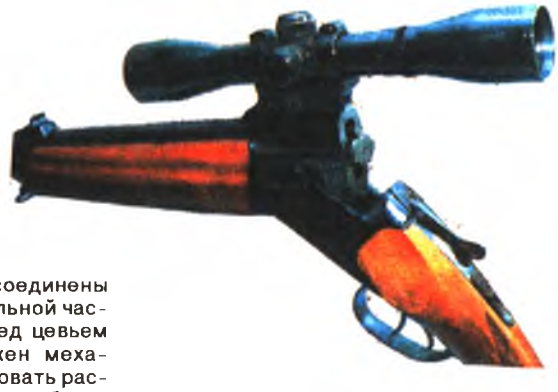
Для производства испытаний было взято «образцовое» ружье 12-го калибра, у которого правый ствол — улучшенный цилиндр (напор 0,15 мм) — давал скученность в 1:1,5; левый ствол этого ружья — сильный чок (1,04 мм) со скученностью в 1:3,0. Патроны были снаряжены 2,2 г пластинчатого бездымного пороха и 36 г дроби в 3,5 мм. Результаты этих испытаний были в общем следующие: на 5 и 10 м убойный круг обоих стволов был совершенно одинаков. Точно так же и на 15 м особенной разницы с охотничьей точки зрения заметно не было. На дистанциях в 20 и 25 м влияние чока сказалось уже сильно, и он приносил в круг А в два раза больше дроби, чем правый ствол, который приносил больше дробин в кольца С и Е. Левый ствол на 20 м приносил очень мало дробин в кольца С, Д и Е, тогда как в круг А попало 115 дробин из общей кучности в 138 дробин. Результаты левого ствола на 25 м были уже несколько выгоднее, так как в трех наружных кольцах С, Д и Е оказалось столько дробин, что они могли уже поразить крупную дичь. На 35 м превосходство левого ствола стало очевидно, потому что он принес в цель 107 дробин, равномерно распределенных по всей 75-см мишени, против 80 дробин правого ствола (цилиндра). Отсюда ясно, можно сделать вывод, что действительно хороший стрелок может с успехом пользоваться сильными чоками и на близких дистанциях и что он смело может отказаться от ружей со слабым по кучности боем.

***Примечание.** При стрельбе по немецкой стодольной мишени, используемой на испытательной станции в Галензее, близ Берлина (диаметр круга А равен 25,2 см, кольца В — 39,6 см, С — 52,1 см, Д — 63,8 см и Е — 75,0 см), разница в величине площади круга А и кольца Е позволяет судить о скученности дробин, так как одинаковое число попаданий в круг А и кольцо Е говорит о том, что в центре мишени дробь попала в два с половиной раза гуще, потому что площадь круга А в центре мишени в 2,5 раза меньше площади кольца Е. Второе число отношения скученности определяется делением числа дробин, попавших в круг А, на число дробин, попавших в кольцо Е, а полученное от этого число умножается на 2,5.*

*** См. примечание в конце статьи.**

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

ОХОТНИЧЬЕ РУЖЬЕ МР=251



Штуцер МР-251 под патрон 7,62х51

В 1996 г. на Ижевском механическом заводе был разработан конструктором Е. Поповичем двуствольный штуцер с вертикальным расположением стволов под патроны 7,62х51, а в 1997 г. начат его выпуск для продажи. Вес штуцера не более 3,8 кг, длина стволов 600 мм. Ружье создано на основе модели ИЖ-27, а это значит, что конструкция узла запирания осталась прежней. Усиление узла запирания, по всей вероятности, было достигнуто только за счет увеличения размеров движка входящего в паз подствольного крюка, однако более надежным было бы запирание не только на подствольный крюк, но и на выступ в верхней части казенного среза верхнего ствола, как это сделано, например, в оружии фирмы «Братья Меркель» которые используют так называемый затвор Керстена. Это увеличило бы и живучесть оружия и его надежность.

Штуцер МР-251 имеет открытый прицел в виде мушки и целика, который можно регулировать. В казенной части верхнего ствола имеется паз «ласточкин хвост» для установки кронштейна оптического прицела. Поскольку стволы между собой не соединены по всей длине, а только в дульной части и у патронников, то перед цевьем между стволами расположен механизм, позволяющий регулировать расположение пробоин при стрельбе из обоих стволов. Такое устройство может помочь свести средние точки попадания из обоих стволов в одну точку на какой-либо пристреливаемой дистанции. В зарубежных и цкибовских ружьях это делается сразу при спайке стволов. Конечно, такое устройство значительно снижает затраты на изготовление оружия, что сказывается на его цене. Изготовители утверждают, что это необходимо при замене патронов с другими конструктивными и баллистическими характеристиками. Однако в изготовляющемся сейчас оружии это достигается более простым и удобным способом за счет перестановки прицела.

Для этого штуцера на заводе изготавливаются сменные пары стволов. Одна пара комбинированная с нарезным стволом под патрон 7,62х51 и гладким стволом 12 калибра под патрон с гильзой длиной 70 мм. Вторая пара имеет оба гладких ствола 12 калибра.

Следует отметить, что штуцерный вариант этого ружья малопригоден для каких-либо охот, так как его применение на охоте просто нерационально. Штуцер обычно делается под мощные патроны крупного калибра, по крайней мере не менее 9 мм, так как нарезная двустволка с двумя раздельными замками является самым надежным оружием для охоты на крупного и опасного зверя, а патрон 7,62х51 для такого зверя непригоден. Его можно использовать только для охоты по среднему зверю. Так зачем охотнику его покупать, не ясно? На среднего зверя лучше под этот патрон купить самозарядный или магазинный карабин, в котором и патронов больше и кучность лучше.

Материал подготовил М. БЛЮМ

КОНЦЕНТРАТОРЫ

С. БУТУРЛИН
Из книги «Дробовое ружье и стрельба из него» Москва, 1937

Большинство всевозможных укучнителей дает очень ненадежные результаты: то выстрел пулей, то снос снаряда в сторону. Заливка стеарином, серой и т. п. столь же ненадежна, как и концентраторы, и при выстрелах из чоков или из стволов с сильным напором может повредить стволам.

Вот описание более простых и надежных концентраторов.

Концентратор Е. К. Адассовского состоит из четырехугольной полоски толстой пергаментной бумаги, имеющей такую ширину и длину, чтобы свернутый из нее и вставленный в гильзу на пороховой пыж цилиндр вмещал в себе весь дробовой снаряд, концы же полоски либо сходились один с другим сбоку, либо несколько заходили один за другой.

Бумага предохраняет дробь от стирания о стенки ствола, а ствол — от свинцевания. При вылете же из дула бумажный цилиндр развертывается в полоску и освобождает дробь, избавляя ее при этом и от трения о самый срез дула. Этот концентратор несколько — очень немного — улучшает и кучность, и резкость, но не постоянно: время от времени случаются и плохие выстрелы, зато он прост до крайности.

Концентратор А. П. Ивашенцова делается либо из толстой пергаментной бумаги, либо из альбомной толстой бумаги, оклеенной с одной стороны батистом или тонким коленкором («викторией») с помощью ровного и тонкого слоя рыбьего или лучшего столярного «багетного» клея. Вырезанный из такой бумаги кружок перегибается по диаметрам крест-накрест четыре раза; затем на навойнике барклая или на другой цилиндрической палочке несколько меньшего калибра, чем ружье, кружок этот складывают в складки так же, как в аптеках складывают в складки на пробке те бумажки, которыми обыкновенно прикрывают горлышко у пузырьков с лекарствами. В таком виде кружок образует цилиндрическую чашечку, которую опускают донышком на пороховой пыж, насыпают в нее дробь, покрывают дробовым пыжом и закручивают гильзу.

Еще лучше сделать так: сложив кружок в складки на навойнике, срезать углы складок и затем через одну сложить их в противоположную сторону, так что они будут поочередно идти то вправо (по ходу часовой стрелки), то влево.

При концентраторе Ивашенцова кучность улучшается процентов на 5—10, значительно улучшается и резкость, и осыпь, и плохих выстрелов не наблюдается.

Для значительного повышения кучности предлагалось много разных более или менее сложных приборов, таких как снаряд Неждановского, шрапнелька Джонса, концентратор Тарнопольского и другие. Но все эти снаряды плохи уже тем, что на них совершенно нельзя положиться. Наряду с прекрасными выстрелами то и дело получаются совершенно негодные. Лучше других парашют Жевело, усовершенствованный А. П. Ивашенцовым.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Этот парашют состоит из картонного цилиндрика с донышком. К донышку тремя тщательно выровненными нитками (места прикрепления которых к дну образуют треугольник) прикрепляется легкий, рыхлый войлочный пыж. Длина ниток около 2,5—3 см. Самый цилиндр с открытого конца прорезывается вдоль до половины длины крест-накрест 4 раза, разделяясь таким образом по окружности на 8 равных лепестков.

Парашют вставляется в гильзу так, чтобы привязанный к нему пыж лег на пороховой пыж, нитки легли аккуратно, не спутываясь, и парашют дном стал на пыж. В цилиндр насыпается дробь, затем, конечно, кладется дробовой пыж и гильза закручивается.

При выстреле этот концентратор не только устраняет трение дроби о стенки и дульный срез ствола, но и относит дробовой снаряд целиком за пределы действия вырывающихся из ствола газов, и только затем привязанный к концентратору легкий пыж задерживает прибор и освобождает дробь.

Парашют этот дает часто превосходную резкость и кучность, однако и при нем, как бы аккуратно он ни был сделан, получается процентов 20—25 негодных выстрелов.

О концентраторах С. А. Нетыксы, недавно вновь предлагавшихся т. Маркевичем, не стоит говорить, как об основанных на совершенно превратном представлении о действии пороховых газов в ружье. Но следует упомянуть о концентраторе Г. А. Пономарева, могущем иметь большое значение в деле экономии огнеприпасов, особенно дроби, при промысловой охоте, именно при белковании. В испытанных стрельбою образцах домашней работы этот концентратор представляет собою небольшой стаканчик из нескольких слоев бумаги, в двух местах укрепленной тонкими полосками жести. Поперечник стакана миллиметра на 2—2,5 меньше калибра ствола. Стакан прочно укреплен на середине порохового пыжа, так что кругом основания стакана остается еще с миллиметр или побольше свободного края пыжа.

Пыж со стаканчиком вставляется в гильзу на пороховую прокладку. Для этого, конечно, навойник должен быть тонким, чтобы вставляться внутрь стаканчика.

В стаканчик всыпается дробь, причем, так как его высота невелика, в него вмещается около 1/3 нормального снаряда дроби. Сверху кладется дробовой пыж. Легкость такого снаряда позволяет несколько уменьшить и пороховой заряд.

При испытаниях в мишень с изображением контура тетерева и белки на расстоянии 15 м попадало от 4 до 7 дробин. При аккуратной массовой выделке (из бумажной массы, целлулоида, пластмассы и т. п.), конечно, результаты могут быть еще улучшены, но, во всяком случае, этот концентратор позволит бить белку, рябчика и тому подобную дичь до 18—20-м расстояния, что в огромном большинстве случаев достаточно. При этом он позволит стрелять и необлицованной чугунной дробью, не опасаясь повредить стволы даже чоковой сверловки. Да и при стрельбе свинцовой дробью он даст более 60 % экономии свинца.

Надежный и превосходный бой полным снарядом дает один из самых простых концентраторов — кольцо Элея или Ланкастера. Это — просто кольцевой отрезок папковой гильзы около полудюйма в длину (12 мм). Для 12 калибра берется отрезок гильзы 16 калибра. Любой гильзовый завод может выпускать такие концентраторы очень дешево, а если иметь время, можно и самому их клеить.

Кольцо это при умелом и аккуратном снаряжении значительно усиливает резкость, процентов на 40 (и более — даже почти до 100 %) — кучность и дает ровный бой; но оно годится исключительно для стволов настоящей, а не по названию только, цилиндрической сверловки (но не для конической сверловки и не для чоков). При этом хороший бой получается от колечек, совершенно свободно, без всякого усилия входящих в дуло ружья, почти проваливающихся в него. Надо проверить каждое кольцо (что для сотни колец можно сделать минуты в 2—3), всунув указательный палец в кольцо и затем пробуя, как оно идет в дуло. Идущие туговато или, что гораздо реже, совсем проваливающиеся надо браковать.

Для металлических гильз кольцо это не годится, с бездымными порохами оно действует гораздо хуже. Наилучшие результаты кольцо Ланкастера дает при пороховом пыже несколько увеличенного калибра и при среднем или крупном черном порохе (или «жемчужном мелком», вообще при медленно горящем). В снаряженную порохом гильзу всыпается на пыж снаряд дроби, потом слегка вдвигается кольцо и вгоняется до краев гильзы, потом слегка приставляется навойник, гильза переворачивается дном кверху, в таком положении хорошо утрясается дробь, и затем в таком же положении кольцо с дробью вгоняется в гильзу, плотно охватывая верхнюю (т. е. более удаленную от порохового пыжа) часть дробового снаряда; тогда гильза переворачивается, вкладывается сверх кольца дробовой пыж, плотно прижимается, а гильза плотно закручивается. Для закрутки оставляется около 3 и не более 4 мм свободного края гильзы. При этом тонкий и очень мягкий пыж, положенный сверх порохового под дробь, сильно улучшает бой.

Чем ближе поперечник канала ствола подходит к поперечнику внутренности гильзы, тем лучший бой дают эти кольца. Снос дроби в сторону при них случается очень редко (но ведь и чоки дают изредка «дикие» выстрелы), дробь никогда не несет в цель пулей, если, как указано, кольцо совершенно свободно входит в дуло ружья, почти проваливаясь в него.

Приходилось слышать, что и эти концентраторы дают неровный, ненадежный бой. И года четыре назад в одном из наших охотничьих журналов была даже статья одного из охотников с таким отзывом о всех концентраторах вообще. Мы выяснили, что автор статьи просто не умеет заряжать патронов: он клал колечко Элея, не примеряя его по стволу, и притом прямо на пороховой пыж. Таким образом, у него колечко охватывало не верхнюю часть снаряда, как бы следовало, а нижнюю. Для человека, более или менее отчетливо понимающего явления, происходящие при дробовом выстреле, ясно, что такое снаряжение патрона и не может дать хороших результатов, так как нижние ряды дробин снаряда при выстреле наиболее сминаются, деформируются и подвергаются удару пороховых газов при вылете из дула, и охранять колечком имеет смысл не худшую, а лучшую, переднюю часть снаряда.

Никакой чок при черном порохе не может сравняться по бою с правильно снаряженным кольцом Ланкастера. Но для улучшения боя прочного чока есть другое прекрасное средство: пересыпка снаряда дроби сухой картофельной мукой (крахмал в порошке). После того как всыпана дробь, в гильзу сверху насыпается картофельная мука, отверстие гильзы зажимается большим пальцем правой руки, надавливающим все время на муку, а левой постукивают по гильзе навойничком, пока насыпанная на дробь мука не провалится внутрь дробового снаряда. Тогда насыпают еще муки и повторяют эту операцию до тех пор, пока сверх дроби не будет оставаться слой муки; после этого кладут дробовой пыж и закручивают гильзу.

Из 400 г муки выходит около 150 патронов 12 калибра и 225 — 20 калибра. Можно вместо картофельной муки брать порошок талька, да, вероятно, и другие мелкие порошки (см. ниже).

Дробь надо брать «согласованную», т. е. правильно укладывающуюся в ряды в дуле ружья, причем укладка должна быть не тугой, а свободной. Снаряд дроби надо брать ближе к нормальному, т. е. около 32 г для 12 калибра, а не увеличенный. Вес снаряда должен быть нормальным, считая вместе с весом пересыпки. Следовательно, сперва нужно определить весом, сколько примерно входит на снаряд порошка, и соответственно убавлять дроби. Но в стволах легких, тонких лучше этого способа не применять. В тяжелых же стволах он сильно увеличивает резкость боя и на четверть, а то и в полтора раза усиливает кучность, особенно в мелких калибрах чоковой сверловки.

Окончание следует

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

БУДЕМ ДРУЖИТЬ...

Борис ПЕТРОВ

После утренней зари, потраченной на скрадывание одиноко токующего косача, я шел краем большого болота, уморился и сел покурить. Как вдруг совсем низко над землей из этой согры-болотины вылетает непривычно крупных размеров серая птица — журавль! И, неловко выставив ноги-растопырки, опускается на бугорок метрах в ста от меня. Что они здесь обитают, я давно знал, всякое утро слыхал их трубные кличи. Но... журавлей не стреляют, охотничьего интереса у меня к ним не было, поэтому все как-то и во внимание не принимал. А так близко — никогда не видел.

Осторожненько я поднял свой «Фотоснайпер» с мощным телеобъективом, прильнул к видоискателю, навел резкость. Снимать далеко, но видно отлично. Оказывается, у него косичка, словно у дьячка, свисает с «лысого» затылка и какие-то кудреватые оборы болтаются понизу. Общий тон оперения пепельный, в цвет золы прогоревшего костра. А сам по себе вовсе не великан, каким видится в полете, в полном размахе крыльев, даже щупловат дяденька, понимаешь ли... Интере-есно.

Журавль, не сомневавшийся в своем полном одиночестве, совершенно не заботился о том, какое может произвести впечатление со стороны. Вдруг забавно скривил шею набок, будто захотелось сгибом крыла почесать щеку у глаза. Но чесаться не стал, как-то странно присел, подломив одну ходулину и слегка распустив крылья,— вроде как неожиданно оступился и пытается сохранить равновесие. Я в недоумении пожал плечами: что с ним? Странный какой-то...

А он тем временем широко развел махала и смешно присел на одной ноге, неуклюже отставив другую,— эдакий реверанс... Ба! Да ведь он — танцует! Только больше на циркача смахивает, чем на танцора, до того комичны ужимки. Но это и есть натуральный журавлиный танец. Раньше я их видел на рисунках, однако художники, они ведь... не могут изображать какие-то нелепые позы, обязательно чуть-чуть подправят — ради красоты... Рисование — искусство, без красоты, понимаешь ли, никуда. С фотокамерой такие штучки проделывать сложнее. На снимке никто из зрителей не понял бы, что это танец, скорее всего, подумали: журавль — инвалид.

Всю дорогу до села я нет-нет да улыбался, вспоминая забавные ужимки пепельного кавалера с косицей на затылке. Никогда раньше не видел... А сколько было этих журавлей, когда я впервые попал в Сибирские края! Теперь рассказать — не поверят. А больше того — тетеревов, просто сказка какая-то! Сам возвращаюсь в ту пору мысленным взором и сомневаюсь: было ли, не подменило ли воображение картины реального? Было, было...

Я приехал в Сибирь в конце 50-х, незадолго до наступления весны. Теперь уж, мне кажется, и весны в ту пору являлись в эти края не такие — буйные, сумасшедшие, настежь распахнутые и ошеломляющие. Как потекли снега, как заиграла вода и повалила птица с юга — журавли, утки, сотенные табуны черно-пегой казары, густые рои певчих — оглушали кликами, посвистом, гомоном, радостью! Выходишь с рассветом на сельскую околицу — вся синяя опушка за ближайшей пашней бурлит от косачиного бормотания. Ступишь в лес — словно окунешься в праздничный колокольный гул... Совершенно непонятно: куда идти?! Кругом беспрерывное гульканье, юрленье, воркотня и шип, кажется, сам воздух окрест дрожит, в голове сплошной гуд. А на солнцевсходе обычно слегка подморозит, звуки торжествуют фанфарно-чисто и звончато! Журавли кличут, бекасы блеют, голуби ухают, мелкая птичура трелями заливается. Приподнявшееся светило добродушно лучит на верхушки чистое ясное золото и поблескивает в молодом цепком ледке на лывах. И в тебе все поет и трепещет! Утро торжества и весеннего ликования — вот что для меня звуки тетеревиной песни.

...Но весеннюю охоту в тот год запретили. В 50-х, в Сибири, еще богатой дичью! Было одно время эдакое московское поветрие — глупость, разумеется, несусветная. А я так ждал этой весны! Но по молодости, кажется, не шибко и расстроился: «А! Переживем! У нас впереди этих весен — несчитанно!» Тем более что давно мечтал попробовать фотоохоту,— книжек, понимаешь ли, начитался. И Бутурлина, и Турова, и разных заметок. Все авторы в один голос твердили: такая же охота, только без выстрелов, «гуманная». И я наивно этому поверил — такая же. А тетерева — вон варят, за околицей слышны. Взял фотоаппарат и пошел снимать.

Там среди согр лежало бескрайнее моховое болото со светлым названием Лебяжье, в глубине его кое-где тянулись плоские песчаные гривы (по-сибирски — релки или веретеи), поросшие брусничником и сосенками-подростками. Бруснички по ним уже вытаяло — пропасть! (Кожистые капельки с кисловатой водицей внутри.) Вечером, помню, выбрел на такую релку, и вот они, косачи: шагах в тридцати. От неожиданности я рот разявил и стал пеньком, а они всем собором взнялись с земли и расселись тут же вокруг по вершинам сосенок. «Эх, сейчас бы ружье!..» А «Зенит» мой, естественно, болтался на боку зачехленный... Да так и пробродил три праздничных майских дня: состояние блаженное, птицы кругом — кишит, а ни единого снимка не сделал.

Шел я назад по залитой весенней дороге и рассуждал о своей неудаче трезво, но беспечально. Пишут, думал, будто такая же охота, только без крови. Ничего себе, «такая же»! С ружьем я за эти дни патронташ бы распонужал, а так... Допустим, построить на току шалаш и засесть — тоже вряд ли получится. Во-первых, надо большое-большое окно! Это тебе не ствол, который просунешь в любую дырку. А на вальдшнепиной тяге с фотоаппаратом вообще делать нечего или на утиной вечорке. Пишут — только людям мозги пудрят, понимаешь ли. И как-то я перед лицом неожиданно возникших сложностей разочаро-

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

вался во всей идее. Наивным был, зеленым...

Теперь стал зрелым мужиком, прежнего обилия тетерева нет уже и в Сибири, весеннюю охоту ежегодно разрешают, да только за исключением тетеревиной. Но я не могу, не хочу смириться с тем, что больше никогда не послушаю песни весны моей молодости! Ну и запретили,— зато у меня есть настоящий «Фотоснайпер» с прикладом и надежным телеобъективом. Его мне подарил друг, профессиональный фотограф Витя Грязнов. Он заядлый таежник, страстный рыбак, а главный его азарт в любой поездке — охота за кадром. Не птиц или зверей снимает, ему важен любой фотоэффект. В лесу, на реке, как верблюд, овьючен кофрами, объективами и штативами. В разговоре у него то и дело мелькают особые профессиональные словечки типа «полной дырой», «передер», «шевеленка», «трансфокатор» и т. п. Как заклинания любит повторять экзотические названия зарубежных фирм и марок — «Ленгофф», «Олимпус», «Партифлекс»... («А вот еще есть фирма «Смит-и-Вессон»,— в тон ему подшучиваю я.)

Витя впервые съездил со мной на глухариный ток и после двух прекрасных зорь сделал безапелляционное заключение: «Ни хрена здесь не снимешь! Вплотную под песню подошел, а у него только голова видна. Хвост веером — самая красотища! — приклеен на фоне соснового ствола, никакого вида абсолютно. И никогда тут настоящего кадра не получится».— «Ну, ты даешь,— удивился я.— А откуда же берутся всякие шедевры? Полистай охотничий журнал — во всю обложку дают!» Друг только снисходительно улыбнулся моей наивности: «Так это же все монтаж! Птицу снял в вольере, фон взял с другого негатива — нет проблем! А ты думал на дурничку сойдет — пошел, шлеп и готово?» — «В вольере я уж точно охотиться не буду... Слава богу, до этого еще не дошло». Мы с ним спорим иногда отчаянно, только на разных языках.

Кстати, он меня и надоумил: если такое желание — скрасть играющего тетерева, надо угадать на подходящую погоду, чтобы на земле было сыро, а еще лучше в ветер. Тут он, как специалист, был прав. И я эту идею осуществил. Съездил на три дня в неблизкий район, где еще попадались косачи. Вечером второго дня нашел парочку, засек место и пошел... спать, в сумерках все равно снимать нельзя! А утром...

Правда, пришлось даже метров тридцать ползти по сырой, только после снегосхода земле... С детских лет я так не «пресмыкался» на охоте, срамота. А что поделаешь? Кабы с ружьем — иное дело! А с фотокамерой в руках все переменилось. Считался скрад токующих косачей делом недостойным (как стрельба «шумовых» зайцев в самый вар гона) — стал мне единственной возможностью. Было безмерное счастье звонкого «утра ликования» — теперь рад промозглому сиплому ветру...

Петух пел не шибко азартно: гибкая вершина березы клонилась под порывами, неудобно ему было мотаться и одновременно изображать грозного рыцаря на турнире. Но фотография, говорят, поэзия остановленного мгновенья: на снимке качания-мотания не будет, видна будет только песня! Чудеса... Ничего не слышно, ветер глушит, а снимок «песни» получился. Немая песня... Ружье ненастоящее, ток инвалидный, охота — мало того что вегетарианская,— еще и «ползучая»! Другое время — иные песни...

Честно признать, снимок токующего на березе косача получился не очень-то. Для классического кадра положено лирохвостым токовать на полу, а не на ветке, да еще парочкой,— вот-вот сшибутся! Витя Грязнов, хоть и старался помочь напечатать снимок у себя в лаборатории, напрочь его раскритиковал. Откадрирован, понимаешь, плохо — обрез перед самым носом: «воздух» должен быть на картинке спереди, а не под хвостом! Поза вялая. И вообще нерезко, обычный «смаз». Телевиком, слушай, с рук снимать,— нужно, ого, какую тренировку! Без штатива у тебя ничего не получится. (Только этого мне не хватало — стрелять с «сошки», как деды палили из кремневок!) Короче, рядовая любительская работа, ни один журнал не возьмет, не говоря о выставке.

Несомненно он был прав, и я опять пытался втолковать другу, что мне нужно совсем не это! «Воздух», «ракурс»... А я рад: получилась охота! Мы долдонили каждый о своем, он не понимал, о чем я твержу. Раз взялся за фотокамеру, результатом должен стать **кадр**! И чем более выразительный, художественный, тем лучше, о чем тут спорить-то?! Я снова не очень уверенно оправдывался, рассуждая, что цель у каждого фотографа может быть своя.

Допустим, мастер-анималист, у того и зверю позволено сидеть прирученному, из зоопарка, и любой монтаж годен — ради искусства! Как на сцене: бороды приклеенные, мрамор фанерный, лес тряпичный, но важен достигнутый эффект. А взять ученого-орнитолога,— этому надо фотографией задокументировать научные наблюдения, правильно? Монтаж недопустим, зато может всю весну просидеть на глухарином току в специальном сооружении и поджидать, когда петух пожалует на середину поляны, к рассчитанной точке. Он исследователь, его подход под песню не интересует. Кстати, ученые, когда пишут про «фотоохоту», по крайней мере, берут это слово в кавычки.

«Знаешь, каких трудов мне стоил этот снимок?» — «Дурное дело — не хитрое,— отвечает.— Но должен же быть какой-то результат. Кадр».— «Да какой еще результат?! Объяснять надоело: мне лично нужна охота, понимаешь? О-хо-та! Как с ружьем — переживать все то же. Ты прошлый раз предлагал к тетеревам на машине подъехать: они, мол, подпускают. Зачем мне это браконьерство?!» — «Какое же браконьерство, ведь не стрелять. Абсолютно я тебя не понимаю. А с ружьем разве не конечный результат важен?» — «Нет, разумеется!» — «А что?» — «О, господи... О-хо-та! Переживания, страсть».— «И журавля, что ли, потому не стал снимать — запрещенная птица? Ну и чудик ты...»

Коли совсем честно, я не во всем признавался, косача с огромным трудом сфотографировал, а охота получилась... нет, не настоящей. Как бы это пояснить? Вот бывает любовь, а то еще — дружба. Хорошее дело, бла-

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

городное, но представить только: она тебе в ответ на страстные признания промямлила: «Не-а... Давай лучше просто дружить». Это ж какая обида! Даже оскорбление, понимаешь ли. Нечто подобное и охота без ружья. Бродил по весенним лесам и все время чувствовал, что чего-то не хватает. Как будто курить бросил, что ли. Или еще будто автомашину продал: сколько отпало хлопот, треволнений! Только и машины больше нет... Раньше мог — теперь не для меня: птицы летают, орут, зовут. А я спать пошел. Зато все-таки съездил, побродил в своих весенних лесах, послушал косачей. А то бы совсем...

В чем Витя прав? Вместо ИЖ-27 я взял фотокамеру, а мыслю «по-ружейному». И с тем журавлем он почти угадал: ведь можно было попытаться скрасть, чтобы сфотографировать! Но мне даже в голову не стукнуло. А ежели посмотреть, и журавли теперь мне «дичь». И многое другое запретное стало возможным. Журавли... Даже понятия не имею, как за ними охотиться! Вот закончились десять дней, отведенных охотникам для их весеннего праздника, а я возьму да еще раз махну — с «Фотоснайпером» можно. Именно! Всякими охотничьими запретами меня и так уже почти кастрировали, а без ружья-то воля! На журавлей, понимаешь ли, поеду. Гнезд у них пока нет, ничем навредить не смогу, а вдруг сниму болотные танцы? Так сформировалась идея еще одной, неожиданной, весенней поездки.

В этом районе наш Чулым образует обширную излучину, далеко отступая от станового берега, и все это низменное пространство представляет собой сплошное кочкаристое болото. Оно жиденько поросло молодым березником, чернеется несколько узких темнохвойных таежек, весной всюду, как в тундре, поблескивает вода. Таким я знал это место много лет, но все снаружи, никогда не заглядывая внутрь. Туда даже скот не забредает — летом сплошные несуразные осоковые «надолбы» да кислая водица. В этой-то обширной мари и селились журавли.

Замысел состоял в том, чтобы проникнуть в глубь этого «затерянного мира», и представлял собой немалый риск: кочкарник залит снеговой водой — как глубоко? Можно ли передвигаться в резиновых сапогах-заколенниках? Брести придется, вооружась добрым бадогом, но никакой гарантии, что не ухнешь в глубокое окно. А что поделаешь, придется лезть. В кои-то веки раз, понимаешь ли, на журавлей собрался...

Вечером я погулял под угором коренного берега вдоль приболотицы: выбирая место, где бы ловчее проникнуть внутрь неведомого урочища. Журавли, как обычно, славили зорю на закате. Прогуливался низом и медведь, оставив на грязи косолапые отпечатки с кривыми когтями. Без ружья смотреть на страшноватые следы было как-то... не того.

На рассвете, с первых шагов внутрь болота некоторые детали его стали вырисовываться не так, как представлялись со стороны. Первое, что обрадовало, дно между кочками, хоть и сплошь залито, под водой еще не протаяло, оставалось твердым и надежным. Это вселяло некоторую уверенность, не говоря, что облегчало ходьбу. Воды же было все время по колено — терпимо. Я представлял осуществление авантюры более опасным...

Когда пересек прибрежную ленту темного ельника, то увидел, что за ним лежит вовсе не сплошной унылый кочкарник, картина предстала все-таки более разнообразной. Поперек рыжего пространства тянулось несколько узких грив, поросших частым березничком, между ними простирались плешивые кочкаристые мари и посверкивали озерца-лывы. Вся картина отдаленно и в несколько «облезлом» виде напоминала давнее счастливое Лебяжье болото.

Естественно, побрел я, тыча впереди бадогом, выискивая место для ноги среди кочек, по пояс,— по направлению к ближайшей березовой гриве. Сапоги громко бултыхались в ледяной воде, все внимание сперва было сосредоточено на том, чтобы не завалиться, не зачерпнуть в голенища. Наконец, вздох облегчения: нога ощутила сухую твердь гривы. Теперь, осмотревшись, можно спросить себя: а чего я здесь, собственно, ищу, на что рассчитываю? Понятия не имею, где журавли держатся, как с ними, вообще, себя вести? Одно ясно: по сухой релке ходить легче, вот я на нее и выкарабкался. В небе светило солнце, в синеве юзжали сибирские лесные дупели — они токуют как бекасы, только не с бараньим блеянием, а изображают из себя игрушечные пикирующие самолетики. Сколько их здесь! Нетронутое царство...

Рыжая жухлая трава по веретее под снегом легла в пол, и тут меня ждала еще одна нечаемая радость: на траве всюду пестрели тетеревиные кучки, какие обычно остаются от их зимних ночевок... Это что же получается, тетерева обитали здесь всю зиму? И порядочно их было. Кормились на березах, под ними и ночевали в снежных лунках? А что, недурно устроились, местность укромная, никто не беспокоил. Интересно.

Отдохнув, я помаленьку перебрел на другую гриву, все дальше углубляясь в этот скрытый от посторонних глаз, неведомый мне мир согр и болота. И везде попадались явные признаки присутствия косачей. Более того, несколько раз чудилось, будто откуда-то доносятся звуки тетеревиного токования. Неуверенно, приглушенно, словно бы неподалеку, но... как будто из-под земли. Было уже довольно позднее утро, по времени петухи бормотать еще могли, но — на деревьях, разлетевшись с токовища. Однако нигде окрест не было заметно черных пятен на голых вершинах берез. Вот снова — словно журчит где-то подо льдом невидимый ручей, вот и «чуффы, чуф-фыы»! Не может ведь так явственно мерещиться. Наваждение какое-то...

А косачи и впрямь токовали, азартно, весело и, несмотря на поздний час, на полу! Я неожиданно нарисовался перед ними на выстрел: пересек гриву с одного берега на другой, и — словно кто крышку котла передо мной снял — все кипение-клокотанье вырвалось наружу. Напоролся... Вот же растяпа-охотничек, умная голова, золотая макушка. И «Фотоснайпер» висел через плечо, но это тебе не ружье, которое в подобных случаях само отработанным за годы движением взлетает прямо в упор плеча. Петухи тоже на миг растерялись... Но тут же ветер взвихрился над опушкой — весь ток разом взмыл в воздух.

Та-ак, вот вы где, выходит, голубчики, прячетесь! Недурно устроились, понимаешь ли, в такой непролази. Молодцы, приспособились, нашли укромное местечко — в согре, в самой болотяре! Ей-богу, молодцы, хвалю! Только и я, получается, не промах, обнаружил тетеревиную «Землю Санникова»... Это, когда они на деревьях, бормоток на заре разносится по всей округе, а здесь — укромненько, понизу... молодцы! Сколько их было? Не меньше двух десятков. И до того напуганные, что некоторые не сразу улетели — присели вокруг по вершинам, а березы все молоденькие, гибкие верхушки изогнулись под тяжелыми черными птицами, косач лепится, помогая себе крыльями... Ай да я — точок нашел! Да неплохой. Ведь они и завтра поутру здесь соберутся. Настоящий точок, о котором и мечтать перестал! Нет, такую возможность пропустить нельзя. Журавли подождут, у них в этой мари прописка постоянная. А вот завтра мы!..

Веселое решение возникло сразу: сейчас же соорудить какую-никакую ухоронку, лишь бы можно было спрятаться на одну зорю. Набросаю хвороста, ветоши, притащу кочку-кресло. Вечером они прилетят, обвыкнутся, а завтра, еще затемно, и я заберусь. Разумеется, в ночь-полночь сюда не пройти, придется сегодня потратить день, чтобы выбрести назад, засекши ход, притащить со стана самое необходимое для ночлега здесь, на гриве. Нелегкое предстоит путешествие взад-вперед, но оно того стоит. Нашел я их, голубчиков, разыскал! Ни сном ни духом — на настоящий ток угодил! Теперь — за дело!..

... Сидеть в скородельном рыхлом укрытии холодно, и одет я для подобной охоты жидко. Казавшаяся сверху сухой кочка под моим весом уплотнилась, стала отсыревать. Но придется снести все неудобства: предоставившаяся редкая возможность — случайный подарок. Еще темно, однако мои косачи уже в сборе — совсем рядом

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

бормочут, юрлят, наперебой страстно шипят и ярятся. Сижу словно в оркестровой яме посреди сотни настраивающих инструменты музыкантов. Но вокруг темно, и разобрать ничего не возможно. Лишь временами то в одном месте, то в другом в темных сумерках зыбко маячат белые платки, медленно проползают по земле и растворяются. Ничего, скоро посветлеет, ждать осталось недолго.

Один петух где-то совсем рядом, я различаю его в общем шуме по голосу: он чуфыкает необычно сипло, с присвистом,— голос сорвал, понимаешь ли... Постепенно проявляется и картина всего турнира. А когда смотришь в телевик, сильная оптика подает все рядом, рукой дотронуться... Полный «эффект присутствия». Но все никак не отступит сутемень: стрелять бы можно, снимать — нет.

У косача классический строгий костюм: черное с белым. И красный цветок «в петлице» — брови. А позы — не собственные у каждого, а у всех одинаково фиксированные. Когда он бубнит, шея и спина вытянуты вдоль земли, сам весь расфуфырен, серпики крыльев опущены, хвост развернут (готовый черно-белый орнамент для резьбы на оконных наличниках!), вся фигура похожа на пышный бант или какой-то замысловатый крендель.

— Уррр-ку-куррр,— льется бесконечная песня-журчание, при этом сам артист медленно разворачивается... А то вдруг срывается с места и, не изменяя позы, бежит словно пущенная по полу заводная игрушка, эдакий фигуристый бегающий бант. И вдруг остановится, сложится, сразу преобразовавшись в обыкновенную курицу, и буднично поищет клювом под крылом. Блоха заела, понимаешь ли! Но тут же снова грозно приведет свои доспехи в боевой вид, по-орлиному зло ощерится и подпрыгнет: чуф-фыы!..

А вон два драчуна — ни дать ни взять деревенские петухи: вспархивают друг перед другом, хлобыща крыльями, и сшибаются в воздухе! Третий сидит рядом, строго вытянув шею, и только шипит — судья, что ли? Чуть подальше два косача «в нижней стойке», вытянув шеи друг супротив друга, изображают фехтовальную пару на помосте: согласованно, как связанные, совершают рывки взад-вперед. Вся поляна передо мной живет, кипит, движется. И вдруг громкий выкрик:

— Ку-ку-кау!

Вмиг воцарилась тишина, «кино остановилось»... Что такое, неужели сейчас улетят?! Ага, вон кто нарушил порядок — заяц! Какой-то грязный, в серо-белых клоках. Не мог, понимаешь ли, дальше обойти, обязательно надо в самый разгар спектакля ковылять через сцену! Но тревожное молчание на токовище продолжалось недолго, вновь все заиграло, задвигалось... Я совсем задрог в куче хвороста... Ниш-то, потерпим ради искусства.

Удивительное это ощущение — словно ты стал невидимкой. Дикая жизнь, совершенно открытая, естественная, разворачивается перед глазами, и никто тебя не боится, прочь в панике не шарахается, спокойно делает свое весеннее дело, будто тебя здесь нет. Очень непривычно. Витя Грязнов несомненно прав: фотосъемка требует совсем другой близости с животными. Наверное, он имел в виду расстояние, но сказалось у него очень верно: именно близости, «интима», понимаешь ли! Которых я, когда ходил в лес с зимсоном своей молодости, не испытывал...

И еще он однажды утверждал, что зверей и птиц, чтобы кадр получился естественным, надо фотографировать с их уровня. Опять же имел в виду точку съемки, ракурс. Однако теперь и в этом правиле открывается некий второй смысл: надо и в поведении как-то «опуститься» до уровня своих живых персонажей, сравняться с ними, чтобы лучше понять и почувствовать... Не очень-то четко я думаю, хотя чувствую идею прекрасно. Ничего, позже все обмозгуем, а пока — смотри, впитывай, запоминай! За десятилетия охоты столько не увидел, как сегодня за одно утро. Ружейная «любовь» (как, извините, и всякая страсть) ослепляет. Да и пальнул бы уже, чуть развиднелось, а теперь сиди и жди настоящего света.

Ага, вот и тетерочки появились на театре наших действий. Впрочем, может, они присутствовали с самого начала? Очень уж незаметные, серенькие, шмыгают по траве между упивающимися собственным пением чернышами. А те, естественно, при виде дам из кожи вон лезут! И солнце скоро выглянет — вот когда наступит самый торжественный момент. Снимать, конечно, будет плохо: настоящих «бойниц» я не сделал, а попадется веточка поперек объектива — все насмарку. Ладно, будет мне наука. Нащелкать я уж точно нащелкаю, а что получится, это что Бог расщедрится подарить (и что Витя сумеет вытянуть). Неужели пары настоящих кадров не останется?

Так они и не узнали, что я все утро за ними подглядывал с помощью своей «скрытой камеры». И не надо им о том знать: пусть себе живут безмятежно в этом старинном недоступном мире. Может, дольше сохранятся. И я их не тронул. Чудеса... Тетерева самозабвенно варят вокруг, зайцы шастают, журавли танцевальные номера исполняют, а я, понимаешь ли, как добрый Саваоф, сотворивший этот мир, смотрю и улыбаюсь в бороду. Тоже необычное чувство. А дорогого стоит! Чтоб никто меня на моей земле не боялся. Да, дорогого... Что-то есть все же в этой бесшумной охоте свое ценное, есть. Конечно, не те же радости, другие, но есть. К ним только надо привыкнуть.

Да, не ружейная страсть — всего лишь увлечение, накала того нет. Так ведь и время другое. Разве можно сравнить, сколько было этих косачей на Лебяжьем десятилетия назад? Грустно вспоминать... И я за эти годы стал не тот, и природа-матушка заметно сдала. Срок пришел другой. Так что... остается нам только «дружить», дорогие мои косачи. А может, и без кавычек? Будем дружить...

Рисунки Б. Игнатьева

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

ГОСТИ

Валерий ЯНКОВСКИЙ

Наш отец — образцовый энергичный хозяин — оказался пленником собственных привязанностей и убеждений. Решившись бежать за границу, вместо того, чтобы заблаговременно ликвидировать конский завод — 600 голов, отстрелять сверх обычной нормы сотню пар пантов и перевести валюту в иностранные банки, он отобрал шесть десятков любимых скакунов и рысаков, усадил на них охранников своего полуострова и увел всю эту «армаду» в Корею. Имея три катера с баржами, не увез ни одного драгоценного оленя, ни одного корня полудикого женьшеня со своей огромной плантации. Для этого, кстати, требовалось всего-то несколько ящиков...

Увы, любимые кони и глубочайшая уверенность в том, что «очередной переворот» на Дальнем Востоке продлится не более двух-трех лет, поставили судьбу богатой семьи на грань разорения: люди и лошади очень скоро съели все резервы, и беженцы оказались в роли едва ли не люмпенов. Жизнь заставила взрослых и нас, подростков, браться за любую работу, которая могла помочь прокормиться. В Корею, в Сейсин, с нами прибыла целая группа педагогов, занятия протекали строго по гимназической программе, но все свободное время уходило не на отдых и игры, а на самую разную работу. Выпекали на продажу пирожки, солили, коптили и отправляли в Харбин селедку и иваси, работали чернорабочими на строительстве капитального дома для богача японца... А чистокровные кони возили в телегах на спичечную фабрику тяжеленные бревна и, непривычные к такой работе, часто калечились и гибли.

И вдруг появилась возможность поправить дела на приезжих охотниках. Сначала на иностранцах из столицы Сеула, потом, благодаря рекламе, ареал расширялся, начали приезжать из Шанхая, Харбина, Тяньцзина. Позднее из Европы. Были случаи, когда запрос о возможности организовать «сафари» приходил прямо по адресу: «Корея, Янковскому».

Охота — начиная с деда — любимое занятие семьи, но, конечно, не в роли платного егеря. Однако значительная часть нашей юности прошла именно в этом качестве. Когда мне было 16, а брату Арсению всего 13 лет, мы, как штатные «легионеры», стали полноправными членами «Тигровой экспедиции» представителя музея из Лос-Анджелеса, в прошлом профессионального ковбоя, крепыша американца мистера Рида. Наш месячный оклад составлял 105 золотых иен,— неслыханный по тем временам, когда поденщик мужик получал 40—50, а бабы — 30 сен (копеек) за восьмичасовой день черной работы. Почти за два месяца мы описали по тайге большой круг по горам и лесам северо-восточной Кореи, но тигра, увы, взять не удалось. К тому времени «своих» — корейских — было уже очень мало. Однажды со сворой из 22 собак, ходивших, по словам хозяина, на львов, экспедиция преследовала крупного маньчжурского хищника до самой пограничной реки Туманган. Старый ковбой и отец верхом, остальные рысью на своих двоих. Рид был вне себя, скакал сквозь тайгу очень лихо, подбадривая свору воплем: «Лайон, лайон!», но... тигр ушел назад в Маньчжурию безнаказанно.

Отец ранил крупную рысь-самца и отправил меня одного по кровавому следу, хотя это было весьма рискованно. Но я выследил огромного кота.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Правда, когда заметил в снегу за кустом глядящую на меня серую в крапинах морду с черными кисточками на ушах,— пробил холодный пот! К счастью, хищник уже застыл на морозе. Через сутки с носильщиком, который тащил на горбу этот трофей, одолев по следам высоченный перевал, мы нагнали экспедицию в глухой деревушке. Уже стоя во дворе, услышал за дверью фанзы забавный диалог. Наш молодой дядька Виктор требовал от Рида патефон — послушать музыку: «Мистер Рид, виктролла плиз ...» А тот через секретаря-переводчика, нанятого в Харбине графа Михаила Олсуфьева, острил: «Майкл, передайте Виктору: моя виктролла будет работать только на рысином сале». Я крикнул: «Откройте дверь, рысь здесь!» И заработал высочайшую благодарность...

Позднее приезжали шведы, испанцы, англичане. Известный шведский писатель-путешественник Стен Бергман с помощником и поваром японцем снял у нас в Новине утепленную дачу. Я сопровождал его на охоте за кабанами, чему он посвятил целую главу в книге «В дебрях Кореи», где дал нам с братом Арсением — как зверобоям — очень лестную оценку.

Чего не сделаешь, чтобы доставить радость гостю? Отец рассказывал, как однажды потрафил губернатору. Это было еще в Приморье. Для него организовали облаву на оленя. Красавец-рогач появился внезапно, и, естественно, неповоротливый чиновник второпях промазал. Стоявший рядом на номере хозяин мгновенно свалил рогача из трехлинейки. Но пока бежал к поверженному зверю, придумал, что нужно сделать, чтобы не огорчить гостя. Он с ходу перевернул оленя на другой бок и, указывая на большое выходное ранение, порадовал запыхавшегося главу области: «Видите, ваше превосходительство, это же рана из вашего крупнокалиберного штуцера!» И тем осчастливил незадачливого стрелка...

Мы с Бергманом и корейцем, который носил его громоздкий фотоаппарат, запасную обувь и носки, с утра по крутым горам преследовали табун диких свиней. После полудня они поднялись с лежек, я понял, что стадо где-то рядом, и очень осторожно подвел к нему нашего гостя. Выглянул из-за скупо освещенного кряжика и на противоположном северном склоне во мраке теневой котловины разглядел крупную чушку, застывшую в напряженной позе. Отрывая корм в глубоком снегу, она засыпала себя, как белым покрывалом, отчего стала как две капли воды похожей на упавший обломок чурки. Только легкий парок возле острого конца этой «чурки» выдавал живого зверя. Бергман стоял почти рядом, но — увы — ничего, кроме чащи и леса, разглядеть не мог. Чувствуя, что кабан вот-вот бросится и исчезнет, я медленно поднял винтовку в направлении цели. Швед прохрипел: «Ради Бога...» и в этот момент рассмотрел кабана. Но (о ужас!) сделал еще три шага вперед, опер свой манлихер на ветку молодого дуба. Так разволновался, что боялся выстрелить с руки! Я уже решил, что все пропало, но дура-чушка все еще чего-то ждала. Она слышала шорох, но не видела нас. А он все прицеливался... Наконец — трах! Похоже, куда-то зацепил, свинья рванулась вперед, как торпеда, и, вероятно, ушла бы, но я успел поймать на мушку темно-коричневую тушу меж стволами толстых лиственниц: раз! — и она покатилась. Успел даже срезать еще одну. Вероятно, швед понял, что к чему, но я сумел убедить в том, что кабан его. Мы стянули обеих чушек, положили рядом, я объяснил корейцу — куда смотреть и на что давить, и, думаю (в первый и последний раз в жизни), он удачно сфотографировал всю группу. Этот снимок вошел в книгу, в главу об охоте на кабанов в корейских горах...

Однажды поздней осенью к нам в Новину неожиданно прямо из Лондона прибыл член палаты лордов с женой. Он — чернявый крепыш, она — длинная, тощая, рыжеватая с веснушками дама на четвертом месяце беременности (животик довольно заметно округлился). Прибыли на две недели с просьбой организовать охоту на крупного зверя. По сложившейся домашней традиции очередь руководителя пала на брата Арсения. Я завез всю группу с багажом и оружием в самый отдаленный поселок по реке Туманган — Нонсандон — и вернулся домой. В тот год весь ноябрь стоял бесснежным, что очень мешало успеху. Хотя лист почти опал, земля замерзла, следов не видно. А гости оказались капризными, требовательными. С первых же дней Арсений бил косуль, повар кореец готовил жаркое и супы, но крупный зверь не попадался. А лорд нервничал: «Ваши дикие козы меня не удовлетворяют: подумаешь — рожки да шкурки! Мы должны добыть медведя или кабана. Думаю, вам пора показать, какого сорта охотником вы являетесь!»

Брат свободно владел английским, но субординация требовала выдержки. Посмотрел в глаза британцу: «Хотя без снега это не так просто, я докажу вам, сэр!» Замечание задело за живое. На следующий день он отправил пару с местным следопытом корейцем, сам пошел один. Без «помощников», которые, конечно же, сильно мешали, шурша опавшим листом и разговаривая, брат бесшумно подобрался к пасущемуся в дубняках на желуде крупному секачу. Свалил, засветло вернулся к фанзе, взял хозяина с быком и вывез зверя к возвращению гостей. Лорд принес извинения, признал, что погорячился...

Вскоре Арсений обнаружил в двух верстах от деревушки наполненную водой яму, которую, судя по следам, уже не раз посещал огромный кабан-секач. Вечером поделился своим открытием, но добавил, что зверь купается там далеко не каждую ночь, а полнолуние еще не скоро. Как вдруг мадам заявила: «Ведите меня туда завтра же! Я возьму с собой теплые вещи, буду караулить вечером и на заре. Я должна увезти отсюда, из Страны Утренней Прохлады, домой настоящий трофей!»

Никакие уговоры, что сейчас темно и холодно, что шансов на успех практически нет, воздействия не имели. Эта дочь Альбиона была непреклонна. Под вечер следующего дня Арсений с корейцем препроводили ее к кабаньей ванне, помогли обустроить скрадок и, посмеиваясь над полоумной беременной англичанкой, возвратились в фанзу, поужинали и разлеглись на теплых канах. Лорд влез в свой пуховый спальник, как обычно во дворе. Он не мог выносить запахов туземного жилья. И вдруг чуть свет раскрасневшаяся леди влетела во двор с криком: «Вставайте, я его застрелила!» Фантастика, но факт. Она увезла в Лондон выпиленную нижнюю челюсть вепря с красивыми, отточенными клыками и грубую щетинистую шкуру. Поистине, если женщина захочет, то и дьявол захохочет!..

В нашей семье потомственных зверобоев оружие, особенно нарезное, являлось своего рода культом. Винтовки армейского образца: трехлинейки, арисаки, маузеры, спрингфилды и, конечно, Ли Энфилды обязательно подвергались обработке. Для облегчения убиралась часть цевья, пирамидальная казенная мушка перетачивалась под «шарик» на продолговатой тонкой шейке. Шарик в прорезе пристреливался на отметке в 200 метров, после чего прицельная рамка закреплялась намертво, чтобы, не дай бог, быть сдвинутой в чаще леса. Мушку летом подкрашивали белой эмалью, а зимой при выходе на охоту коптили горящей спичкой. В прорези рамки вертикально устанавливался белый волос из конского хвоста, он помогал ловить мушку при плохом освещении. Мушку защищали рожками или кольцом.

Зимой винтовку вносили в помещение или палатку завернутой на улице в байковое одеяло. Тогда она отпотевает медленно, что предупреждает от коррозии. Только после ужина и чаепития, когда оружие отогрелось, приступали к чистке. В полости приклада хранились сплетенные из конопли ершики со свинцовым грузиком, он тянул за собой веревочку с петлей для тряпки. Двое садились напротив друг друга и тянули ершик по очереди. Не почистив, никогда не ложились спать.

С годами сыновья нагоняли отца, каждый день охоты давал больше, чем приносили платные гости. Подрос и очень способный братишка Юрий. Гости становились обузой, но совсем отказывать многолетним клиентам отец считал невежливым, поэтому когда доктор Бутс из Сеула попросил принять его с друзьями, скрепя серд-

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

це, согласился. И канадский миссионер прикатил уже вчетвером. Все с модным нарезным оружием, и лишь 16-летний мальчишка американец Рой с гладкоствольным помповым ружьем 12 калибра. Состоялся наезд на станцию Чхампион, оттуда с санями тропой-серпантином через очень крутой снежный перевал до фанзы старого знакомого с разбойничьими усами и золотым зубом хромого Ю. Мина по кличке Макар. И, как обычно в те годы, с помощником-поваром Иваном Чхон Чан Гыном. Этот Иван — живая легенда. Мальчишкой сбежавший от родителей из Кореи во Владивосток, он с гордостью рассказывал, как служил рулевым на катере Рында наших родственников Бринеров, как водил этот катер на их свинцово-серебряные рудники в бухте Тетюхе, как служил тайным агентом пристава во Владивостоке. Прижимая палец к своему «мефильстофельскому» носу, раздувая ноздри, подражая собаке ищейке, говорил: «Моя нос — как собака нос все рамно: кто куда ходи, кто чего делай,— все понимай. Господин пристав всегда говори — Иван молодец!» Он тарахтел на жаргоне, близком коренным жителям Дальнего Востока и во многом абсолютно непонятном для жителей центральной России.

Ужасный пройдоха, циник, бабник, балагур — душа общества, этот никогда не унывавший, безграмотный человек был талантливым импровизатором. Когда Бутс однажды поднял скандал из-за того, что повар подал жаркое на холодной тарелке, отец сделал выговор. На следующий день доктор, принимая тарелку, взвыл и уронил ее на пол: «Год дэм, этот варвар подал мне раскаленную посуду!» Явившийся на вызов Иван предложил потрогать тарелку отцу: «Возьмите, Юри Микаучи, эта тарелика сопсем теплый!» Тот пощупал: «Мистер Бутс, она в самом деле едва теплая, не понимаю...»

Вечером, когда отец и гости уже улеглись, Иван поманил нас с братом на кухню: «Смотрите, как я американски морда учили» и показал нам чудом не разбившуюся тарелку. Оказалось, он раскалил над огнем только одну небольшую кромку тарелки, отметив ее мазком сажи: ее и сунул в руки гостю, а отцу, разумеется, подал противоположным концом...

Для Бутса сотоварищи устроили несколько больших облав, организуя цепь загонщиков по хребтам и распадкам, сбегавшим в долину Туманган. Гнали зверя снизу вверх, где на становике располагались приезжие стрелки. За два дня кое-как удалось взять пару косуль и одного кабана. На третий день отец выстроил новую схему. Наметил высокий пик-плато, на котором сходилось несколько кряжей. По ним и стали подниматься попарно с разных направлений.

Я как-то отделался от своего напарника и вышел на вершину первым. И только перевел дыхание, как заметил мелькавший меж деревьями черный силуэт. Молодой секач приближался справа налево, и, когда поравнялся со мной в сотне метров, я крикнул: «Кук!» Он остановился, прислушиваясь. С пули подпрыгнул, пошел прыжками, но вторая, а затем третья остановили. Подрыгал ногами и стих. Он упал рядом с поваленным бурей дубом, на который я положил рюкзак и бинокль и к которому прислонил винтовку. Расчистив ногами от снега небольшую площадку, я развел костер и принялся потрошить. На дым костра в редколесье замельтешили фигуры: сероватые замшевые куртки хозяев охоты и армейские кителя цвета хаки — гостей.

Поздравили с успехом, сообща подтащили еще одну валежину, на которой удобно сидеть, стали располагаться на обед. Я вынул из парящей утробы печень, сердце и почки, их порезали, присолили, надели на шампура, начали запекать над нагоревшими дубовыми углями. Кто-то заботливо припас несколько зубчиков чеснока, нашпиговал бордовую печень. На жарких углях она надулась, зашипела, на поверхности образовались потрескивающие вулканчики, из красной стала желто-коричневой, издающей аппетитный аромат. В набитых снегом котелках вскипятили и заварили чай с нарезанной лозой китайского лимонника, отобедали.

Когда стали собираться, молодой американец Рой вдруг заявил: «Я хочу теперь идти с Валерием». Очевидно, решил, что сегодня и дальше удача должна сопутствовать мне. Пришлось согласиться. Отец зажал в рукавице четыре палочки разной длины и предложил гостям тянуть: самая короткая означала путь на север, подлиннее — на восток и так далее. Рой вытянул запад, и мы тронулись. Спустились в глубокую падь и начали подъем по длинному хребтику в сторону табора. Обходя густые заросли не сбросившего коричневый лист молодого дубняка и орешника, достигли половины подъема, когда я заметил вдалеке совсем черную на фоне снега чушку. Она пересекала вершину распадка на очень большом для верного выстрела расстоянии. Глаз был хорошо набит на определении дистанции. Прикинул — более 400 метров. Стоит ли жечь патроны, которые достаются с таким трудом (мы раза два в году получали их по специальным разрешениям с попутчиками из Шанхая, где приобретали через волонтеров Русского полка)?

Но углядел кабана и мой спутник. Он тыкал в том направлении пальцем и хрипел: «Шют, шют! — стреляйте, стреляйте!» И «завел» меня. Взяв соответствующей высоты мушку и, как казалось, нужное упреждение, пустил из своего Ли Энфилда одну, вторую, третью пулю. Вдруг чушка перевернулась через голову, покатилась и, зацепившись за куст, осталась лежать. Американец в восторге подпрыгивал и размахивал руками. И в этот момент намного дальше растянувшейся чушки откуда-то появился кабаненок-годовичок. Он удирал вверх по склону и казался блохой. Сам бы я стрелять не стал, но Рой завопил с новой силой: «Шют хим, шют хим!» И я решился. Сел, установил локти на коленях, сдержал дыхание. А поросенок вдруг остановился, повернувшись правым боком, как будто прислушиваясь. Теперь до него было около 600 метров. Слегка прибавил мушку: щелк! — и он остался недвижим. Восторгу спутника не было границ: «Вы сняли их за полмили!» Я сказал: «Давай посчитаем расстояние полноценными шагами». Отсчитали около половины, когда из-под ног вырвался серый заяц и пошел скачками влево. Шепнув: «Рой, бей!», я свистнул. Серый сел столбиком шагах в тридцати. Парень сразил его первым же выстрелом! Помчался прыжками, ухватил за уши и, сверкая голубыми глазами, подбежал ко мне. Я пожал ему руку, развязал за спиной рюкзак и сунул внутрь горячую тушку.

До чушки мы насчитали шестьсот с лишним, до поросенка — восемьсот шагов, примерно, как потом вымеряли, по восьмидесяти сантиметров шаг. Кабанов выпотрошили, уложили рядом, укрыли ветками дубняка, присыпали снегом, придавили тяжелыми валежинами и расставили на воткнутых в снег веточках стреляные гильзы для отпугивания волков и лисиц. Да, поросенка я по сути дела промазал: целился в бок, а пуля угодила в глаз!

Вечерело. Разделавшись с трофеями, пошли к тропе, ведущей к фанзе Макара. Уже у самой тропы из снега с шумом вспорхнул рябчик и сел на сук. Парень почему-то страшно разволновался. Тяжело дыша, целился бесконечно долго, а петушок ждал. Но упал комом. Я, конечно, снова его похвалил.

В фанзу добрались поздно, в полной темноте. Рой сильно умотался, несколько раз приходилось его поджидать. Вся компания, разумеется, была уже в сборе, ждали нас к ужину. Перед оклеенной бумагой дверью мы защелкали затворами, разряжая ружья. Дверь скрипнула, приоткрылась, нам выбросили на мороз одеяла. Завернули в них каждый свое оружие и шагнули через высокий порог. Не успели его переступить, как весь красный сияющий, сорвав с головы шапку, мой молодой напарник закричал фальцетом:

— Господа! Сегодня я добыл рябчика и зайца!!! — Ему зааплодировали. Он опустился на теплую циновку отапливаемого корейского кана и добавил, как бы между прочим, каким-то осевшим равнодушным голосом: — Ну, и Валерий еще двух кабанов...

Тут все дружно расхохотались и стали поздравлять меня.

Рисунок Б. Игнатьева

Белгородская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? Учебное пособие.— М.: МНЭПУ, 1997.— 332 с.

В данном издании подробно обоснован тезис, что биосфера Земли находится в состоянии кризиса, начавшегося около 100 лет тому назад и обусловленного воздействием человеческого хозяйства на биоту и окружающую среду. Проанализированы источники и причины возникновения кризиса, механизмы его развития, взаимного усиления включенных в него процессов. Прослежена история воздействия человеческого хозяйства на природу со времени его возникновения. Особое внимание уделено экологическим процессам, происходящим в России, и роли, которую может сыграть наша страна в решении глобальных экологических проблем. Рассмотрены пути выхода из экологического кризиса.

Чижова В. П. Школа Природы.— М.: Эколого-просветительский центр «Заповедники», Всемирный Фонд Дикой Природы, 1997.— 3000 экз. 157 с.

В книге говорится о методах и формах экологического образования посетителей национальных парков и заповедников. Автор использует собственный многолетний педагогический опыт преподавателя географического факультета МГУ, а также опыт работы отечественных и зарубежных природоохранных организаций.

Мордкович В. Г., Гиляров А. М., Тишков А. А., Баландин С. А. Судьба степей.— Новосибирск: «Мангазея», 1997.— 1000 экз. 208 с. ил.

Книга посвящена географии, климату, почвам, растительному и животному миру и экологии степных ландшафтов, которые, занимая всего 2 % поверхности земного шара и только 8 % суши, на 80 % обеспечивают человечество зерновыми злаками, мясом и другими продуктами животноводства. Такая роль стоила степям их первозданного облика — они на 90 % превращены в агроландшафт. От натуральной степи остались одни воспоминания да клочки так называемой целины, принимаемой сегодня за эталон. Тем важнее припомнить главные черты степных экосистем, пока они окончательно не ускользнули из поля зрения не только обывателя, но и ученых.

В Институте географии РАН продается научная монография «Медведи, бурый, гималайский, белый» (М.: Наука, 1993). В подготовке книги принимали участие 25 лучших специалистов по медведям.

Цена 20 руб. Обращаться: **109017, Москва, Старомонетный пер., 29, ИГ РАН, М. А. Вайсфельд. Тел. 959-00-16.**

Охота на снежного барана и бурого медведя

- 200000 га отдаленных охотничьих территорий
- охота как на континентальной части, так и на побережье Охотского моря
- 5 охотничьих базовых лагерей в диких нехоженных местах
- опытный и дружественный персонал, прошедший стажировку в охотничьих лагерях Аляски
- 1 охотник - 1 проводник
- высокий процент успешной охоты
- проведение охоттуров согласно международным правилам

Россия, 685000, г. Магадан
ул. Ленина, д.14, каб. 5
тел. факс: (413 22) 23382
E-mail:
kulu@rudakov.
magadan.su.

Лицензия
В 342250
Сертификат
соответствия
РОСС RU 0001
12 УН04

Furtex ОАО КРЕСТОВСКИЙ ПУШНО-МЕХОВОЙ КОМПЛЕКС

ПРОДАЕМ ПЛЕМЕННОЙ МОЛОДНЯК НУТРИИ

- ПУШНО-МЕХОВОЕ СЫРЬЕ И ПОЛУФАБРИКАТ, МЕХОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ (НОРКА, ПЕСЕЦ, НУТРИЯ)
- ВИТАМИННЫЙ ПРЕМИКС "Фуртекс"

142097, Московская обл.,
Подольский р-н,
дер. Кресты, п/о Рогово,
70 км Калужского шоссе.
Тел./факс: (095) 747-80-96

Дорогие читатели, друзья!

Продолжается подписка на второе полугодие 1998 года.

Обратите, пожалуйста, внимание, что цена журнала осталась такой же, как в 1997 году и в первом полугодии 1998 г.

Наш индекс 70673 по каталогу Роспечати

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

ПО СЛЕДУ ЛОСЯ

ВОЛКИ-ГИБРИДЫ

ДОКТОР «АЙБОЛИТ»

Несмотря на устойчивую тенденцию сокращения поголовья лося в Красноярском крае, охота на сохатого по-прежнему остается одной из самых популярных для жителей региона. В последнее время на его добычу регулярно выделяли не менее 2000 лицензий. Резкое сокращение лимита (в 2 раза) в сезон охоты 1997/98 г. в целом — мера хоть и несколько преждевременная, но, вероятно, необходимая.

В Красноярском крае (без Эвенкии и Хакасии), по данным кафедры охотничьего ресурсоведения и заповедного дела Красноярского государственного университета, обитает 27,4 тыс. лосей. Сокращение поголовья в основном происходит за счет Центральных районов, нагрузка на которые многократно возросла. Основная причина падения численности лося, как показывают полевые исследования, социальная.

С одной стороны, наблюдается практически повсеместное увеличение численности волка, с другой — многократный приток в тайгу людей, не обремененных работой, людей пришлых, случайных. Если о социальных факторах минувшей эпохи мы судили косвенно или по литературным данным, то сегодня с полной уверенностью можно говорить, что мы стали очевидцами антропического воздействия на ресурсы копытных. Достаточно сказать, что такое понятие, как возрастание охотничьей нагрузки в праздничные дни или выходные, сегодня практически исчезло. С началом охотничьего сезона число промышляющих людей не меняется, а после выпадения снега встретить след лося, не преследуемого человеком и собаками, стало чуть ли не событием.

Сегодня на слайды пятилетней давности я смотрю ностальгически. Охота троплением лося по следу проводилась уже по глубокому снегу. Ее успешность определялась целым набором элементов, свойственных именно этому способу охоты. То, что лось подошел на зимовку и держится в определенных местах, а также то, что его численность будет позволять поднимать в день по нескольку зверей, воспринималось как должное. «Наматывать» километры в поисках следа зверя или опасаться, что его уже кто-то гонит, не приходило в голову. Охота носила удивительно размеренный и, я бы сказал, поэтический характер. Поспешность и излишняя суета в охоте вообще недопустимы.

Все начинается с особой подготовки лыж, которые оснащаются специальными чехлами, устраняющими скрип снега. Если погода устанавливается тихая и морозная, а в Приенисейской Сибири она может длиться неделями, удачно сделанные чехлы, а также окантовка края лыж хорошим камусом, оказываются непременным условием добычи зверя.

Само скрадывание в такие дни — величайшее искусство. Как говаривал мой наставник по этой охоте: «Тут уж кто кого переслушает». Главное — способность охотника определить близость зверя, поскольку сам подход осуществляется крайне медленно, потому что на быстром ходу раньше стронешь зверя, чем скрадешь, а на медленном — можешь за короткий зимний день так и не дойти до него. Важно отметить, что даже в январе длина суточного хода отдельных зверей может очень сильно варьировать. Отдельные животные в это время могут идти ходом, практически не делая остановок. Также необходимо уметь выбрать жировочный след — идти, придерживаясь следа, а не по следу, учитывая при этом направление ветра.

Подход в снегопад, ветер, ненастье значительно упрощается, хотя в такие дни гораздо сложнее отыскать свежий след лося, что делает охоту в целом при троплении более результативной, но менее интересной.

А. П. САВЧЕНКО
Красноярск

•

Здравствуйте, уважаемая редакция! Вот уже 24 года я — жена охотника. И все эти годы мы выписываем ваш журнал, а муж еще и раньше его выписывал. У нас два сына и дочь. И что самое интересное, наша дочка больше сыновей увлекается охотой и рыбалкой. Она очень любит природу, зверей и птиц и с большим удовольствием рисует и лепит их. И у нее прекрасно это получается.

А когда начинается охотничий сезон, Наташа помогает заряжать патроны, не отходит от отца и просит взять ее с собой. В одном из номеров журнала на первой странице обложки она увидела женщину-егеря и сказала, что только так будет работать. Книги она любит читать в основном про животных и частенько спорит с папой, где какое животное обитает и чем питается. Причем разговор идет не только о тех, кто в России, но и на всей планете. А ведь ей недавно исполнилось только 12 лет. Напечатайте, пожалуйста, в журнале мое поздравление:

«Милая, родная моя доченька! Я от всей души желаю, чтобы твои мечты сбылись. Здоровья тебе и большой верной любви!»

Спасибо вам за журнал, я его тоже читаю с большим удовольствием.

Если кто-то захочет написать Наташе письмо, она будет очень рада. Наш адрес: **357980 Ставропольский кр., г. Нефтекумск, ул. Космонавтов, 4-3**

Лариса Александровна

•

Уважаемые работники редакции! Я благодарен вам за то, что выпускаете такой удивительный, интересный журнал, который выписываю с 70-х годов. На 1998 год тоже подписался. Жив буду, буду читать. Мне 77 лет, участник ВОВ.

В молодости я охотился на зайцев, уток, куропаток. Хочу рассказать про охоту на волко-собачьих гибридов. В 1970 году в колхозный овчарник начали наведываться волки. Первый раз они зарезали 23 овцы, а через три дня — еще 19. Вызвал нас бригадир и начал стыдить, что мы, охотники, не уничтожаем этих хищников. Нас собралось несколько человек, в том числе и лесник, ездили на мотоциклах, ходили пешком, искали волков, но обнаружить их так и не смогли. Потому что снега не было и следов не было. В начале ноября выпал снег, 10—15 см. Взял я ружье, патроны с картечью, направился в лес. В километре от деревни был скотомогильник, некоторые колхозники видели там штук шесть волков. Прошел я скотомогильник, ничего не обнаружил, затем оглянулся, вижу, идут... Впереди двое молодых черного цвета идут быстро, остальные четверо далеко сзади. Я зашагал обратно, осталось метров 15, но волки меня не заметили, бегом к яме и застрелил одного почти в упор картечью, второй волк убежал. Остальные четверо прошли от меня метрах в ста и направились в лес.

Убитого волка я поволок в де-

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

ревню, но на волка он был совсем не похож, скорее на овчарку, только гораздо больше, чем немецкая. Снял я шкуру и послал в Удмуртию, г. Сарапул, где находилась пушно-меховая база для определения. Ответ пришел быстро, что это помесь волка с собакой. Еще прислали квитанцию на получение денег — 4 рубля, получать их я не пошел.

Из шести этих волков-гибридов один здоровый был, как теленок, другой поменьше, но больше овчарки. Шерсть у первого была темно-желтая, у второго темно-коричневая, остальные все черного цвета.

На другое утро я снова был в лесу, слышал, как они воют. Но с тех пор они у нас больше не появлялись.

Мне кажется, это интересный случай, напечатайте его, пожалуйста, в журнале.

Ч. МУРАТОВ
Башкирия

В ЗАЩИТУ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Уважаемая редакция!

Прочитав в 6 номере журнала за 1997 г. статью начальника бюро рекламаций ружейного производства Ижевского механического завода С. П. Иванова «Пусть охотники нас рассудят», решил высказать свое мнение, так как меня удивила обвинительная тональность статьи в отношении охотников и редакции журнала.

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» я выписываю с 1963 г., охотиться начал в 1964 г., купив ружье ИЖ-17, которое безотказно служит и в настоящее время. Имел ружья ИЖ-54, ИЖ-58, и никаких нареканий в отношении их нет.

В ноябре 1996 г., после длительного мытарства благодаря нашим несуразным законам, я приобрел комбинированное ружье ИЖ-94 под патрон 7,62×54 (№ 96 М2973) в фирменном магазине ижевского завода «Барс» г. Санкт-Петербурга.

После пристрелки ружья, во время его чистки, отвалилась колодка, на которой крепится мушка (некачественная пайка). Пришлось мне снова ехать в магазин «Барс», чтобы сдать ружье в гарантийный ремонт. Живу я в 120 км от г. Санкт-Петербурга, цена на билет за проезд высокая, а в гарантийном талоне на ружье сказано, что доставка его, в случае выявления дефекта, в гарантийную мастерскую или на завод осуществляется за счет покупателя.

В результате пропал охотничий сезон и пришлось выложить солидную для меня сумму денег на поездки.

Через три месяца я получил ружье из ремонта: колодку припаяли, а в паспорте о ремонте отметки никакой не сделали.

Какая следующая часть отвалится у ружья — не знаю. Создается впечатление, что пока на ижевском заводе руководили товарищи, то выпускалась качественная продукция, а как во главе встали господа, то пошли в продажу ружья с отваливающимися мушками и с нарезными стволами на 500 выстрелов.

Я согласен с С. П. Ивановым, что на отдельных ружьях могут быть какие-то дефекты, но не слишком ли много жалоб на качество ружья ИЖ-94 и почему доставка бракованного ружья должна осуществляться за счет ни в чем не повинного покупателя, а не за счет завода, выпустившего брак, разве это цивилизованные отношения?

Я считаю, что руководству Ижевского механического завода надо не оправдываться, а выпускать качественное оружие, каким оно было раньше. А уж если случился брак, то все издержки потребителю, в том числе и моральные, должен возмещать завод, и замена бракованного ружья должна производиться не после нескольких ремонтов, а если пожелает покупатель при выявлении первого же дефекта. Вот тогда отношения между заводом и потребителем можно будет назвать нормальными и цивилизованными.

С глубоким уважением к редакции

А. А. СКРЯБИН
Ленинградская область, г. Кингисепп

Уважаемая редакция! Решил уже прекратить всякую писанину, но не получается, потому что письмо в вашем журнале (№ 12-97) за 10 подписями вот уж точно искажает действительность. А справедливость все-таки должна восторжествовать.

Я должен сказать, что стрелковый стенд, который якобы отсутствует, я делал сам, будучи председателем заводского комитета профсоюза Кировского чугунолитейного завода. Он и не должен был быть на балансе районного общества охотников, но он служил для всех охотников города и района. Отсутствие бумаг вовсе не означает, что можно допустить разрушение и разграбление стенда и таким образом прекратить работу стрелковой секции районного общества охотников. Метательные машинки для стрелкового стенда получены в областном обществе охотников и рыболовов, они находились на балансе РООиР, однако были или разбиты, или разворованы.

Сам я не мог не участвовать в тренировках и соревнованиях по стендовой стрельбе, потому что в 1972 году был избран членом правления РООиР и руководителем секции по стрельбе. Каждое воскресенье в летний период с 1972 по 1985 год я проводил тренировки на стрелковом стенде. Каждый год, перед началом летне-осенней охоты я организовывал, проводил и судил соревнования по стендовой стрельбе на первенство района. Судить соревнования и участвовать в них — несовместимые вещи. Я думаю, что эти 10 человек, подписавших против меня письмо, ни разу не были на Кировском стрелковом стенде.

Мне приходится бывать в охотугодьях и, если раньше я встречал кормушки и солонцы, то сейчас, снова это утверждаю, их нет. И о какой критике на собрании можно говорить, если собрания годами не проводятся? А ведь они в свое время проводились регулярно во всех первичных охотколлективах.

И еще раз повторю, что у нас, в г. Кирове Калужской области путевки на охоту инвалидам ВОВ выдаются за полную стоимость!

В охотугодьях слышны выстрелы практически круглый год, все заставлено капканами и петлями. В водоемах днем ловят рыбу сетями и неводами. Я пытался об этом говорить председателю совета районного общества ООиР Ворону, но он мне ответил, что «сейчас воруют везде».

Уважаемая редакция журнала, с которым я дружу многие годы, знаю, вы обязательно опубликуете мое письмо. И, пожалуйста, незамедлительно!

Е. В. БУЛДЫГИН
и еще 6 подписей охотников, подтверждающих изложенные факты,
Калужская обл

Уважаемая редакция! Вы уже, наверное, обнаружили в конверте фотографию счастливого бородатого мужчины довольно-таки средних лет с гусем в руке. Знакомьтесь — это Геннадий Давыдович Некрасов. А фотографировал ваш покорный слуга. У меня к ней и эпиграф имеется (эпиграфы — моя страсть): «Очень весело на дальнем расстоянии вырвать из станицы чистого пером, сытого телом прилетного гуся!» — С. Т. Аксаков «Записки ружейного охотника...».

Г. Д. Некрасов и в самом деле счастливый человек. Кроме интересной работы в Алтайском государственном аграрном университете, большого количества друзей (среди них — я) и хобби настоящих мужчин — это, конечно, охота, у него есть еще одно любимое занятие. Он доктор «Айболит». Да, настоящий добрый доктор, который лечит собак, и в этой ипостаси его знает пол-Барнаула. От многих других ветврачей он отличается в первую очередь неформальным подходом. У него никогда не бывает недостатка желающих попасть на прием. За это, выражаясь канцелярским языком, «содействие развитию служебного и охотничьего собаководства в крае» Алтайское краевое общество охотников и рыболовов в 1997 г. посвятило его в свои почетные члены.

Мы с ним вместе охотимся вот уже более 10 лет. Именно под моим «чутким руководством» он когда-то добыл своего первого дикого гуся. Потом второго, третьего... десятого... И дошел до того, что обстрелял своего наставника, но я не в претензии — на здоровье! Тем более что Давыдыч «расплачивается» со мной забавными охотничьими историями, а бывает, что мы и сами с ним в них попадаем. Некоторые из этих случаев потом попадают в мои рассказы.

Ваш писатель про заек

Ю. КОТЛЯРОВ
Алтай

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Занимательный калейдоскоп

ГНЕЗД НЕ СТРОИТ

На Земле насчитывается 43 вида крачек, и лишь одна из них — белая крачка, обитающая на Гавайских и некоторых других островах Тихого океана, для выведения потомства не строит гнезда. Ну никакого! В специальной литературе говорится, что эти птицы откладывают всего лишь одно яйцо. Еще бы, попробуй высиди его на голой ветке дерева или на... вентиле водопроводного крана (а также зафиксировано). Но вот перед вами редкий снимок: белая крачка отложила в развилке ветки два яйца! Теперь, сменяя друг друга, самец и самка будут насиживать их долгих 35 дней и еще два месяца выкармливать птенцов. Только что появившийся на свет птенец уже хорошо развит и имеет длинные острые когти, которыми крепко держится за сучок.

УНИКАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ЯИЦ

Она принадлежит некоммерческому Естественноисторическому музею Лос-Анджелеса. В нее вошло около 250 индивидуальных коллекций, приобретенных в разное время во многих странах мира у отдельных лиц, университетов и институтов. В коллекции насчитывается более 800 тыс. экспонатов!

Калифорниец Эд Гаррисон посвятил ее комплектованию всю жизнь. Созданный им и группой любителей-натуралистов в 1956 г. музей является одной из крупнейших в Америке научно-исследовательских организаций, занимающихся изучением естественной истории.

Большинство яиц коллекции взяты из гнезд в период между серединой XVIII — XX веков. Начиная с 1968 г. материал коллекции использовался учеными многих стран в различных научных исследованиях более 2000 раз. В конце 1980-х годов было объявлено о создании в Лос-Анджелесе орнитологического Центра, куда и была передана на хранение эта уникальная коллекция.

ОХРАНА ПРИРОДЫ С ВОЗДУХА

Еще в 1975 г. среди летчиков США, обслуживавших перевозки пассажиров в западных районах страны, была создана на добровольных началах специальная группа «Лайтхок» («Быстрый сокол»), предложившая решать вопросы охраны окружающей среды с помощью самолетов. За время своего существования группа «Лайтхок», имеющая в своем распоряжении два самолета, два штатных пилота и семь летчиков-добровольцев, совершила полеты по заданиям более 100 организаций, в той или иной степени заинтересованных в охране природы, с налетом около 150 тысяч миль в год от Аляски до Латинской Америки. Группа помогла закрыть (а в дальнейшем и ликвидировать) Аризонский металлургический завод — крупнейший источник эмиссии двуокиси серы в США. Она выявила нелегальные золотые прииски, определила места вырубки в заповедном тропическом лесу острова Коста-Рика. Пилоты группы помогают выслеживать волков, следят за передвижением морских свиней (вид дельфинов). С их помощью из Канады в штат Монтана была переселена большая группа шотландских куропаток.

Е. СОЛДАТКИН

ОПАСНАЯ ВСТРЕЧА

Шли последние весенние дни. Стояла теплая майская погода. Ружье давно было зачехлено, а память все еще возвращала меня в вальдшнепиный апрель. Нет-нет да и встанут перед глазами чарующие картины апрельской тяги, и покажется тогда, что будто доносится до слуха едва уловимое хорканье. И вот, закончив дневные огородные дела, решил попытать счастья — вдруг увижу над засыпающим лесом знакомый кургузый силуэт пролетающей птицы?

Излюбленный маршрут моих дачных прогулок пролегает по правому берегу реки Вори. Густо заросший ольхой, черемухой, бузиной и крапивой низкий берег вдруг вздыбливается метров на двадцать и нависает над узкой лентой реки вековыми елями, причудливыми арками белоствольных берез, своими гибкими макушками, стремящимися дотянуться до противоположного берега. Местами березы надломились и легли поперек реки, образуя естественные мостики через Ворю. Заросли бузины в низинах иногда привлекают сюда рябчиков, и я не раз вздрагивал от неожиданного резкого хлопка их

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

крыльев. А сейчас я шел, завороженный соловьиными трелями, звенящими над руслом Вори.

Преодолев крутой подъем, вышел на опушку гористого леса. Правый берег реки здесь полого опускается вниз, а левый островерхими макушками елей устремляется к небу. Кроны берез, светло-зелеными пятнами вкрапленные в темный фон елового бора, высоким полукружьем опоясывают изгиб реки. В километре на взгорке раскинулась деревня Новоселки, опоясанная со стороны реки дачами. Между рекой и деревней лежала похожая на огромную чащу низина с разбросанными по ней перелесками. Дно чаши, ее отлого возвышающиеся края, промежутки между перелесками были засеяны вико-овсяной смесью, изумрудно поблескивающей в лучах заходящего солнца.

Как обычно, расположился под давно облюбованной огромной старой березой, росшей на самом краю обрыва, над рекой. Отсюда открывался чудесный вид. Внизу, над самой водой, касаясь низкого левого берега, протянулась кем-то варварски срубленная береза, по которой с известным риском можно было перейти на другую сторону.

Разложив нехитрую снедь, среди которой была даже баночка шпротов, принялся трапезничать. Постепенно темнело, из-за макушек леса медленно выползал лунный диск, воздух наполнился комариным зуденьем. Наглухо застегнул молнию куртки, глубже натянул кепку, и все же комары находили незащищенные места. Отмахивался и руками, и ветками.

Отмахиваясь, я глянул вправо, где уже поблекли последние всполохи зашедшего солнца. С холма, четко по линии опушки, неспешно спускался какой-то силуэт, на первый взгляд — собачий. Нас разделяли метров сто пятьдесят. Расстояние медленно сокращалось. Силуэт был плоским, напоминал укороченный пенал, с довольно длинными ногами. Голова была опущена вниз, как будто что-то искала. Когда до зверя оставалось метров сто, я понял, что это кабан. Легкий ветерок, дувший в мою сторону, донес едва слышные всхрюкиванья. Кабан повторял все изгибы опушки, вынюхивая своим пятачком съестное.

Опушка обрывалась высоким берегом Вори, а на кромке обрыва стояли одиночные ели и березы. «Если не свернет, то выйдет прямо на меня»,— мелькнуло в голове. На всякий случай посмотрел вниз, ища наиболее удобный путь для отступления.

Уже отчетливо доносилось хрюканье. Кабан завершил обход опушки и двинулся вдоль обрыва к моей березе. Был он очень худ, отчего ноги его и казались длиннее обычных. Ветерок уносил от него смачный запах моих шпротов. Кабан и не чуял, и не видел меня, слившегося в темноте с березовым стволом.

Я замер, ожидая развязки. Кабан поддевал носом какие-то корешки, чмокал и неумолимо приближался. Когда между нами оставалось метров шесть, нервы не выдержали: какая-то пружина вскинула меня на ноги, и, боясь сам и желая напугать зверя, я заорал во все горло: «Куда ты прешь?..»

В случае его нападения я готов был кубарем скатиться к реке. Но этого не потребовалось... Кабан, подобно медведю, мгновенно встал на задние ноги, крутнулся на 180 градусов и немыслимыми зигзагами, как бекас или поднятый в высоком лесу вальдшнеп, бросился назад к лесу и, треща сучьями, скрылся в его чащобе.

Г. ПАПКОВ
Московская обл.

Русские холодные приправы

Наряду с горячими приправами-взварами русская кухня обладает несколькими видами холодных приправ, также требующих предварительного приготовления, но чисто механическим, холодным способом. Такие приправы приготавливались осенью, зимой, весной. Так, из сушеной ягоды и меда готовилась традиционная холодная приправа к пернатой дичи и к холодной (заливной) птице, к лосятине и кабанятине в желе.

Ягодная приправа к дичи

0,5 стакана сушеной брусники, 0,5 стакана сушеной черники, 0,5—0,75 стакана кипятка, 1 ч. ложка лимонной кислоты, 4 куска сахара-рафинада.

Ягоды смешать, залить крутым кипятком, дать разбухнуть и оставить (в закрытом виде) на 1 ч. Добавить лимонную кислоту, сахар, размять и выдержать при температуре 18—20 °С в течение 3 дней до легкого закисания. Если будет густой, добавить чуть-чуть кипяченой воды. К закисшей массе можно постепенно добавлять новые порции, что улучшит вкус приправы по сравнению со вновь приготовленной.

При хорошем качестве ягоды должны совершенно распуститься в общую желеобразную кисловатую массу.

Заливной мусс из дичи

Сварить глухаря до полной готовности, освободить от костей, удалить кожу, пропустить мясо через мясорубку 2 раза, протереть пюре через сито. Распущенный желатин смешать с бульоном и половиной количества полузастывшего желе залить пюре. Хорошо вымешать, добавить по вкусу мускатный орех и взбитые сливки. Перемешанную массу выложить в специальную форму, облитую изнутри оставшимся желе, хорошо застывшим. Поставить в холодильник, чтобы мусс хорошо окреп. Перед подачей форму с муссом на несколько секунд опустить в горячую воду, затем перевернуть на тарелку и снять форму. Вокруг украсить венком из нарезанного лапшой салата, смешанного с порезанными таким же образом свежими огурцами, заправленными уксусом и оливковым маслом.

1 глухарь, 100 г масла оливкового, 50 г вина сухого, 2 ст. ложки желатина, 2,5 стакана бульона, 0,5 сливок, мускатный орех, соль по вкусу.

Суп из потрохов дичи

Потроха любой дичи отварить до мягкости в слегка подсоленной воде. В конце варки вложите очищенную, мелко нарубленную зелень. Укроп и петрушку мелко порубить и посыпать ими суп. Подать в горячем виде к столу.

1 набор потрохов, 1 пучок зелени для супа, 1 ст. ложка укропа и петрушки.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

В НОМЕРЕ

ГАБУЗОВ О. Дичь уничтожает не охотник, а бульдозер . . . 1
СУХОМИРОВ Г. Охотничье хозяйство Дальнего Востока . . . 4
БОРЕЙКО В. Неуслышанная правда . . . 6
ХАЛЕЕВ М. Охотна на вальдшнепа . . . 8
ДИГИЛЕВИЧ А. На гусей. . . . 10
РУКОВСКИЙ Н. По следам куницы . . . 12
ДОРМИДОНТОВ Р. Полвека на тетеревиных токах 14
РУКОВСКИЙ Н. Азиатский лев и азиатский гепард 17
НАГИБИН Ю. «До чего населен и озвучен мир!» . . 18
ГЛЕБОВ П., ГОГОЛЕВ С. Охота — это воспитание души (интервью) . . . 20
ГРЕКОВ В. Малоизвестные способы приготовления дичи . . . 22
СЕВАСТЬЯНОВ А. На весенних разливах . . . 24
ЮНГ О. Грейхаунд в России . . . 26
ТУРКИН Н. Использование лося . . . 30
БЛЮМ М. Охотничьи ружья серии «Бекас» . . . 32
ДЕЙНЕРТ Б. Дальные и близкие выстрелы . . . 32
БЛЮМ М. Охотничье ружье МР-251 . . . 34
БУТУРЛИН С. Концентраторы . . . 34
ПЕТРОВ Б. Будем дружить . . . 36
ЯНКОВСКИЙ В. Гости . . . 40
Письма читателей . . . 44
На привале . . . 46
Реклама . . . 29, 43, 44
ШИШКИН В. Чайки . . . 48

На первой странице обложки: Марал — очень крупный и стройный зверь, вес которого иногда достигает 300 кг. Обитает в горах Алтая, Саян, Прибайкалья, акклиматизирован на Урале и во многих районах Европейской России.

Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки: Правильно обученная лайка хорошо помогает при подборе подранков. Счастливый случай — охотникам впервые в жизни удалось добыть окольцованного гуся. Это поможет ученым проследить пути гусиных перелетов.

Фото А. Дигилевича

На четвертой странице обложки: Чибис — кто у нас в России не знает этого еще недавно вездесущего кулика, обитающего от западных границ до Дальнего Востока. Он не прячет свое гнездо, но попробуйте подойти к нему — он спикирует на вас с громким криком.

Малый зуек — этот куличок немного больше воробья. Свои гнезда-лунки устраивает на каменистых и песчаных берегах рек и морей.

Фото Ю. Андреева

Фотоконкурс «Охота и природа, 1996»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:
М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дежкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.

Зав. отделом писем И. И. Полосухина
Художник Т. В. Баженов
Художественный редактор М. Л. Кнерцер
Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 10.03.98 г. Подписано к печати 08.04.98 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 42770 экз. Заказ 2874
Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета Российской Федерации по печати
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452.

ЧАЙКИ

В группу так называемых темноголовых чаек (см. № 3 и 4, 1998 г.) входят еще два гнездящихся в нашей стране вида: малая и вилохвостая чайки.

Малая чайка — самый мелкий вид среди настоящих чаек. От других темноголовых чаек помимо размеров отличается темным исподом крыла с белой каймой по внутреннему краю. В сезон гнездования голова черная, мантия светло-серая. Маховые снаружи серые, на концах белые. Наружное опахало первого махового темное, край внутреннего опахала трех первостепенных маховых частью темноватый. Шея, грудь, брюхо, хвост белые. Глаза темно-бурые. Цвет клюва от темно-красного до почти черного. Лапы ярко-красные. В зимнем наряде, как у многих темноголовых чаек, шапочка почти исчезает. Темные перья остаются на темени, затылке и за глазами. Оперение молодых похоже на зимний наряд взрослых, но темного цвета больше на голове, спине, крыльях (особенно на крайних маховых). По концу хвоста темная полоса. Полет малых чаек легкий, маневренный. Разнообразны визгливые и гортанные крики. Большая часть гнездового ареала этого вида — в нашей стране, хотя изолированные поселения встречаются и в Сев. Америке (с 60-х гг.) и в Зап. Европе. На востоке (до Алдана) и севере разреженные непостоянные колонии. Пары образуются либо при прибытии на колонию, либо еще во время пролета. Брачные игры с преобладанием воздушных демонстраций, по земле передвигаются мало и неохотно. Гнезда располагаются на притопленных сплавинах, заломах тростника и т. п. Колонии небольшие, иногда отдельные пары селятся вместе с озерными чайками, некоторыми крачками. В кладке обычно три оливково-крапчатых яйца. Самка насиживает больше самца. Птенцы, покрытые серовато-охристым пухом с пятнами, вылупляются на 20—24-й день. На крыло становятся обычно на 25-й день. Основная пища — водные и наземные беспозвоночные. В отличие от малой чайки, типичного обитателя умеренной зоны, **вилохвостая чайка** — арктический вид, хотя на зимовках появляется у берегов Южной Америки и Африки. Меньше озерной, но заметно крупнее малой чайки, вилохвостая чайка в сезон гнездования хорошо отличается темно-серой окраской головы, черным клювом с желтым концом, темными ногами, черным цветом, развитым от сгиба крыла до белых концов крайних первостепенных маховых, вильчато-вырезанным белым хвостом. Вокруг темного глаза красные края век. Зимой лоб, горло и некоторые другие части оперения светлеют. Молодые еще более пестрые, иногда с буроватым оттенком и светлыми каймами кроющих спины. На конце слабо вильчатого хвоста темная поперечная полоса. Гнездятся у нас вилохвостые чайки крайне спорадично: от Таймыра до Чукотки, преимущественно в болотистых тундрах, на моховых островках и т. д. В простое гнездо откладывают обычно два-три яйца. Окраска скорлупы оливково-бурая с темными пятнами. Птенцы покрыты светло-охристым пухом с буроватыми пятнами и полосками. Вылупление происходит примерно на 25-й день. Птенцы и кладки часто гибнут от хищничества песцов, поморников, крупных чаек. Пуховиков иногда затаптывают взрослые во время агрессивных столкновений на колонии. Основа питания — беспозвоночные, мелкая рыба.

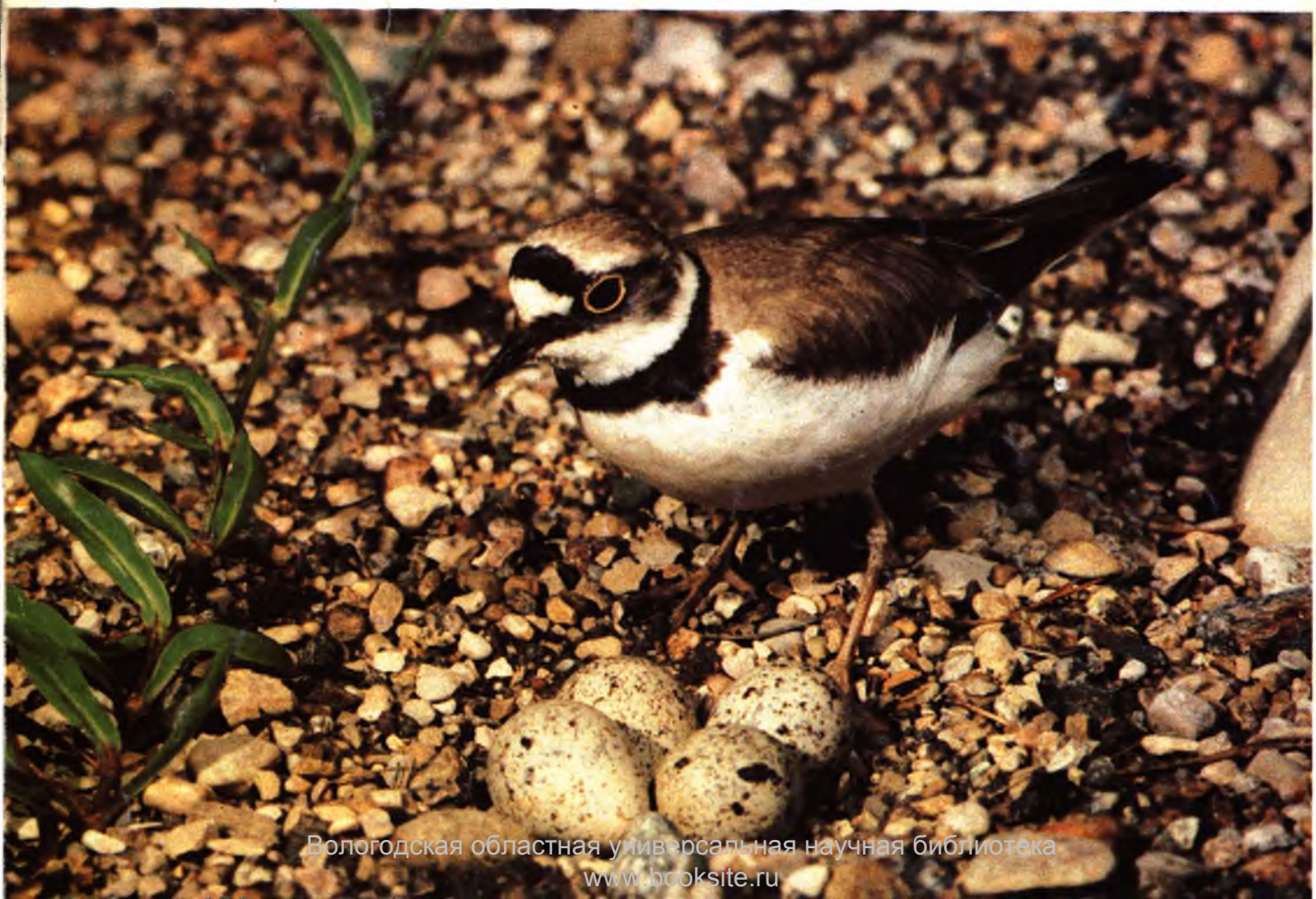
Изредка на Дальний Восток залетает еще одна темноголовая **чайка — китайская**. Ее гнездовые колонии обнаружены лишь в последние годы (Сев. Корея, Сев.-Вост. Китай). Китайская чайка немного меньше озерной, шапочка летом черная с белым незамкнутым спереди кольцом вокруг черного глаза. Края век и клюв черные, лапы красные. На не менее пяти крайних первостепенных маховых темная предвершинная перевязь, концы белые. Общая численность китайских чаек не превышает, вероятно, 2 тыс. особей. Сведения о встречах этого вида, включенного в Международную Красную книгу, представляют большой научный интерес.

В. ШИШКИН

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Рисунки В. Шишкина

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru



Индексы 70673 — на полгода, 72376 — на год. Цена 7 р.

ISSN 0131—2596. Охота и охотничье хозяйство. 1998. № 5. 1—48.

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru